

HISTORIA ROSSICA

ARCHIVALIA ROSSICA

«РУССКАЯ ВЕРНОСТЬ, ЧЕСТЬ и ОТВАГА» ДЖОНА ЭЛФИНСТОНА

ПОВЕСТВОВАНИЕ О СЛУЖБЕ
ЕКАТЕРИНЕ II И ОБ АРХИПЕЛАГСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

**«Русская верность, честь и
отвага» Джона Элфинстона:
Повествование о службе
Екатерине II и об Архипелагской
экспедиции Российского флота**

«Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона:
Повествование о службе Екатерине II и об Архипелагской
экспедиции Российского флота / «НЛО»,

ISBN 978-5-44-481358-4

В 1769 году из Кронштадта вокруг всей Европы в Восточное Средиземноморье отправились две эскадры Балтийского флота Российской империи. Эта экспедиция — первый военный поход России в Средиземном море — стала большой неожиданностью для Османской империи, вступившей в очередную русско-турецкую войну. Одной из эскадр командовал шотландец Джон Элфинстон (1722–1785), только что принятый на русскую службу в чине контр-адмирала. В 2003 году Библиотека Принстонского университета приобрела коллекцию бумаг Элфинстона и его сыновей, среди которых оказалось уникальное мемуарное свидетельство о событиях той экспедиции. Автор «Повествования» сравнивает российский и британский флот, описывает остановки в разных городах Европы, делится впечатлениями от встреч с Екатериной II, Павлом I и выдающимися деятелями той эпохи, цитирует их письма, многие из которых публикуются впервые. Перевод, исследование и комментарии к «Повествованию» выполнили профессор НИУ ВШЭ Елена Смилянская и преподаватель Университета Эксетера (Великобритания) доктор Юлия Лейкин.

ISBN 978-5-44-481358-4

© НЛО

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Исследование	11
ДЖОН ЭЛФИНСТОН И НАСЛЕДНИКИ ЕГО АРХИВА	11
ПОВЕСТВОВАНИЕ О ВЗЛЕТЕ И ПАДЕНИИ РОССИЙСКОЙ	19
КАРЬЕРЫ ДЖОНА ЭЛФИНСТОНА	
СОБЫТИЯ АРХИПЕЛАГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, КАК ИХ	24
УВИДЕЛ ДЖОН ЭЛФИНСТОН	
«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»: ДРУЗЬЯ И ВРАГИ КОНТР-	31
АДМИРАЛА ДЖОНА ЭЛФИНСТОНА	
БРИТАНСКИЙ ОПЫТ ЭЛФИНСТОНА И ЕГО УЧАСТИЕ	44
В ОБНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОГО ФЛОТА	
КОЛЛЕКЦИЯ ЭЛФИНСТОНОВ В ПРИНСТОНЕ:	62
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА	
Русская верность, честь и отвага, представленные в правдивом	66
повествовании контр-адмирала Джона Элфинстона, командовавшего	
эскадрой кораблей Ее императорского величества и капитана	
флота Его королевского величества, о российской морской	
экспедиции 1769 и 1770 годов, составленном из подлинных писем,	
документов и журналов, с описанием приема, ему оказанного Санкт-	
Петербургом двором, и всего случившегося с ним, когда он	
покинул этот двор, сочиненном, чтобы добиться справедливости от	
Императрицы за его признанную службу, иллюстрированное планами	
и картами различных морских предприятий и случайного сожжения	
почти всех османских морских сил, посвященное Ее императорскому	
величеству императрице всероссийской 1773 год	208
Конец ознакомительного фрагмента.	121

«Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона Повествование о службе Екатерине II и об Архипелагской экспедиции Российского флота Исследование, перевод с английского и комментарии Елены Смилянской и Юлии Лейкин

ВВЕДЕНИЕ

В 1769 г. из Кронштадта вокруг всей Европы в Восточное Средиземноморье отправились две эскадры Балтийского флота Российской империи. Командовать первой эскадрой, состоявшей из 16 судов, был назначен немолодой адмирал Григорий Андреевич Спиридов (1713–1790), и 17/28 июля его эскадру провожала сама императрица. Вторая эскадра в составе восьми судов вышла 9/20 октября под командой энергичного шотландца Джона Элфинстона (1722–1785), которого лишь в июне того же 1769 г. пригласили на российскую службу и пожаловали чином контр-адмирала.

Осенью 1768 г. началась Русско-турецкая война, и поход российских эскадр должен был привести к открытию нового театра боевых действий на Балканах, в Греческом архипелаге и в Малой Азии, отвлекая силы Османской империи с традиционных для русско-турецких войн днестровского, причерноморского и дунайского направлений. По мнению британского историка М. С. Андерсона, «неожиданное появление этих сил в Средиземноморье было одним из наиболее поразительных событий восемнадцатого века»¹.

Переход российских эскадр сопровождался драматическими коллизиями. Прибытие кораблей к берегам Мореи (Пелопоннеса) в течение февраля – мая 1770 г. было отмечено антиосманским восстанием греков, но восстание к июню 1770 г. потерпело поражение и вскоре было жестоко подавлено. Русским пришлось прекратить сухопутные операции в Морее, покинуть Наварин и земли Мани на юге Пелопоннеса, но в морских сражениях российский флот ожидал успех. Эскадра Элфинстона первой вступила в столкновение с превосходящими силами турецкого флота при Наполи ди Романия (совр. Нафплион), а затем объединенные российские силы одержали победы в Хиосском сражении и Чесменской битве 24–26 июня/5–6 июля 1770 г.

После Чесменской победы, которой «совершеннее быть не может...»², командующий всеми российскими операциями в Архипелаге граф А. Г. Орлов направил контр-адмирала Элфинстона с тремя линейными кораблями, двумя фрегатами и пинком к Дарданеллам. Этот отряд без успеха атаковал дарданелльские укрепления, но блокировал пролив, сделав временной базой ближайший к Дарданеллам остров Имброс. Орлов же с основными силами флота с 19/30 июля по 26 сентября/7 октября 1770 г. осаждал остров Лемнос, намереваясь сделать его базой российского флота в Архипелаге. Это почти удалось, но к осажденным на Лемносе при-

---

¹ Anderson M. S. Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768–74 // English Historical Review. 1954. Vol. 69 (270). P. 44.

² А. Г. Орлов – А. С. Мусину-Пушкину. АВПРИ. Ф. Лондонская миссия. Оп. 36/1. Д. 262. Л. 26–27.

было турецкое подкрепление, и Орлов снял осаду. Флот вынужден был отойти на юг и начать создавать свое место базирования на острове Парос. В ноябре 1770 г. граф А. Г. Орлов передал командование в Архипелаге адмиралу Г. А. Спиридову, подчинив ему и Элфинстона. В конце ноября 1770 г. братья Алексей и Федор Орловы отбыли из Архипелага, а вскоре вслед за ними в Ливорно, а затем в Петербург был вызван и контр-адмирал Джон Элфинстон, который в 1771 г. вынужден был покинуть российскую службу.

О подробностях этих событий Джон Элфинстон повествует в сочинении с длинным названием «Russian Faith, Honor & Courage displayed In a Faithful Narrative of the Russian Expedition by Sea In the Years 1769 & 1770 by Rear Admiral John Elphinston, Late Commander in Chief of a Squadron of Her Imperial Majesty Ships and Captain in His Majesty's Royal Navy, Compiled from Original Letters, Papers & Journals with an Account of the Treatment, the Author Received from the Court of St. Petersbourg, with Everything that Has Happened to Him since He Left that Court, in order to Obtain Justice from the Empress for His Acknowledged Service» (далее – «Повествование»).

Автограф этого сочинения в составе коллекции бумаг Джона, его сына Самьюэла и внука Александра Фрэнсиса Элфинстонов был приобретен Библиотекой Принстонского университета и поступил в рукописный отдел Библиотеки в 2003 г. (коллекция была дополнена в 2010 г.)³. Таким образом, изучение коллекции Элфинстонов началось только в последние годы⁴.

Историкам открылся архивный комплекс, удивительный по значимости содержащейся в нем информации. Он не только позволяет детально анализировать события Архипелагской экспедиции – первого военного похода России в Средиземноморье, – но и содержит *новые данные* об этом многократно описанном в историографии военном походе. Джон Элфинстон немало пишет об особенностях управления Российским флотом екатерининского времени, он сравнивает передовой для его времени британский образец с российским и отмечает недостатки и достоинства каждого, подготовку офицерского состава и способности нижних чинов (причем в последнем случае сравнение оказывается в пользу российских матросов). На страницах «Повествования» предстают картины доков и портовых ремонтных баз в Кронштадте, Копенгагене и Портсмуте, а также временных стоянок флота на островах Имброс и Тассос, в Порто-Мудро на Лемносе и др. За свою короткую двухлетнюю службу Российской империи Элфинстон неоднократно встречался с императрицей Екатериной II, которой он восхищался и не случайно посвятил ей свое «Повествование». Описания этих встреч с императрицей в Петербурге, Петергофе и Царском Селе, безусловно, добавляют красок в наши представления о личности Екатерины и о ее дворе. В России Элфинстон знакомится и с будущим

---

³ По требованию хранителей приводим полную и краткую ссылки на данный рукописный памятник: «Russian Faith, Honour & Courage Displayed in a Faithfull Narrative of the Russian Expedition by Sea in the Years 1769 & 1770 by Rear Admiral John Elphinston, late Commander in Chief of a Squadron of Her Imperial Majesty's Ships & Capt[ain] in His M[ajesty's] R[oyal] Navy, Compiled from Original Letters, Papers, & Journals, with an Acct. of the Treatment of the Author from the Court of St. Petersbourg with Every Thing that Has Happened to Him Since he Left that Court in Order to Obtain Justice from the Empress of His Acknowledged Service», 1773; John Elphinston Papers Relating to the Russo-Turkish War, C0951, Box 3, vols. 1–4; Manuscripts Division, Department of Rare Books and Special Collections, Princeton University Library. Электронный ресурс. Режим доступа <http://pucl.princeton.edu/objects/rf55zb337> свободный. Здесь же в свободном доступе «Box 4» (шитые в книгу документы преимущественно Александра Элфинстона, внука контр-адмирала Джона Элфинстона). Краткую опись коллекции на сайте Библиотеки см.: Электронный ресурс. Режим доступа <https://findingaids.princeton.edu/collections/C0951#arrangement> свободный.

⁴ См. об этом новейшее исследование: MacDougall Ph. *Islamic Seapower during the Age of Fighting Sail*. Woodbridge: Boydell Press, 2017; *Idem*. «So Complete Was Our Victory! So Complete Their Ruin!»: An analysis of the battle of Çeşme, 1770 // *Mariner's Mirror*. 2017. Vol. 103. No. 3. P. 264–281; Downer M. *The Queen's Knight. The extraordinary life of Queen Victoria's most trusted confidant*. London: Corgi books, 2008; Смилянская Е. Б. Автобиография, или Счет по государственному долгу? Повествование контр-адмирала Джона Элфинстона о его службе в екатерининской России // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы международной научной конференции. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. С. 513–519 и др. Мы надеемся, что вслед за настоящим изданием русского перевода «Повествования» Элфинстона последует и его публикация на английском языке.

императором Павлом I, с выдающимися деятелями екатерининской плеяды – Никитой Ивановичем Паниным, братьями Орловыми, Иваном Григорьевичем Чернышевым, Григорием Андреевичем Спиридовым. На российской службе его сводит судьба с видными дипломатами Михаилом Михайловичем Философовым, Алексеем Семеновичем Мусиным-Пушкиным, с теми, кто только в будущем станет гордостью российской дипломатии (например, графом Андреем Кирилловичем Разумовским), кто составит элиту Российского флота, дослужившись до адмиральских чинов, – с Самуилом Карловичем Грейгом, Александром Ивановичем Крузом, Фомой Фомичем (Томасом) Макензи, Иваном Яковлевичем Баршем, Степаном Петровичем Хметевским, Федотом Алексеевичем Клокачевым и др. Их словесные портреты или данные им мимоходом характеристики, их письма – как известные, так и публикуемые впервые – позволяют читателю не только оценить драматургию великих и малых событий, но и почувствовать «вкус» и «голос» времени.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что мемуарное «Повествование» Элфинстона относится к редким по значению военным нарративам XVIII в.

Во вводных статьях к переводу мы представляем ряд исследований, ставших результатом поиска документов о Джоне Элфинстоне, об описываемых им событиях и явлениях, о героях его «Повествования».

В биографическом очерке об авторе «Повествования» и о наследниках его архива центральной темой является российская судьба Элфинстонов. Не только контр-адмирал Джон Элфинстон, но и трое его сыновей были офицерами Российского флота. О британском опыте морской службы Джона Элфинстона и о его «героической биографии» британского моряка, капитана Королевского флота сведения собрал его внук Александр Фрэнсис, и эти сведения мы помещаем в Приложении к «Повествованию» Джона Элфинстона. Александр Фрэнсис Элфинстон более других потомков интересовался и бумагами деда, создав новые редакции публикуемого здесь сочинения (об этом см. Археографическую справку).

Отдельный раздел посвящен особенностям «Повествования» Джона Элфинстона – сочинения, безусловно, обиженного иностранца, но человека, заботящегося о своем честном имени: его сочинение содержит в целом достоверные свидетельства очевидца важных событий российской истории. Это не исключает того, что оценки многих событий в «Повествовании» Элфинстона нередко носят резкий, эмоционально окрашенный, а порой и предвзятый характер.

Представляя читателям перевод «Повествования» Элфинстона, мы полагали важным проанализировать и спорные вопросы истории Первой Архипелагской экспедиции, новые аргументы к разрешению которых содержатся в публикуемом здесь пространном нарративе. Прежде всего это вопросы стратегии и тактики военных операций Элфинстона, А. Г. Орлова и Г. А. Спиридова в 1770 г., включая сражение при Наполи ди Романия, Чесменскую битву, осаду Лемноса и блокаду Дарданелл.

Отдельное исследование родилось в процессе комментирования данных Элфинстона о людях, окружавших его на российской службе, и о его британских знакомых: о претендующих на роль покровителей Элфинстона Н. И. Панине и И. Г. Чернышеве, о его антагонистах А. Г. Орлове и Г. А. Спиридове, о подчиненных контр-адмирала и о его высокопоставленных соотечественниках – лордах Чарльзе Каткарте и Томасе Говарде Эффингеме.

Особенностям британского опыта морского дела, ради которого и был приглашен Элфинстон на российскую службу, посвящен очерк Ю. Лейкин. Оценка Элфинстоном Российского флота и его представления о правильном командовании эскадрой опирались на опыт многолетней службы в Королевском флоте Британии, а этот флот значительно изменился после Семилетней войны (1756–1763 гг.). Элфинстон был уверен в преимуществах британской модели управления флотом и считал, что английские новации самым лучшим образом будут способствовать российской Архипелагской экспедиции. Но оказалось, что его английский опыт стал не только преимуществом, но и препятствием для его успеха в России.

При подготовке русского перевода сочинения Джона Элфинстона приводимые мемуаристом документы и факты были по возможности проверены по известным нам архивным собраниям и публикациям. Е. Б. Смилянская работала с документами, хранящимися в РГА ВМФ (фонды Д. Элфинстона, Г. А. Спиридова, И. Г. Чернышева, Адмиралтейств-коллегии и др.), АВПРИ (фонды «Сношения с Англией», «Лондонская миссия», «Секретнейшие дела – Перлюстрации», «Копенгагенская миссия» и др.), Национальной библиотеке Шотландии (NLS) и Национальных архивах Великобритании (TNA) и Архиве Шотландии (NRS). Юлия Лейкин работала с материалами Национальных архивов Великобритании (TNA), а также с документами Рукописного отдела библиотеки Принстонского университета (JEP).

В случае, когда нам оказывались доступными переводы корреспонденции Джона Элфинстона на русский язык, выполненные в XVIII в. (архивные или изданные в МИРФ⁵), они учитывались и отмечались в комментариях, однако мы их **вновь перевели** как часть авторского «Повествования», стараясь сохранить устаревшие лексические обороты XVIII в. В публикации оговариваются значимые разночтения между текстами писем, распоряжений, инструкций, включенными в «Повествование», и их известными переводами XVIII–XIX вв. Приказы Д. Элфинстона приводятся по рукописному Сборнику приказов контр-адмирала Джона Элфинстона в переводе на русский язык Д. Ньюмана (РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 9), текст Рескрипта, данного контр-адмиралу Джону Элфинстону 25 сентября 1769 г., приводится по русскому оригиналу (РГА ВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 147. Л. 2–16 об.; Там же. Д. 148. Л. 280–310). Письма к Элфинстону на русском языке, ныне хранящиеся в Архиве Шотландии, приводятся по текстам оригиналов (NRS, GD 156/69). В этих случаях сохраняются лексические особенности русского текста согласно Правилам издания исторических источников нового времени.

В переводе «Повествования» знаки препинания, а также прописные буквы ставятся согласно современным нормам русского языка: **Ваше** императорское величество, **Ее** величество, **Королевский** флот Британии, **Адмиралтейств-коллегия**, **Коллегия** иностранных дел и проч.

В рукописи «Повествования» Джона Элфинстона имеются авторские подчеркивания, которые при переводе были сохранены. Везде, если специально не оговорено, *курсив* и **полужирный шрифт** наши.

Элфинстон вносил в рукопись многочисленные исправления, комментарии и дополнения, обычно пометая в тексте знаком *, к какой фразе или слову они относятся, и эти знаки в публикации были сохранены. Все дополнения, вынесенные на поля, а также восстановленные зачеркнутые тексты специально оговорены и отмечены в начале и в конце знаком *.

Квадратные скобки в переводе означают примечания переводчиков и специально в каждом случае не оговариваются. **Угловые скобки** <...> используются при сокращении оригинального текста источника.

Элфинстон использует круглые скобки, и они сохранены в переводе; также в **круглых скобках курсивом** в отдельных случаях приводятся английские соответствия в оригинальном тексте.

Даты в тексте приводятся так, как они даются в оригинале Элфинстона, но поскольку мемуарист использовал как юлианский календарь (иногда указывая «*old style*» «*O. S.*», а чаще нет, особенно приводя тексты корреспонденции и русские документы), так и григорианский, в квадратных скобках приводятся соответствия дат⁶. В походе Элфинстон чаще использует навигационные, или *морские*, *сутки*, которые начинаются не после полуночи, а с полудня⁷.

---

⁵ В Материалах для истории русского флота (МИРФ) документы часто публиковались с сокращениями, в нашем переводе сохранена по возможности стилистика переводов, изданных в МИРФ, но были внесены все исправления и вставки по английскому оригиналу Элфинстона.

⁶ В XVIII в. разница между юлианским и григорианским календарями составляла 11 дней.

⁷ В мореплавании такой счет времени использовался вплоть до XIX в.

Имена, встречающиеся в тексте «Повествования» Д. Элфинстона, в переводе даются без искажений, допущенных автором при транслитерации или записи со слуха. В случаях серьезного искажения имен мы сочли необходимым привести латиницей имя, как в оригинале. Большинство имен, упоминаемых Элфинстоном в «Повествовании», кратко откомментированы при их первом упоминании. Английские имена и фамилии приведены согласно кн.: Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1989; *Он же*. Словарь английских фамилий: Ок. 22700 фамилий. М.: Русский язык, 1986.

Джон Элфинстон, указывая географические названия, нередко передавал их так, как услышал или нашел в имевшихся в его распоряжении географических картах разного времени. При переводе мы в ряде случаев оставляли в тексте географические названия в тех вариантах, которые встречаются в российских источниках второй половины XVIII в. В Указателе географических названий помещены последовательно: название, встречающееся в переводе «Повествования», современное название по изд.: Словарь географических названий зарубежных стран. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Недра, 1986; варианты названия в цитируемых русскоязычных источниках и англоязычный вариант, приводимый Элфинстоном.

Названия иностранных судов сохраняются в написании латиницей, а имена кораблей Российского флота приводятся по-русски. То, как мы перевели с английского названия разных **типов судов**, читатель найдет в указателе.

В комментариях мы почти не приводим данных об истории и особенностях упоминаемых Элфинстоном больших и малых судов, прежде всего потому, что о российских парусных судах существует справочная литература (например: Чернышев А. А. Российский парусный флот: Справочник: В 2 т. М., 2002; Широкопад А. Б. 200 лет парусного флота России. М.: Вече, 2007). Также мы не комментируем большое количество морских терминов эпохи парусного флота, уточнить которые читатель может, используя ресурсы Интернета и словари (например, Морской энциклопедический словарь: В 3 т. Л.: Судостроение, 1991).

Пунктуация и орфография при цитировании **архивных документов на русском языке** приводятся согласно Правилам издания исторических источников XVIII в.

Перевод сочинения Элфинстона в 2017–2019 гг. готовился Е. Б. Смилянской при поддержке Российского гуманитарного научного фонда/Российского фонда фундаментальных исследований (**грант а № 17-01-00261**).

Отдельная благодарность Обществу Хаклюйт (Hakluyt Society) в Лондоне за финансовую поддержку проекта, которая способствовала поездке Ю. Лейкин в Принстон и Лондон, а также получению переводчиками ряда электронных материалов. Завершению работы над проектом способствовали также средства, выделенные Эксетерским университетом на поездку Е. Б. Смилянской в Англию в 2019 г.

Перевод с английского «Повествования» Джона Элфинстона был выполнен Е. Б. Смилянской, а затем проверен и исправлен Ю. Лейкин. Большую помощь в работе над переводом оказал Алексей Анатольевич Лебедев, не только взявший на себя труд отредактировать перевод лексических оборотов и терминологии, принятых в русском парусном флоте XVIII в., но и делившийся знаниями о стратегии и тактике морских операций эпохи Элфинстона. Важную помощь оказали также Дмитрий Геннадиевич Федосов и Джеймс Дейви, объяснявшие английскую морскую терминологию, рекомендовавшие научную литературу по истории Британского флота и шотландцев на российской службе.

Появлению данного издания способствовали Денис Анатольевич Сдвижков, с энтузиазмом откликнувшийся на предложение издать перевод сочинения Д. Элфинстона в серии «Archivalia Rossica» издательства «Новое литературное обозрение», а также финансовая поддержка издания Германским историческим институтом в Москве. Неоценимую помощь при

подготовке книги к печати оказал Кирилл Алексеевич Левинсон и как редактор издания, и как переводчик, щедро делившийся своим опытом и познаниями.

Рукопись издания обсуждалась в Центре по изучению XVIII века ИВИ РАН; ценные комментарии и пожелания, высказанные коллегами, позволили избежать ряда существенных погрешностей и были с благодарностью приняты.

Авторы считают приятным долгом поблагодарить коллег, способствовавших своими советами, знаниями и помощью подготовке этого издания: Иана Бишопа, Керстен Вендт, Александра Борисовича Каменского, Пола Кинана, Галину Александровну Космолинскую, Сергея Яковлевича Карпа, Ханну Ковальску, Надежду Юрьевну Плавинскую, Марию Александровну Петрову, Сергея Викторовича Польского, Ерофея Юрьевича Морякова, Иру и Алису Нордстрем, Уильяма Райна, Роя Робсона, Игоря Игоревича Федюкина, Александра Ильича и Ольгу Александровну Цапиных, Джанет Уоррал, Питера Фика, Анну Фризен.

Елена Смилянская (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Юлия Лейкин (Эксетерский университет)

Исследование

ДЖОН ЭЛФИНСТОН И НАСЛЕДНИКИ ЕГО АРХИВА

Достоинства храброго и искусного офицера от него отнять нельзя.

И. Г. Чернышев – А. С. Мусину-Пушкину об Элфинстоне, ноябрь 1771 г.

Джон Элфинстон родился в 1722 г. в Шотландии в прибрежном городе Бонесс в графстве Уэст-Лотиан, там, где устье реки Форт⁸ превращается в глубокий залив Северного моря. Вероятно, он принадлежал к известному шотландскому клану⁹. Если это так, то один из его дальних предков епископ Уильям Элфинстон (1431–1514) еще в 1494 г., получив буллу папы Александра VI, основал Абердинский университет. В 1510 г. другой возможный предок Джона – Александер Элфинстон – получил пэрство Шотландии, которое до настоящего времени сохраняет уже 19-й лорд Элфинстон. В 1603 г. один из Элфинстонов – сэр Джеймс – был пожалован титулом лорда Балмерино, и Джон Элфинстон, как считали его потомки, вполне мог унаследовать этот титул и пэрство после бездетного 6-го лорда Балмерино, но Артур Балмерино лишился головы за участие в якобитском восстании в 1746 г., и Элфинстон «по совету друзей» якобы сам отказался от этого наследства. Подтверждений этой семейной легенде найти не удается, и ветвь Балмерино считается пресекшейся в 1746 г. без упоминания об «упущенном»¹⁰ пэрстве автора нашего «Повествования».

Впрочем, Джон Элфинстон был приглашен на российскую службу не из-за древности и славы рода Элфинстонов-Балмерино, а благодаря приобретенному боевому опыту на долгой службе в британском Королевском флоте¹¹. Он с юности выбрал морскую службу, как и его отец. В 24 года Джон стал лейтенантом флота, с 35 лет начал командовать судами (с 1759 г. – линейными кораблями в чине пост-капитана¹²).

Во время Семилетней войны (1756–1763 гг.) Элфинстон участвовал в высадке британцев на французское побережье, был ранен и даже побывал недолгое время в плену (1758), а затем в 1760–1761 гг. крейсировал у берегов Фландрии и Норвегии. Он плавал также и у берегов Америки, в частности, сражался против испанцев при взятии Гаваны в экспедиции британского адмирала Джорджа Поукока в 1762 г. и искусно провел караван судов через Багамские проливы.

---

⁸ Здесь и далее географические названия приводятся по-русски; их оригинальные формы см. в географическом указателе.

⁹ О лордах рода Элфинстон см.: The Elphinstone family book of the Lords Elphinstone, Balmerino and Coupar / ed. W. Fraser. Edinburgh: [Printed by T. and A. Constable at the Edinburgh University Press], 1897. Vol. 1–2. Джон Элфинстон мог происходить из боковых ветвей этого старинного рода. О происхождении фамилии: Black G. F. The Surnames of Scotland. Edinburgh, 1996. P. 244.

¹⁰ Внук мемуариста Александер Элфинстон потратил немало сил, чтобы восстановить это пэрство Балмерино, но безрезультатно (Downer M. The Queen's Knight. The extraordinary life of Queen Victoria's most trusted confidant. London: Corgi books, 2008. P. 36).

¹¹ Charnock J. Biographia navalis; or, Impartial memoirs of the lives and characters of officers of the navy of Great Britain, from the year 1660 to the present time; drawn from the most authentic sources, and disposed in a chronological arrangement. London: R. Faulder, 1794–1798. Vol. 6. P. 358–361. См. также биографический очерк Александра Фрэнсиса Элфинстона с нашими комментариями, помещенный в Приложении.

¹² Звание пост-капитана означало, что Элфинстон не только дослужился до чина капитана, но и был командующим своего судна.

В конце войны Джон Элфинстон уже командовал 60-пушечным линейным кораблем, но об адмиральском чине в Британском флоте в мирное время он мог только мечтать. И вот в 1769 г. российский посол в Лондоне граф И. Г. Чернышев пригласил его поступить на российскую службу на очень привлекательных условиях и сразу по приезде в Россию получить чин контр-адмирала¹³.

К этому времени Джон Элфинстон имел уже пятерых детей, и в семье ждали шестого. Обговорив с Чернышевым все условия, включая обеспечение жены и детей на случай его кончины, Элфинстон получил разрешение короля и адмиралтейства и с двумя сыновьями – тринадцатилетним Джоном и одиннадцатилетним Самьюэлом – отправился в Петербург. Он ехал, чтобы познакомить русских с «отменным британским опытом», показать миру свои исключительные способности и составить свой капитал¹⁴. Первые впечатления от приема при российском дворе действительно преисполнили его осознанием важности своей миссии.

Британский посол лорд Чарльз Каткерт доносил в Лондон сразу по приезде Элфинстона: «Говорят, что контр-адмирал Элфинстон будет командовать эскадрой обшивных кораблей¹⁵, которая вскоре будет готова к плаванию; ее предназначали под командование адмирала Спиридова. Этот джентльмен прибыл сюда в воскресенье, и я возил его в тот день в Петергоф, где его появление вызвало большое удовлетворение (*great satisfaction*) <...> Императрица, кажется, очень довольна этим приобретением»¹⁶.

Встречи и конфиденциальные беседы с императрицей и графом Н. И. Паниным, экипажи из дворцовой конюшни, апартаменты во дворце рядом с покоями великого князя и ужины с юным генерал-адмиралом флота Павлом Петровичем – все это наводило Элфинстона на мысль, что именно ему уготовано возглавить секретную экспедицию российского флота, и, как видно из вышеприведенного послания Каткарта, посол разделял те же надежды.

Однако первыми неприятными событиями для Элфинстона в России становятся поездка в Кронштадт и знакомство с адмиралом Спиридовым, которого, как оказалось, уже давно назначили командовать эскадрой и который спешно готовил суда к походу в Средиземное море. Осмотр этой эскадры произвел на Элфинстона тяжелое впечатление: в Кронштадте британцу все показалось в запустении, на кораблях он не мог найти офицеров, но более всего ему не понравился сам адмирал Спиридов. Всё, прежде всего – *простота* адмирала, вызвало в бри-

¹³ Приглашениями иностранцев на российскую службу обычно занимались главы дипломатических миссий. Только в период Архипелагской экспедиции российский посланник в Копенгагене М. М. Философов рекомендовал командующего третьей эскадрой Архипелагской экспедиции И. Арфа; российский представитель на Мальте маркиз Ковалькабо уговорил примкнуть к российскому флоту кавалера Жоржио де Мазина; посланник в Лондоне А. С. Мусин-Пушкин приглашал адмирала Чарльза Ноулса. И. Г. Чернышев сообщал императрице 9/20 июня 1769 г.: «Севодни отправляется в Питербурх морем принятой в службу Вашего императорского величества флотским капитаном бригадирского ранга Иоган Ефилстон с писмом от меня к графу Никите Ивановичу Панину, которой ево Вам, всемиловитейшая государыня, представить честь иметь будет <...>. Тоже число исприметил я в г. Ефилстоне ничего, чтоб не соответствовало зделанной мне о нем хорошей рекомендации (АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. Оп. 35/6. Д. 217. Л. 91). Панину в это же время Чернышев докладывал, что, хотя Элфинстон не знает французского, но «чем у более персон про него наведываюсь, тем более про него хорошего слышу» (Там же. Д. 220. Л. 23).

¹⁴ Джон Элфинстон был, кажется, не первым членом своего клана на русской военной службе. Джером Горсей пишет, что еще в ходе покорения русскими Сибири (1581–1585) один из пленных ханов рассказал: «В его стране живут несколько англичан или по крайней мере людей, похожих на меня, взятых с кораблем, артиллерией, порохом и другими припасами, которые за два только года перед тем пытались отправиться по Оби, чтобы отыскать северо-восточный путь в Китай. Несколько шведских солдат бежали оттуда и пришли в Москву, на службу к царю; среди них был некий *Gabriell Elphinsten*, храбрый шотландский капитан» (Горсей Джс. Записки о России, XVI – нач. XVII в. [вступ. ст., с. 5–46, пер. с англ. и коммент. А. А. Севастьяновой]. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 106–107). Многие шотландцы служили в российском флоте с самого его основания, включая троих в адмиральских званиях при Петре I. В 1694 г. первым в России контр-адмиралом (шаутбенахтом) стал известный генерал Патрик Гордон (Гордон П. Дневник. 1690–1695. М.: Наука, 2014. С. 245). Таким образом, Джон Элфинстон следовал давней традиции и мог слышать о своих предшественниках. Благодаря Д. Г. Федосова за это дополнение.

¹⁵ Для усиления корпусов кораблей и предотвращения повреждения их водяными червями подводная часть корпуса обшивалась дополнительно дюймовыми досками и просмоленным войлоком, а иногда и толченым стеклом.

¹⁶ NLS MD. Acc. 12686/10 (Переписка лорда Каткарта). Fol. 782 (Письмо от 3/14 июля 1769 г.).

танце протест, а потому при описании этой встречи он отметил лишь небритое лицо, грязную одежду адмирала и, главное, его шокирующую иностранца привычку к объятиям и поцелуям при встрече (Элфинстон назвал это «поцелуем Иуды»). Русский обычай приветственного поцелуя и в дальнейшем вызывал у Элфинстона брезгливость и отвращение. Впрочем, не могли привыкнуть к такой форме приветствия и другие британцы¹⁷.

По возвращении в Петербург он составил большую записку с предложениями об усовершенствованиях на снаряжаемых кораблях, которые императрица повелела «исполнить по возможности»¹⁸.

После отправления 18/29 июня 1769 г. эскадры Спиридова Элфинстону досталась небольшая группа судов, наспех собранных по балтийским портам (четыре линейных корабля: «Саратов» «Не Тронь Меня», «Тверь» и «Святослав»; два фрегата: «Надежда» и «Африка»; пинк «Святой Павел» и срочно отремонтированное судно «Чичагов»)¹⁹. Самым большим кораблем его эскадры оказался новый 80-пушечный «Святослав», который должен был идти с эскадрой Спиридова, но из-за конструктивных недочетов вынужденно вернулся в Ревель. В дальнейшем именно с этим кораблем и его командиром И. Я. Баршем у Элфинстона было более всего проблем, и именно на этом корабле он потерпел крушение в сентябре 1771 г. на лемносской мели. Но он, как и обещал императрице, подготовил эскадру к выходу в море ко дню коронации Екатерины (22 сентября/3 октября) и покидал Санкт-Петербург, отпраздновав при дворе день рождения главы Российского флота великого князя Павла Петровича и день коронации императрицы, обласканный вниманием и готовый к великим свершениям.

Очевидно, что личные беседы с Элфинстоном в 1769 г. расположили к нему императрицу. Екатерину II впечатляли и поступавшие от российских посланников М. М. Филоsoфова из Копенгагена и А. С. Мусина-Пушкина из Лондона донесения о том, как успешно Элфинстон отремонтировал и подготовил к походу свои корабли (см. комментарии к с. 63, 176, 221, 228), доходили до Екатерины и письма самого Элфинстона, адресованные согласно субординации графу Н. И. Панину, с подробными отчетами о преодолении возникавших в походе трудностей. Во всяком случае, 8/19 января 1770 г. Екатерина писала А. Г. Орлову об Элфинстоне: «Трудолюбие, радение и ревность сего достойного человека не можно довольно похвалить, он, конечно, все на свете препятствия преодолеет»²⁰.

Итак, важно отметить, что заслуги Джона Элфинстона перед Российским флотом были признаны и примерно до июня 1770 г. его деятельность рассматривали в Петербурге с большим одобрением и оптимизмом. Но как только эскадра Элфинстона подошла к берегам Пелопоннеса и начались военные действия, отношение императрицы к контр-адмиралу стало быстро ухудшаться, хотя Элфинстон не проиграл ни одного сражения и в смелости ему также никто не мог отказать.

Думается, причина разочарования Екатерины II в Элфинстоне заключалась в том, что с лета 1770 г. до императрицы почти перестали доходить послания самого контр-адмирала, напротив, чаще стали приходить в Петербург критические суждения о нем. С июня 1770 г. информацию, отправляемую из Архипелага в Петербург (включая корреспонденцию Элфинстона), стал контролировать командующий Архипелагской экспедицией граф А. Г. Орлов.

---

¹⁷ Привычка русских к поцелуям поражала и других посетителей Российской империи. Так, в записках жены британского посла леди Каткерт неоднократно отмечается, что в России дамы целуют друг друга при встрече руку, а потом щеку, мужчины также каждый раз при встрече целуют друг друга. «Я наблюдаю, что дамы здесь значительно добрее при встрече, нежели в Англии или во Франции, они целуют одна другую в губы... и часто целуют друг друга во время разговора, как целуют детей» (NLS.MD. Acc. 12686/5 (Журналы леди Каткерт). Листы не нумерованы).

¹⁸ См.: МИРФ. Ч. 11. СПб.: в Тип. Морского м-ва, 1886. С. 380–382.

¹⁹ «Чичагов» вскоре разбился еще в Финском заливе, а корабль «Тверь» в ноябре 1769 г. во время шторма потерял мачты и вернулся в Ревель.

²⁰ МИРФ. Ч. 11. С. 527–529.

А ему было важно донести до государыни *свою* правоту, свою версию побед и поражений, переложив вину за неудачу в Морее на греков, а за дальнейшие просчеты – на Элфинстона.

Почему на Элфинстона? То ли ревность графа возбудили благожелательные рекомендации Екатерины, то ли сказалось несходство характеров заносчивого «всезнающего» шотландца и смелого до самонадеянности, но не терпящего критики Орлова. Неприязнь главы Архипелагской экспедиции к британцу-контр-адмиралу со временем только усиливалась, и именно А. Г. Орлов сделал все, чтобы Элфинстон бесславно покинул русскую службу.

Виной такой неприязни стали не только особенности «бешеного», «беспутного»²¹, «безпокойного»²² характера Элфинстона, но и его ослепление чувством превосходства представителя крупнейшей морской державы над «неумелыми» русскими. Он хотел казаться образцом, а потому не желал считаться с реалиями чуждой ему российской военно-морской системы, с иными флотскими традициями и характерами людей, не похожих на его соотечественников. Страдая от непонимания подчиненными его намерений, от незнания российских порядков и языка, он во всем винил своих «недрузгов», повторяя типичные для западноевропейских путешественников обвинения русских в нечистоплотности, пьянстве, суеверии, реальном или кажущемся непрофессионализме, даже трусости (впрочем, вполне вероятно, что с западноевропейской россижкой Элфинстон не был серьезно знаком!)²³. Неожиданным кажется лишь то, на кого направлял контр-адмирал свои инвективы: на признанных героев Архипелагской кампании адмирала Г. А. Спиридова, графа А. Г. Орлова, капитанов С. П. Хметевского, И. Я. Барша и др. А то были люди, способные за себя постоять.

Из «Повествования» Элфинстона впервые открывается изощренная интрига, на которую пошел А. Г. Орлов с помощью Спиридова и Грейга, чтобы удалить заносчивого британца из Архипелага. С июня 1770 г. Орлов напрямую жалуется Екатерине на «поведение» Элфинстона, далее Орлов пресек переписку Элфинстона с его «другом» Н. И. Паниным, но и этого показалось недостаточно. В декабре 1770 г. Орлов выманил контр-адмирала из Архипелага якобы «секретным» посланием, требуя приезда Элфинстона инкогнито в Ливорно, а потом и в Петербург с мнимой целью возглавить новую эскадру флота в Архипелаг. Интрига, чрезвычайно похожая на будущий известный орловский спектакль с княжной Таракановой! Интрига была подкреплена еще одним хорошо известным Орлову оружием: вбросом дезинформации в европейские газеты о растратах и даже предательстве Элфинстона. Неудивительно, что прибывший в Петербург в апреле 1771 г. контр-адмирал застал в столице радикально переменившееся к себе отношение двора и императрицы: «Я увидел многих моих старых знакомых из дворян и зарубежных министров. Первые держались с исключительной холодностью, вторые также, но их холодность была смешана с большей светскостью. Шведский министр дошел даже до того, что сказал сэру Чарльзу Ноулсу, что был удивлен увидеть меня при дворе, так как он слышал, что меня заключили в крепость...» (с. 499)²⁴.

Вынужденный месяцами добиваться встречи с императрицей, Элфинстон болел и переживал незаслуженную опалу. Когда он спешил из Ливорно в Санкт-Петербург, он надеялся на торжественный прием у Екатерины, к стопам которой он намеревался положить захваченные при Чесме регалии капудан-паши Османского флота (по крайней мере, он считал эти регалии

---

²¹ Так характеризуют Элфинстона и плававший с ним С. П. Хметевский, и А. Г. Орлов. См.: МИРФ. Ч. 11. С. 550; Смилянская И. М., Велижес М. Б., Смилянская Е. Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индик, 2011 (далее – Россия в Средиземноморье). С. 580.

²² АГС. Т. 1. С. 236.

²³ См.: Russia under Western Eyes, 1517–1825 / ed. Anthony Cross. New York: St. Martin's Press, 1971; A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture / ed. Anthony Cross. Cambridge: Open Book Publishers, 2012; Malia M. Russia under Western Eyes: from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2000; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003 и др.

²⁴ Здесь и далее ссылки в тексте даются на перевод, опубликованный ниже в настоящем издании.

такowymi!). Но по приезде в столицу при дворе он принят не был, а «трофеи Чесмы» с трудом сумел вручить без всякого триумфа лишь великому князю Павлу Петровичу. Поддержку и необходимое ему покровительство Элфинстон получил тогда только в резиденции британского посла Чарльза Каткарта.

Четыре с лишним месяца 1771 г., проведенные Элфинстоном в Петербурге в надежде на встречу и милости императрицы, имели весьма драматичный финал, о котором Элфинстон подробно пишет в завершающей части своего «Повествования». Когда он оказался наконец во дворце на церемонии целования монаршей руки, то в нарушение всех этикетных правил он вложил в руку Екатерины свою записку²⁵. Нарушение этикета вызвало скандал, но записка была прочитана, и вскоре Элфинстон получил бумагу, снимавшую с него все подозрения и дававшую разрешение на отъезд из России, а также «благодарность» императрицы в размере 5000 рублей. Но то была последняя встреча некогда столь понравившегося в России британского моряка с Екатериной II.

Через три года Екатерина, еще в 1770 г. писавшая об Элфинстоне с восторгом, сообщит с презрением: «Элфинстон – настоящий безумец, всегда действующий по первому побуждению и без всякой последовательности»²⁶.

Осенью 1771 г. Джон Элфинстон с сыновьями вернулся в Британию, однако его злоключения, связанные с российской службой, на этом не закончились, и он продолжил их описывать в своем сочинении. В Лондоне он был взят под стражу за долги, которые делал как командир эскадры, нанимая транспортные суда, а также английских лоцманов и врачей. Потребовались еще два года мытарств и переговоров с российским посланником в Лондоне, но главное – угрозы обнародовать секретные бумаги за подписями императрицы и Н. И. Панина, раскрывающие реальные планы российской внешней политики, чтобы его долги, наконец, были погашены (в обмен на оригиналы секретных бумаг!²⁷).

Пока тянулись тяготы вокруг долгов, Элфинстон вернулся на Королевский флот капитаном большого линейного корабля, вновь крейсировал у берегов Франции, а затем и сражался с французами в Вест-Индии (при Гренаде в 1778 г. и при Ямайке в 1779 г.).

В 1779 г. капитан Королевского флота Джон Элфинстон прибыл в Англию, на этот раз окончательно, и через шесть лет скончался.

Из его 11 детей, рожденных от брака с Амелией Уорбуртон, трое служили в России: Джон, Самюэл Уильям и Роберт Филип Родольф. Их судьба позволяет прояснить не только связи Элфинстонов с Россией, но и историю документов принстонского архива Элфинстонов, а также публикуемого здесь «Повествования».

Старший сын – Джон (1756–1801), неоднократно упоминаемый в публикуемом здесь «Повествовании», служил России только вместе с отцом с 1769 по 1771 гг., и хотя граф И. Г. Чернышев приглашал его вернуться на русскую службу, как в своем сочинении отмечал его отец, Джон этим предложением не воспользовался. В дальнейшем он дослужился до капитана британского флота, прославился в сражениях 1790-х гг. и, кажется, закончил свои дни 17 декабря 1801 г. в Ла-Валетте на только что завоеванной британцами Мальте, не оставив прямых наследников.

---

²⁵ Черновик перевода этого «Мемориала» на французский язык, выполненного супругой посла Джейн Каткарт, с исправлениями лорда Каткарта, сохранился (JEP. Vox 1. P. 56–64).

²⁶ Политическая переписка Императрицы Екатерины II: Часть 7-ая (годы с 1772 по 1773) / Отв. за вып. Ф. Р. Остен-Сакен // СИРИО. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1904. Т. 118. С. 511 (на французском). Благодарим С. Я. Карпа за исправления в переводе.

²⁷ Как кажется, наибольшее беспокойство в Санкт-Петербурге должна была вызывать возможность обнародования «Инструкции» с характеристиками правительств и стран Европы (см. с. 157–167). Решение о погашении долгов Элфинстона в обмен на оригиналы бумаг принималось на Совете при Высочайшем дворе 28 февраля/10 марта 1773 г. (АГС. Т. 1. С. 236). См. также: АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. Оп. 35/6. Д. 585. Л. 41–41 об.

Его брат Самьюэл (1758–1790 или ноябрь 1789, Кронштадт), также участвовавший в Архипелагской экспедиции и получивший увольнение вместе с отцом в июле 1771 г., через двенадцать лет, в 1783 г., вернулся на русскую службу в чине капитана 2-го ранга. Через пять лет, во время Русско-шведской войны, Самьюэл Элфинстон получил чин капитана 1-го ранга и за Гогландское сражение, в котором командовал кораблем «Вышеслав», был награжден орденом Св. Георгия (4-й степени)²⁸. В этой войне, как отмечал в петициях его сын Александр, Самьюэл был ранен. Самьюэл Элфинстон женился в России на дочери сослуживца своего отца Александра Ивановича Круза, воевавшего капитаном в Архипелагскую экспедицию и счастливо спасшегося во время гибели «Св. Евстафия» в Хиосском сражении. К 1783 г. А. И. Круз уже дослужился до вице-адмирала. От Екатерины Александровны (урожд. Круз; 1767–1804) у Самьюэла был сын Александр, родившийся 24 сентября 1788 г. в Кронштадте незадолго до смерти отца²⁹.

Самьюэл Элфинстон умер не позднее 1790 г.³⁰ Его жена Екатерина Александровна, вероятно, вместе с сыном уехала в Англию, во всяком случае, она была погребена в 1804 г. в Англии в г. Сидмуте. Их сын уже в десятилетнем возрасте в 1798 г. вступил в британский Королевский флот и успел послужить рядом с дядей Джоном Элфинстоном-младшим и дядей капитаном Томасом Элфинстоном³¹.

Восьмым ребенком в семье Джона Элфинстона-старшего стал Роберт Филип Родольф (Роман Иванович) (1769–1823), родившийся через пару месяцев после отъезда отца в Санкт-Петербург, 10 августа 1769 г.³² Он также стал моряком и так же, как отец и два брата, служил как в британском (дослужился до лейтенанта), так и в российском флоте. Согласно «Общему морскому списку», он вступил на российскую службу из британского Королевского флота 6 ноября 1786 г., сражался в Русско-шведскую войну в 1788 г. при Гогланде и Эланде, причем был флаг-офицером при сыне столь не любимого его отцом Г. А. Спиридова – контр-адмирале Алексее Григорьевиче Спиридове. После Русско-шведской войны Роберт Филип Родольф служил и на Балтике, и на Черном, и на Средиземном морях. С 1803 г. стал капитаном 1-го ранга российского флота. Роберт Элфинстон вышел в отставку 9 декабря 1808 г. с чином статского советника³³, но умер в Англии, был погребен в графстве Корнуолл в июне 1823 г., не оставив потомства³⁴.

²⁸ Мартин Даунер приводит сведения о том, что Самьюэл также написал пособие для моряков, рукопись которого хранится ныне в Национальном морском музее Британии (*Downer M. Op. cit. P. 29*). Шесть тетрадей были написаны в 1787–1788 гг. и касаются следующих предметов: математики, логики, навигации, электричества, пневматики и артиллерийского дела (National Maritime Museum, Greenwich, MSS/84/191).

²⁹ Краткое описание жизни и карьеры Самьюэла можно найти как в русских, так и в английских источниках. Вскоре после его смерти английский журнал опубликовал краткую биографию Самьюэла Элфинстона «Authentic Memoirs of the late Sir Samuel Elphinstone», в который тот представлен выдающимся морским офицером, каким был и его отец (см.: Walker's Hibernian Magazine, or, Compendium of Entertaining Knowledge. Dublin: R. Gibson, 1790. Part 2. P. 307–309). Почетное именование «сэр» перед именем Самьюэла относится к его статусу кавалера ордена Св. Георгия, который в английской системе соотносился с «рыцарем-командором» Британской империи (Knight Commander of the British Empire, KBE): в этом случае разрешалось использовать именование «сэр» без пэрства.

³⁰ По некоторым данным, Самьюэл Элфинстон умер в 1788 или в ноябре 1789 г. в Кронштадте; в «Общем морском списке» приводится дата смерти 1790 г. (ОМС. Ч. 5. С. 402).

³¹ *Downer M. Op. cit. P. 30*.

³² ОМС. Ч. 5. С. 400–402. Его крестили 15 сентября 1769 г. в Англии (Plymouth & West Devon Record Office Collection. F. 166/6/a. P. 77). Э. Кросс пишет, что он сражался в Русско-шведскую войну в 1788 г. при Гогланде и Эланде, затем служил на Балтике, в Черном и Средиземном морях, вышел в отставку капитаном 1-го ранга в 1805 г. (*Cross A. The Elphinstones in Catherine the Great's Navy // Mariner's Mirror. 1998. Vol. 84. No. 3. P. 277*). Правда, по данным Э. Кросса, Роберт родился в Санкт-Петербурге, куда в 1769 г. Элфинстон якобы прибыл вместе с женой Эмили. Эти данные не находят подтверждения в архиве Элфинстонов, хранящемся в Принстоне.

³³ ОМС. Ч. 5. С. 401–402; *Cross A. The Elphinstones in Catherine the Great's Navy. P. 277*.

³⁴ Cornwall Family History Society. FP63 1/24. № 1243.

Вероятно, после смерти Роберта Филипа Родольфа архив контр-адмирала, включая и публикуемое нами «Повествование», попадает в руки Александра Фрэнсиса Элфинстона (сына Самьюэла).

Александр Фрэнсис Элфинстон писал, что после смерти его деда Элфинстона-старшего его дядя Джон (старший наследник) был в зарубежных походах и не мог вести тяжбы относительно претензий отца, а вот Александр Фрэнсис, внук, взялся за решение этих вопросов сразу, «не теряя времени», как только бумаги архива попали к нему «как наследнику и представителю моего почившего деда вышеупомянутого Джона Элфинстона»³⁵. Между кончиной Джона Элфинстона-младшего в 1801 г. и датой первой петиции о наследстве 1824 г. прошло немало времени, так что, вероятно, Александр Фрэнсис смог получить архив только в начале 1820-х гг. (предположительно после смерти в 1823 г. дяди Роберта, хотя пока в документах не удалось найти прямых указаний на это).

Александр Фрэнсис Элфинстон (1788, Кронштадт – 1865, Сидмут)³⁶, прослужив Британии 16 лет, защищая колонии и воюя с Францией, в 1814 г. с наступлением мира ушел «на половинное жалованье» (аналогично современному «в запас») и тоже оказался в Российской империи: в 1819 г. он женился на Амелии Анне Лобах – дочери «старшего рижского купца» Фридриха Лобаха. Вероятно, он вместе с женой поселился в Риге или вблизи Риги в поместье Сунтажи (Sunzel) (а именно там с 1825 по 1833 г. у них рождаются дети). Судя по всему, разобрав архив деда и вспомнив рассказы о подвигах отца (этих бумаг архив не сохранил), Александр Фрэнсис решил попытать счастья: разузнать, не причитаются ли ему земли по линии отца и матери в Курляндии, и взыскать-таки предполагаемые долги Российской империи его деду. Ради этого, как он сам признавался, Александр Фрэнсис и совершил шесть поездок в Петербург, прося личного участия в его деле императоров Александра I и Николая I (прошения от 16 мая 1824 г. и от 4 марта 1830 г., от 30 марта 1836 г.³⁷ и от 12 декабря 1836 г.).

Как полагал Александр Фрэнсис Элфинстон (или это было семейное предание?!), за ранение и службу Самьюэла и подвиги деда Джона Элфинстона его семье было пожаловано на 12 лет имение в Курляндии, которое было освобождено от платежей в казну и приносило ежегодный доход в 2 тысячи серебряных рублей. Но по разным обстоятельствам, включая войну 1812 г., доходы от имения сократились, и Александр просил рассмотреть получение им новых земельных пожалований. В ответе Министерства финансов от 18 июля 1824 г. сообщалось, что имений у Элфинстонов в Курляндии не было, а 20 июня 1801 г. вдове капитана 1-го ранга Самьюэла Элфинстона на 12 лет было дано право владения имением Узеня из расчета, что 700 талеров дохода от этого имения будет поступать в казну, а 700 оставаться на нужды вдовы³⁸. Вероятно, в связи с кончиной Екатерины Александровны в 1804 г. имение с 1807 г. было передано в другие руки.

Получив отказ по земельным требованиям, Александр Фрэнсис с удвоенной силой продолжал добиваться возмещения не полученных дедом денежных сумм: пенсии – 2 тыс. руб.

---

³⁵ «После смерти Элфинстона его старший сын был столь занят службой за границей, что до своей кончины не имел возможности заняться этим делом (претензиями отца), но когда эти бумаги и документы попали мне [Александру Элфинстону] в руки как наследнику и представителю моего почившего деда, вышеупомянутого Джона Элфинстона, о его российской службе, я не теряя времени отправился в Санкт-Петербург, чтобы подать мои прошения, я предпринял 6 изнурительных и дорогостоящих путешествий в Санкт-Петербург, проводя там по 3–5 месяцев, подавая петицию за петицией» (JEP. Box 4. Ненумерованный лист).

³⁶ O'Byrne W. A Naval Biographical Dictionary Comprising the Life and Services of Every Living Officer in Her Majesty's Navy, from the rank of Admiral of the Fleet to that of Lieutenant, inclusive. London: Murray, 1849. P. 337.

³⁷ Одно из прошений Александр Фрэнсис хотел передать императору через адмирала Н. С. Мордвинова, но оно так и осталось в архиве графов Мордвиновых (Архив графов Мордвиновых / Предисл. и прим. В. А. Бильбасова. СПб.: тип. Н. И. Скороходова, 1903. Т. 7. С. 192–194. Приложенное к этому прошению письмо А. Элфинстона графу Н. С. Мордвинову см. там же, с. 500–502).

³⁸ Translation of the copy of an office from the Minister of Finances to the Chief of His Majesty's Naval Staff, dated 18 July 1824. JEP. Box 2. Листы не нумерованы.

в год за 13 лет; обещанных, но не заплаченных И. Г. Чернышевым по счетам 3121 руб.; призовых командующему эскадрой – 9 тыс. руб.; 3330 руб. за флаг турецкого командующего, а также набежавших по этим суммам процентов, что к 1836 г. и составило астрономическую сумму в 215 тысяч 937 фунтов стерлингов³⁹!

Нужно признать, что в России правительство неоднократно запрашивало Адмиралтейство и Морское министерство по поводу справедливости претензий капитана Александра Элфинстона, но всегда получало ответ, что с его дедом все расчеты были завершены. Окончательный отказ Николая I был сформулирован в письме А. Х. Бенкендорфа на имя британского посла лорда Дарема (через него, как и через адмирала Н. С. Мордвинова, Александр Фрэнсис продолжал «атаковать» российский двор). В сентябре 1836 г. Бенкендорф сообщал, что капитану Элфинстону запрещается впредь обращаться со своими требованиями к российскому монарху, а угрозы – в случае отказа по финансовым претензиям опубликовать составленный дедом «*article*» и обнародовать то, что он называет «*les mauvais procédés de la Russie*» («непорядочные, дурные действия России»), – полностью пресекают все возможности дальнейших ходатайств по этому делу⁴⁰. Завершается письмо Бенкендорфа словами, что публиковать капитан Элфинстон может «все, что пожелает».

Шантаж Элфинстона-внука не удался⁴¹, но Александр Фрэнсис исполнил свои угрозы, издав в 1838 г. отредактированную и сокращенную версию сочинения деда. Однако и в этом случае он не добился ожидаемого эффекта.

Между тем архив контр-адмирала Джона Элфинстона был сохранен и в XXI в. стал доступен исследователям именно потому, что в семье Элфинстон бумаги предка о службе в России и его сочинение с выразительным названием «Русская верность, честь и отвага, представленные в правдивом повествовании контр-адмирала Джона Элфинстона, командовавшего эскадрой кораблей Ее императорского величества и капитана флота Его королевского величества, о российской морской экспедиции 1769 и 1770 годов...», кажется, долго продолжали считать ценными бумагами.

Е. Б. Смилянская

---

³⁹ Подробная роспись с учетом процентов см.: ЈЕР. Вох 2. Лист не нумерован.

⁴⁰ Тем не менее в декабре того же 1836 г. Александр Фрэнсис вновь посылает петицию на имя Николая I, не потеряв надежду получить хоть какие-то средства за службу деда и отца.

⁴¹ Мартин Даунер, современный биограф правнука Д. Элфинстона, считает, что какую-то сумму Александр Элфинстон получил, однако не приводит источников этой информации (Downer M. Op. cit. P. 35–37).

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ВЗЛЕТЕ И ПАДЕНИИ РОССИЙСКОЙ КАРЬЕРЫ ДЖОНА ЭЛФИНСТОНА

Я не стану занимать время моих читателей, прилагая к сему утомительный морской журнал всего путешествия, за исключением некоторых самых критических минут, которые должны повергнуть в изумление моряков всех наций.

Джон Элфинстон

Нет ничего легче, как опровергнуть этот мемуар <...>, Элфинстон – настоящий безумец, всегда действующий по первому побуждению и без всякой последовательности...

*Собственноручная записка Екатерины II графу Н. И. Панину
29 февраля 1773 г.*

Интерес к истории Первой Архипелагской экспедиции российского флота (1769–1775), с которой, по сути, началось военное присутствие России в Средиземноморье, не исчезает уже два с половиной столетия. О победах российского флота в Морее, Архипелаге и Леванте современники слагали стихи, сочиняли «драммы», произносили торжественные слова и проповеди, писали мемуары и дневники, значительная часть которых давно опубликована. И хотя все события этой военной акции казались хорошо изученными уже в XIX в.⁴², архивные изыскания продолжают приносить новые находки, возникают и новые повороты в изучении многократно описанных событий и их действующих лиц⁴³.

Открытие для исследователей «Повествования» Джона Элфинстона – одного из самых пространных мемуарных сочинений екатерининского времени – вполне можно рассматривать как исключительное событие для изучающих Россию XVIII в. Через два с половиной века после описываемых в сочинении драматических коллизий исследователям открылся важный исторический источник, не считаться с информацией которого теперь едва ли возможно. «Повествование» Д. Элфинстона, без сомнения, займет свое место в одном ряду с давно известными мемуарными сочинениями и очерками участников Архипелагской экспедиции С. К. Грейга, Ю. В. Долгорукова, С. П. Хмелевского, А. Г. Спиридова, С. И. Плещеева и М. Г. Коковцова⁴⁴,

---

⁴² Готов А. Я. Чесменский бой // Отечественные записки. 1820. Ч. 3. № 5. С. 33–81, 184–216.; Соколов А. Архипелагские кампании 1769–74 // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб.: Морская тип., 1849. Ч. VII. С. 230–401; Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 гг. СПб.: тип. Э. Веймара, 1866. Т. 1; Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения. М.: Мысль, 1994. Кн. XIV. Т. 28; Аренс Е. И. История русского флота. Екатерининский период. 1897 (литография); Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. СПб.: тип. Демакова 1885; Головачев В. Ф. Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 г. // Морской сборник. 1900. № 1. С. 55–88; № 2. С. 31–68 (переизд. с сокращениями в 1944 г.) и др.

⁴³ Смилянская И. М., Велижев М. Б., Смилянская Е. Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011 (далее – Россия в Средиземноморье); Смилянская Е. Б. Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015; Гребеницкова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб.: Наука, 2007; Гребеницкова Г. А. Чесменская победа: триумф России в Средиземном море: флот, война, политика. СПб.: Остров, 2015; Лебедев А. А. Хиос и Чесма в свете шканечных журналов // Гангут. 2014. № 80 и др.

⁴⁴ [Грейг С. К.] Собственноручный журнал капитана-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга // Морской сборник. 1849. Т. II. № 10–12. С. 645–660, 715–730, 785–827; То же // Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М.: Военное издательство. 1994. С. 88–124 (далее ссылка на это издание); Долгоруков Ю. В. Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова. 1740–1830 / Сообщ. В. Безносков // Русская старина. 1889. Т. 63. № 9. С. 481–517. Полная версия Журнала Степана Петровича Хмелевского по двум сохранившимся спискам изд.: Россия в Средиземноморье. С. 561–700. [А. Г. Спиридов]. Выпись из дневных записок одного российского путешественника по Балтийском и Средиземном море 1769–1770 // Старина и новизна. СПб., 1772. № 1. С. 19–21. Плещеев С. И. Дневные записки путешествия из Архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящимся с крат-

с менее известными дневниками К.-Л. Толя⁴⁵ и Г. Г. Кушелева⁴⁶, с журналами инженер-офицеров флота К. Реана, М. Можарова⁴⁷ и др., с нарративами британских участников экспедиции: письмами Т. Макензи и Р. Дагдейла, опубликованными в прессе в 1770 г.⁴⁸, и мемуарным сочинением нескольких анонимных авторов, вышедшим в Англии в 1772 г.⁴⁹

Однако «Повествование» Джона Элфинстона имеет и ряд весьма существенных особенностей. Прежде всего, в отличие от других известных нам мемуаров участников Архипелагской экспедиции сочинение Элфинстона создано *оскорбленным офицером*, чьи героические поступки – «*русская верность, честь и отвага*» – были забыты или опорочены, кого, по его мнению, незаслуженно обошли в пожалованиях и почестях. А потому заранее нетрудно предположить, что многие заключения Джона Элфинстона могут показаться читателям *безосновательными и предвзятыми*. Едва ли это умаляет ценность публикуемого исторического источника: *тенденциозность* – один из признаков документов личного происхождения, но из всего ряда мемуаров об Архипелагской экспедиции «Повествование» Элфинстона, пожалуй, оказывается не только самым подробным, но и самым *некомплиментарным* для российского флота.

Элфинстон бывает жесток и ядовит *в оценках*, не склонен критически осмысливать свои возможные просчеты, не всегда последователен в суждениях о событиях и людях. Впрочем, он и не стремился представить себя равнодушным свидетелем происходящего и пережитого им на российской службе: он энергичен и эмоционален, когда речь идет о защите его чести и доброго имени. Но безосновательными сообщения Элфинстона назвать нельзя: в изложении фактов он весьма точен и честен, его рассказ хронометрирован порой по часам и даже минутам, и в этом «Повествование» бывает сродни записям судового журнала.

Элфинстон рассчитывал, что его «Повествование» о российской службе должно и может «повергнуть в изумление моряков всех наций» (с. 117), но честолюбивый контр-адмирал *не претендовал на лавры писателя*, захватывающего читателя рассказами о приключениях и кораблекрушениях, хотя и то и другое присутствует в его сочинении. Его цель была иной. Элфинстона интересовала не писательская слава, а награда за подвиги.

Хотя по жанру сочинение Джона Элфинстона можно отнести к морским травелогам, в большом количестве создававшимся его современниками, которые отправлялись на освоение значительно раздвинувшихся пределов ойкумены, но не перипетии долгого морского похода, не героические события войны, не назидание потомкам, не экзотика «иных земель» двигали стремлением автора начертать обширный нарратив. Он писал свой труд, чтобы доказать императрице, что без него «флот Ее императорского величества никогда бы не смог показать себя в Архипелаге <...> никогда бы не было битвы и сожжения флота при Чесме <...>, напротив,

---

кою историю Али-беевых завоеваний, российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета. СПб.: [Тип. Мор. кадет. корпуса], 1773. *Коковцов М. Г.* Описание Архипелага и варварийского берега, изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб.: Изд. под смотрением и на иждивении Феодора Туманского, 1786 (изд. также с коммент. в кн: *Смилянская Е. Б.* Греческие острова Екатерины II. С. 327–368).

⁴⁵ *Толь К.-Л. фон.* Журнал участника Архипелагской экспедиции (июнь 1770 – февраль 1772). Перевод с немецкого и предисловие А. Фризен; комментарии А. Фризен и Е. Б. Смилянской // *Смилянская Е. Б.* Греческие острова Екатерины II. С. 267–326.

⁴⁶ Журнал, веденный на корабле «Граф Орлов» флота лейтенантом Григорием Кушелевым – РГА ВМФ Ф. 315 (Коллекция: Материалы по истории русского флота). Оп. 2. Д. 43.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 846 (Фонд военно-ученого архива). Оп. 16. Д. 1860; Д. 1948.

⁴⁸ *Scots Magazine.* 1770. September 1; *Weekly Magazine.* 1770. October 18.

⁴⁹ Полное название: *An Authentic Narrative of the Russian Expedition against the Turks by Sea and Land.* London: [?], 1772. Поиск авторов этого сочинения позволил его переводчику на русский выдвинуть предположения, что сочинение было написано Уильямом Весли (*Весли В.* Воспоминания участника Архипелагской экспедиции / перевод В. С. // *Морской сборник.* 1914. Т. 382. № 5. С. 1–53); Э. Кросс считает, что автором мог быть Томас Ньюберри (*Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век / авториз. пер. с англ. Юрия и Надежды Беспярых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 207). Однако проведенный текстологический анализ показывает, что, как и заявлено в предисловии, *Authentic Narrative* был составлен из серии дневников и записок, в том числе лорда Эфтингема и, возможно, даже Джона Элфинстона.

если бы следовали <...> [его] советам, то Константинополь весьма вероятно обратился бы в пепел» (с. 506). При этом контр-адмирал желал не только славы и признания, но и получения компенсации за перенесенные испытания и оскорбления, за недоплаченные призовые деньги и неназначенную пенсию. В итоге его мемуарное сочинение становилось своего рода счетом по государственному долгу Российской империи, что не могло не сказаться на стиле и информативных особенностях его труда.

Элфинстон скуп в описании своих эмоциональных переживаний или природных красот. Читатель найдет в сочинении редкие намеки на искренние дружеские чувства, пару раз обнаружит упоминания о переживаниях Элфинстона-отца в критические моменты плавания, когда опасность грозила его сыновьям. Вместе с тем не искушенный в писательском труде Элфинстон по ходу повествования вырабатывал свой авторский стиль. Его суждения о событиях и лицах, сравнительные характеристики порядков в российском и британском флотах, описания придворных церемониалов и встреч в Петербурге, Царском Селе, Копенгагене не только оказываются доказательством славы и исторической роли контр-адмирала; они содержат цепко подмеченные детали, которые позволяют читателю испытать эффект присутствия и с неослабным интересом следить за взлетом и падением российской карьеры британского моряка.

Как финансовая претензия, «Повествование» подкреплено документальными свидетельствами – копиями приказов по эскадре и отпусками его корреспонденции, прошениями на высочайшее имя, объяснительными записками, выписками из его судового журнала, банковскими счетами и прочим (эти бумаги в оригиналах и копиях, как отмечалось выше, сохранились в принстонской коллекции Элфинстонов). Расположенные в хронологическом порядке, цитируемые Элфинстоном документы составили основной каркас «Повествования».

Насыщенность сочинения цитатами из источников разных видов является существенной особенностью публикуемого текста, придавая ему дополнительную ценность. Точность цитирования Элфинстоном документов была проверена не только по бумагам его коллекции, но и по архивным подлинникам в различных фондах, так что вполне можно говорить о честности и скрупулезности автора «Повествования» в передаче информации.

Примечательно также то, что при редактировании своего текста Элфинстон не исправлял первых, сделанных по незнанию ошибок (например, при написании имени Чернышева или порта Кронштадт); он не менял и характеристик своих знакомых, которые в начале повествования могли быть положительными, а затем отрицательными. Такая, судя по всему, намеренная авторская стратегия и противоречивость суждений роднят текст «Повествования» с дневником, хотя автор не переставал вносить в свое сочинение комментарии и исправления через годы после описываемых событий.

Оригинальность и исключительная ценность издаваемого источника заключаются и в том, что его писал командующий эскадрой, не только человек самостоятельных суждений, но и стратег, планировавший крупные операции.

Наконец, иностранец Элфинстон порой видит и отмечает особенности поведения, быта, общения российских моряков, которые для русских мемуаристов были обыденными и не считались достойными упоминания.

Рассчитывал ли Джон Элфинстон, создавая свое сочинение, что оно будет опубликовано? Можно предположить, что за время создания труда, вероятно с лета 1771 до 1782 г., он неоднократно менял свое решение на этот счет. То, что Джон Элфинстон писал свои критические мемуары, не составляло секрета для его современников, и появления свидетельств обиженного контр-адмирала ждали заинтересованные читатели и в России, и на Западе. Элфинстон признается, что к написанию сочинения в июле 1771 г. его подтолкнул собственный секретарь Джонсон Ньюман, который в надежде выслужиться перед вице-президентом Адмиралтейств-коллегии графом И. Г. Чернышевым хотел передать тому критические заметки контр-адмирала. Ньюман, судя по всему, был первым читателем начала «Повествования». Однако

замысел Ньюмана Элфинстону удалось разгадать, секретарь был окончательно изгнан из дома контр-адмирала, а Чернышев желаемого текста не получил. Вместе с тем возможность поведать о своих переживаниях придала силы Элфинстону в трудные месяцы его пребывания в Петербурге в ожидании военного суда и отставки.

Летом 1771 г. о злключениях Элфинстона узнал и британский посол лорд Каткарт, самый близкий в это время человек для Элфинстона в Петербурге. Впрочем, что-то знали и французские дипломаты. В августе 1771 г. французский посланник в России Сабатье де Кабр доносил в Париж о некоем «энергичном» и «обстоятельном мемуаре» Элфинстона⁵⁰. Позднее в апреле 1776 г. и Корберон довольно подробно изложил мнение Элфинстона относительно упущенной возможности взятия Дарданелл и самого Константинополя (предположительно, Корберон мог узнать подробности от хорошо знакомого ему графа Андрея Кирилловича Разумовского, до осени 1770 г. находившегося при Элфинстоне, или от некоего упоминаемого им Перро)⁵¹. Что-то о конфликте Элфинстона с А. Г. Орловым пересказывали и Клоду Карломану де Рюльеру⁵². В 1772 г. о существовании «Повествования» Элфинстона было объявлено в печати: вышедшее в Лондоне воспоминание британских участников Архипелагской экспедиции заканчивалось сообщением, что контр-адмирал Элфинстон скоро опубликует свои мемуары⁵³.

Слухи о сочинении Элфинстона доходили и до императрицы, которая просила графа Панина по возможности предотвратить распространение труда своего бывшего контр-адмирала.

Между тем до середины 1770-х гг. Элфинстон не спешил с публикацией своего «Повествования» и дописывал его в ожидании момента, когда в России после окончания войны с турками произойдет распределение наградных и призовых денег за Архипелагскую экспедицию. Это случилось только в 1776 г., и хотя Элфинстон и его сыновья не были обойдены монаршими милостями, сумма в 6 тыс. рублей контр-адмиралу и в 600 рублей его сыновьям показалась Элфинстону несправедливой. В 1782 г. он попробовал в очередной раз получить средства от Российской империи и 4 июля 1782 г. направил письмо, в котором, «согласно Уставу Петра Великого», сообщал о желании получить *пенсию* в России и, забыв былые обиды, был даже готов ради этого вернуться в Санкт-Петербург⁵⁴. В письме И. Г. Чернышеву Элфинстон опять пригрозил в случае отказа *опубликовать свое сочинение*, но, получив отказ, все-таки не исполнил угрозы. «Повествование» лежало неизданным, может быть, потому, что вместо отца в Россию в 1783 г. отправился служить его сын Самюэл. А через два года Джон Элфинстон скончался.

Таким образом, защищая себя и свою честь, контр-адмирал российского Императорского флота британец Джон Элфинстон создал ценный исторический документ, отличающийся

⁵⁰ Сабатье де Кабр пишет в письме герцогу д'Эгийону 2 августа 1771 г. о том, что с Элфинстоном плохо обошлись в России и он собирается отбыть в Англию, где «опубликует Мемуар самый энергичный и самый обстоятельный о том, что произошло в Архипелаге» (Дипломатическая переписка французских представителей при дворе Императрицы Екатерины II. (Ч. 3: 1769–1772) // СИРИО. СПб.: Тип. В. Ф. Кишбаум, 1913. Т. 143. С. 320).

⁵¹ Un diplomate français à la cour de Catherine II, 1775–1780. Journal intime du chevalier de Corberon, chargé d'affaires de France en Russie, publié d'après le manuscrit original, avec une introduction et des notes par L.-H. Labande. Paris: Librairie Plon, 1904. Т. 1. Р. 204–205; сокращенный перевод: Корберон М.-Д. Из записок // Екатерина. Путь к власти. М.: Фонд Сергея Дубова, 2003. С. 115.

⁵² См.: Rulhière C. C. de. Révolutions de Pologne. 4 éd., revue sur le texte et complétée par Christien Ostrowski. Paris: Librairie de Firmin Didot Frères, Fils et C.-ie., 1862. Т. 3. Р. 140, 148, 200, 221.

⁵³ Authentic Narrative. Р. 160.

⁵⁴ В 1783 г. пожелание Элфинстона вернуться в Россию обсуждалось в письме Г. А. Потемкина к Екатерине. Потемкин писал 9/[20] августа 1783 г. из Крыма: «Возвращаюсь на Элфинстона. Конечно, предприимчивый адмирал здесь нужен <...>, то бы я просил Элфинстона и с сыном» (Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. Изд. подгот. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 181). Ответ императрицы не оставлял контр-адмиралу надежды: «Сына Элфинстона я взяла на службу, а с ним [думается, здесь имеется в виду не сын, а отец Джон Элфинстон. – Е. С.] никто не уладит» (Там же. С. 182).

скрупулезной фиксацией деталей и серьезной осведомленностью автора, сообщавшего немало новых сведений, которые историкам еще предстоит проанализировать и осмыслить.

Очевидно одно: когда императрица Екатерина II в 1773 г. написала графу Н. И. Панину о том, что «нет ничего легче, как опровергнуть этот мемуар [Элфинстона]» (слова, вынесенные нами в эпиграф), она недооценила автора «Повествования» и, возможно, рассудив, насколько информированным был ее бывший контр-адмирал, все-таки распорядилась заплатить некоторые английские долги по претензиям мемуариста, сочтя, что опубликование сочинения Элфинстона будет иметь неприятные последствия для российско-британских отношений⁵⁵.

Е. Б. Смилянская

---

⁵⁵ Эти последствия: «Причинять неудовольствие английскому двору, выставляя его потачку нам, всю помощь, которую он нам оказал и которая была нам очень полезна; опубликование всего этого подняло бы против английского правительства внутренние неудовольствия и могло бы иметь неприятные последствия для английской торговли в Леванте» – Екатерина II Н. И. Панину, 29 февраля 1773 г. (Политическая переписка императрицы Екатерины II... // СИРИО. Т. 118. С. 511; перевод приводится по изд.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1994. Кн. XIV. Т. 28. С. 368).

СОБЫТИЯ АРХИПЕЛАГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, КАК ИХ УВИДЕЛ ДЖОН ЭЛФИНСТОН

*Мемуар самый энергичный и самый обстоятельный о том, что
произошло в Архипелаге.*

Сабатье де Кабр о сочинении Элфинстона. 1771 г.

Предлагаемая Элфинстоном версия истории Архипелагской экспедиции за 1769 и особенно за 1770 г. значительно разнится с героическим повествованием, которое доходило до императрицы Екатерины II в посланиях и личных сообщениях графа А. Г. Орлова⁵⁶, в реляциях других ее командиров, в которых каждый стремился оправдать свои действия, свалить на других вину за неудачи или преувеличить свой героизм⁵⁷. Им императрица склонна была доверять больше, чем нанятому в Лондоне иностранцу, критиковавшему ее военачальников и флотоводцев. Впрочем, в дальнейшем отечественные историки, писавшие об Архипелагской экспедиции, хотя и получили доступ к той информации, которую императрица могла и не знать (к архивам канцелярий командующих, к судовым журналам, к запискам и мемуарам участников), в силу разных причин⁵⁸ следовали во многом этому своего рода «героическому канону» в интерпретации событий и характеристике действующих лиц. Более всего менялась за два века изучения, пожалуй, только оценка роли А. Г. Орлова: в советской историографии лавры главного виновника побед чаще отдавались не вельможному графу, а долго служившему адмиралу Г. А. Спиридову⁵⁹; ныне же вновь лавры возвращаются Орлову-Чесменскому⁶⁰.

Джону Элфинстону во всех отечественных сочинениях об Архипелагской экспедиции обычно отводится весьма скромная роль: отмечается его ссора со Спиридовым, заставившая Орлова взять на себя общее командование обеими эскадрами, подняв кайзер-флаг (гюйс генерал-адмирала или главнокомандующего флотом), осуждается «авантюрная» попытка в одиночку дать бой при Наполи ди Романия, замалчивается его участие в Чесменской битве, но почти всегда говорится о том, что на Элфинстоне лежит вина за потерю корабля «Святослав» и за прорыв турецкого сикурса (подкрепления) на Лемнос, что и привело к его отставке.

В зарубежной историографии также сложились свои штампы при описании Архипелагской экспедиции российского флота, и там роль Элфинстона, напротив, часто преувеличивается. Многие позднейшие выводы зарубежной историографии, по сути, предвосхитил еще в 1776 г. Мари Даниель Бурре де Корберон, писавший: «Во время войны все морские победы

---

⁵⁶ См., например, версию А. Г. Орлова, зачитанную на Совете при Высочайшем дворе в марте 1771 г.: АГС. Т. 1. С. 368–369.

⁵⁷ Особенно это заметно по мемуарам Ю. В. Долгорукова, который первым из участников Чесменской битвы предстал перед императрицей осенью 1770 г. Во всяком случае, написанные им через много лет мемуары рисуют именно князя Долгорукова чуть ли не главным автором Чесменской победы.

⁵⁸ К примеру, Е. В. Тарле написал работу об Архипелагской экспедиции во время Второй мировой войны, когда важно было подчеркнуть величие российских побед прошлого – Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). М.: Л., 1945.

⁵⁹ Тарле Е. В. Чесменский бой. В Большой советской энциклопедии (1970–1977) читаем в статье о Г. А. Спиридове: «24 июня (5 июля) 1770 рус. эскадра, которой командовал (номинально) граф А. Г. Орлов, а С[пиридов] – авангардом, в Хиосском проливе атаковала тур. флот и вынудила его укрыться в Чесменской бухте. В ночь на 26 июня (7 июля) в Чесменском бою 1770 рус. эскадра под фактическим команд. С[пиридова] и С. К. Грейга уничтожила тур[ецкий] флот и установила господство на Эгейском море. В 1771–73 командовал рус[ским] флотом в Архипелаге. В связи с тем, что лавры победителя турок были незаслуженно приписаны Орлову, в 1774 вышел в отставку» (Электронный ресурс. Режим доступа <http://bse.uaio.ru/BSE/2402.htm> свободный).

⁶⁰ См., например: Гребенищикова Г. А. Чесменская победа: Триумф России в Средиземном море: флот, война, политика. СПб.: Остров, 2015; Смилянская И. М., Велижев М. Б., Смилянская Е. Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011. С. 479.

приписывались графу Алексею Орлову, тогда как ими обязаны английскому капитану Элфинстону, состоявшему адмиралом на русской службе, человеку, обладающему неустрашимостью и большими дарованиями. Он сжег вместе с Алексеем Орловым турецкий флот в Чесменской гавани и собирался оттуда идти на Константинополь, но ему помешали»⁶¹. Опираясь на донесения из Петербурга и Константинополя британских дипломатических представителей Каткарта и Марри, на британскую прессу, на *Authentic Narrative* 1772 г. и мемуары Грейга, на свидетельства барона Франца Тотта и Клода Рюльера⁶², западные исследователи заключают, что без поддержки Британии, без английских и шотландских капитанов и прежде всего такого опытного моряка, как Элфинстон, экспедиция могла бы не состояться⁶³.

Турецкая историография, основывающаяся в основном на тех же иностранных источниках, упоминает вклад Элфинстона как свидетельство английской помощи и поддержки русским во время войны, без которой русские не смогли бы одержать победу и воспользоваться выгодами, полученными после сожжения флота при Чесме (отметим при этом, что Чесменская битва в турецкой историографии описана иначе, чем в российской)⁶⁴.

Думается, что публикуемое здесь «Повествование» Элфинстона и подтверждающие или опровергающие его информацию комментарии, основанные на изучении бумаг российских и британских архивов, добавляют аргументации сторонам этого спора.

В настоящее время помимо дискуссий о роли Элфинстона и других британских моряков в становлении российского флота были высказаны различные мнения о соотношении сил российского и османского флотов при Чесме, о сильных решениях и просчетах сторон. Становится ясно, что для объективной оценки казавшихся хорошо известными событий недостает свидетельств участников, находившихся на разных «точках обзора», не готовых безоговорочно повторять свидетельства российского главнокомандующего⁶⁵. Помимо этого ряд важных событий, последовавших за Чесменской победой российского флота, почти не нашел отражения в исследованиях либо требует дополнительных объяснений. Мнение Элфинстона по этим вопросам узнает читатель публикуемого здесь «Повествования», однако некоторые аспекты представляется важным отметить специально.

⁶¹ Un diplomate français à la cour de Catherine II, 1775–1780. Journal intime du chevalier de Corberon. P. 204; благодарю С. Я. Карпа, указавшего на ошибки в русском переводе, появившемся в изд.: *Корберон М.-Д.* Из записок // Екатерина. Путь к власти. М.: Фонд Сергея Дубова, 2003. С. 115.

⁶² *Rulhière C. C. de. Révolutions de Pologne.* 4 éd., revue sur le texte et complétée par Christien Ostrowski. Paris: Librairie de Firmin Didot Frères, Fils et Cie., 1862. Т. 3.

⁶³ См., например: *Anderson M. S.* Great Britain and Russo-Turkish War of 1768–74 // *English Historical Review.* 1954. Vol. 69 (270). P. 44–45; *Idem.* Great Britain and Russian Fleet, 1769–70 // *Slavonic and East European Review.* 1952. Vol. 31. No. 76 (Dec.). P. 148–163; из новейших исследований: *MacDougall Ph.* «So Complete Was Our Victory! So Complete Their Ruin!»: An analysis of the battle of Çeşme, 1770 // *Mariner's Mirror.* 2017. Vol. 103. No. 3. P. 279.

⁶⁴ Турецкая историография в основном базируется на знакомых нам русских и английских источниках. См., например: *Aksan V. H.* Ottoman Wars 1700–1870: An Empire Besieged. Harlow: Pearson/Longman, 2007; *Soucek S.* Ottoman Maritime Wars 1700–1914. Istanbul: The Isis Press, 2013. P. 35–45; *Aktepe M. M.* Çeşme Vakası // *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi.* 1991. Vol. 8. P. 288–289.

⁶⁵ Например, по мнению А. А. Лебедева, «не находит подтверждения и общепринятый состав турецкого флота, который, по данным всех шканечных журналов, имел не более 27 кораблей, фрегатов, галер и шебек <...> вместо ставших уже привычными цифр о 70–90 боевых единицах. То есть имел численный состав, близкий к тому, который в последнее время называется турками – 24–27 боевых единиц. Причем, как мы увидим далее, не изменился этот расклад и после Чесменского сражения» (*Лебедев А. А.* Хиос и Чесма в свете шканечных журналов // *Гангут.* 2014. № 80. С. 27). Современная турецкая историография также расходится в количественных характеристиках османского флота при Чесме. Один из последних подсчетов указывает, что османские силы состояли из 16 линейных кораблей, 6 фрегатов и некоторого количества вспомогательных судов, на которых было примерно 1300 пушек (*Soucek S.* Ottoman Maritime Wars 1700–1914. P. 40). Тункай Зорлу полагает, что при Чесме было всего 15 *kapak* (двухпалубных кораблей вроде галеона), 6 фрегатов и другие суда (*Zorlu T.* Innovation and Empire in Turkey: Sultan Selim III and the Modernisation of the Ottoman Navy. London: Tauris Academic Studies, 2008. P. 10), Али Риза Ишипек считает, что турки имели всего 10 линейных кораблей (*İşıpek A. R.* 1770 Çeşme Deniz Savaşı: 1768–1774 Osmanlı Rus savaşları. Beyoğlu, Istanbul: Denizler Kitabevi, 2006. P. 268). См. также: *Yener E.* Ottoman Seapower and Naval Technology during Catherine II's Turkish Wars 1768–1792 // *International Naval Journal.* 2016. Vol. 9. No. 1. P. 4–15.

Более всего контр-адмирал Элфинстон, как свидетельствует его сочинение, гордился своими смелыми действиями в сражении против превосходящих сил противника у Наполи ди Романия. И хотя смелость Элфинстона, там проявленная, никогда не подвергалась сомнению, данная Орловым характеристика этого сражения как авантюры и поныне отзывается в работах историков⁶⁶. Предложенная Элфинстоном аргументация его действий при Наполи ди Романия позволяет вновь вернуться к вопросу о причинах «бешенства» контр-адмирала, считавшего, что он предотвратил выход соединенных сил османского флота против российского к крепостям Южного Пелопоннеса к Наварину, и если бы он получил вовремя поддержку Спиридова, то мог бы разбить турецкий флот еще у Наполи ди Романия или у острова Спеце. Смелое сражение 16–18 мая (ст. ст.) 1770 г. под тремя крепостями Наполи ди Романия имело серьезные последствия: известно, что, когда на подкрепление Элфинстону подошли корабли эскадры Спиридова, турецкий флот покинул Навплийский залив и стал спешно отступать к берегам Малой Азии, найдя свой конец в Чесменской гавани.

В погоне за османским флотом эскадры Элфинстона и Спиридова впервые должны были действовать сообща, но взаимодействия не получилось. Исследователи редко обращаются к анализу причин этого разлада между командующими. Элфинстон объясняет ссору между флотоводцами и их неудачи в погоне за турецким флотом в мае – начале июня 1770 г. трусостью и незнанием Спиридовым морского искусства. Однако появившиеся в это время при флоте после оставления Наварина А. Г. Орлов и С. К. Грейг предпочли не судить строго русского флотоводца, а дальнейшие заслуги Спиридова стерли память о его возможных просчетах. Между тем приводимые Элфинстоном подробности преследования турецкого флота от острова Спеце доказывают *различие в тактике русского и британского флотоводцев*⁶⁷ и нежелание каждого отказаться от своего плана.

В Хиосском сражении Элфинстон был поставлен в арьергард, хотя он сам предлагал новое, но уже применявшееся англичанами построение флота и готов был вести объединенные эскадры⁶⁸. Однако с этого момента Орлов старается все более изолировать британца. А потому в литературе чаще всего приводится воспоминание Ю. В. Долгорукова: «Об арьергарде не велика повесть: он убавлял парусов и пришел, когда уже мы обложили Чесменский бассейн, но от фанфаронства [Элфинстона], что он был в сражении, еще до нас далеко не дошел – стрелял из пушек на воздух»⁶⁹. Между тем, судя по повествованию Элфинстона, его роль в Хиосском сражении этим далеко не ограничивалась, во всяком случае, он многое сумел увидеть и описать.

Об участии Элфинстона в Чесменском сражении также написано немного. На Западе в прессе 1770 г. появились известия, что именно Элфинстон и Грейг предложили использовать и снарядили зажигательные суда-брандеры⁷⁰, обеспечившие уничтожение неприятельского флота. Но в этом отношении рассказы мемуаристов Долгорукова, Грейга и Элфинстона не сходятся, и каждый предпочитает показывать себя главным инициатором поджога.

⁶⁶ А. Г. Орлов писал императрице: «Если бы Элфинстон хоть чуть проиграл от бешенства его, могли бы все в порте быть заперты и неизбежно погибнуть» (МИРФ. Ч. XI. С. 550). Различные, но преимущественно негативные оценки этого сражения приводит Г. А. Гребенщикова, соглашаясь с мнением В. Ф. Головачева о том, что «сражение, данное Элфинстоном, не разрешало никакого стратегического или тактического вопроса и осталось без последствий». – Головачёв В. Ф. Чесма. М.; Л.: Воен.-мор. изд-во, 1944. С. 33; Гребенщикова Г. А. Чесменская победа. С. 196. Самое (помимо Элфинстонова) подробное описание этого сражения было опубликовано в середине XIX в.: Соколов А. Архипелагские кампании 1769–74 // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. VII. СПб., 1849. С. 230–401.

⁶⁷ О британской тактике см.: Willis S. Fighting at Sea in the Eighteenth Century: The Art of Sailing Warfare. Woodbridge: Boydell Press, 2008.

⁶⁸ Лебедев А. А. Хиос и Чесма в свете шканечных журналов. С. 28; Он же. Тактическая парадигма русского парусного флота XVIII – середины XIX века // Гангут. 2014. № 82. С. 79.

⁶⁹ Долгоруков Ю. В. Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова. С. 499.

⁷⁰ Annual Register. 1770. P. 36.

А потому в историографии принято мнение, что брандеры вооружали Грейг и Ганнибал. Действительно, в приказе А. Г. Орлова от 25 июня/6 июля 1770 г. о брандерах и о плане сражения Элфинстон не упоминается, а вся организация доверяется С. К. Грейгу и И. А. Ганнибалу⁷¹. Но примечательно, что только Элфинстон подробно описывает, как снаряжались брандеры (такого опыта у русских ранее не было, поэтому британцев Элфинстона и Грейга поражал опасный способ, примененный И. А. Ганнибалом), как выбирались команды зажигательных судов. Элфинстон отдает лавры главного «зажигателя» неприятельского флота своему брандеру под командой Томаса Макензи, тогда как чаще вместо Макензи историки называют брандер-лейтенанта Дмитрия Ильина, о котором и было доложено императрице⁷². По описанию Элфинстона, именно Макензи сумел попасть и на бот капудан-паши и забрать главную регалию главы турецкого флота – его жезл. Правда, сам Макензи, подробно описавший свое участие в поджоге турецкого флота с указанием имен всех матросов, бывших на его брандере, об этом жезле никогда не писал, и столь примечательный факт трудно проверить⁷³. Между тем жезл в пурпурном кофре, скорее всего, существовал и прибыл с Элфинстоном в Петербург, но современное место нахождения этой регалии и была ли это действительно регалия капудан-паши, нам неизвестно⁷⁴.

Весной 1771 г., пока вызванный в Петербург Элфинстон добивался встречи с императрицей и надеялся еще на свой триумф, его роль в истории Чесменского сражения уже была перечеркнута. В первом донесении императрице о Чесме А. Г. Орлов вовсе не упоминает об Элфинстоне⁷⁵. Примечательно, что за Чесму Элфинстон не удостоился и наград, какие достались даже менее значительным участникам сражения. Более того, на основании дошедших до Петербурга рассказов в 1772 г. в драме Павла Потемкина «Россы в Архипелаге» Элфинстон предстал чуть ли не трусом, сомневающимся в необходимости вступать в бой с превосходящим по силе противником. Во втором действии драматургом был сочинен такой диалог А. Орлова и Элфинстона:

Элфинстон:

Сражаться нам велишь, ужаснейший предмет!
Почто отважно толь идти на бездну бед?
Среди земель чужих в странах толь отдаленных
Каких побед искать мы можем совершенных?
Довольно славы нам, что посреди сих вод
Безвредно сохранить страны полнотной флот,
Но в общий бой вступить опасно и не должно:
Потеря нам явна, а победить не можно.

Орлов:

⁷¹ Список с подлинных приказов графа Алексея Григорьевича Орлова Чесменского по флоту, действовавшему в Архипелаге в 1770 году и истребившему турецкий флот при Хиосе и Чесме // Морской сборник. 1853. Т. 9 (№ 4). С. 272–277.

⁷² См. о героизации Д. С. Ильина: Рыжов В., Скворцов В. Герой Чесмы лейтенант Ильин. Тверь: Творческое объединение «Книжный клуб», 2012. С. 103.

⁷³ Рапорт Томаса Макензи о его участии брандером при Чесме от 28 июня 1770 г. (РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 3. Л. 149–149 об.). Также британские периодические издания опубликовали письмо Макензи неизвестному лицу в Портсмуте, датированное 29 июля, с описанием участия Макензи в Чесменском сражении (General Evening Post. 1770. September 25; Scots Magazine. 1770. September 1).

⁷⁴ Элфинстон описывал регалии так: «Жезл был серебряный с позолотой и чеканкой в виде цветов, длиной около 20 дюймов, с большими круглыми головами (a broad round head) на каждом конце и одной посередине, как у паши трех флотилий. Это, несомненно, были регалии капудан-паши, они не могли принадлежать никому другому и были даны ему самим султаном, а взяты с собой для удовольствия (at pleasure). Жезл хранился в малиновом чехле с ремнем, чтобы носить его на плече, а то, что его бросили, говорит о спешке, с которой турки покидали свое судно» (с. 500–501).

⁷⁵ В память Чесменской победы. Сборник документов. Одесса: тип. П. Францова, 1886. С. 54.

Опасность слабых дух легко страшит всегда,
Но россы онья не знают никогда <...>

Элфинстон:

Приятна слава всем, но щастие превратно,
Флот неприятельский преходит наш трекратно.
Здесь все враждует нам, но средств нет никаких.
Вообразите вы число врагов своих...⁷⁶

Впрочем, на столь обидную для себя роль в *драме* Элфинстон никак не отреагировал, и скорее всего до него сочинение Павла Потемкина не дошло.

Еще менее известна роль Элфинстона в событиях, последовавших за Чесмой, когда в течение июля – сентября 1770 г. его эскадра подошла к Дарданеллам, совершила попытку прорыва, атаковала замок на европейской стороне и от острова Имброса установила блокаду пролива, крейсировала вдоль берегов Саросского залива, а также вблизи Тенедоса и азиатского побережья.

Едва ли здесь стоит повторять спор, начатый еще современниками событий и продолжающийся поныне, о том, мог ли Элфинстон или Орлов прорваться к Константинополю и какие бы это имело последствия⁷⁷. Элфинстон верил, что потерянное после Чесмы на празднование победы время позволило туркам укрепиться, в это же время поменялись ветра и течения, так что прорыв в Мраморное море стал невозможен⁷⁸.

Элфинстон неоднократно, но безуспешно требовал от графа Орлова сведения о течениях вблизи Дарданелл. Впрочем, кажется, и сам Орлов такими данными в 1770 г. не располагал. Считал ли Орлов прорыв через Дарданеллы таким же «бешенством» Элфинстона, как и битву при Наполи ди Романия, судить трудно. Судя по всему, граф сам не исключал после взятия Лемноса штурма Дарданелл⁷⁹, но Лемнос взят не был, а Орлов стал осторожнее, опасаясь ловушки и учитывая горький опыт Морейского предприятия⁸⁰.

Безусловно, Элфинстон, как и при Наполи ди Романия, серьезно рисковал, когда со своим небольшим отрядом прорывался между дарданелльскими укреплениями, и его возмущение «трусливым» призывом командора И. Я. Барша не начинать столь опасной атаки, казалось бы, лишь свидетельствовало о неоправданном стремлении командующего к рискованным операциям. Однако организованная Элфинстоном блокада пролива и крейсирование его судов у берегов Малой Азии и Румелии, обустройство временного лагеря на Имбросе и первые

---

⁷⁶ *Потемкин П.* Россы в Архипелаге. Драмма. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1772. С. 19.

⁷⁷ *Аренс Е. И.* История русского флота. Екатерининский период. 1897 (литография); *Гребенищикова Г. А.* Чесменская победа.

⁷⁸ Такие же аргументы см. в работе потомка французского инженера Тотта, укреплявшего Дарданеллы в 1770-е гг.: *Tóth F.* La guerre Russo-Turque (1768 – 1774) et la défense des Dardanelles. L'extraordinaire mission du baron de Tott. Paris: Economica, 2008. Р. 75–90. Современник события также писал о том, что после Чесменской победы из-за празднования время было упущено: *Bruce of Kinnaird J.* Travels to discover the source of the Nile in the years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772, and 1773. Edinburgh; London: Printed by J. Ruthven, for G. G. J. and J. Robinson, 1790. Vol. 1. Р. 28–29.

⁷⁹ Это мнение высказывает ближайший соратник Орлова С. К. Грейг: Грейг считал, что Орлов пошел к Лемносу, собираясь далее идти на Дарданеллы: Орлов «считал этот остров выгоднейшим пунктом, в настоящем положении флота, как по удобству прекрасного порта Мудро, так и потому, что он был один из островов Архипелага, наиболее изобиловавших хлебом и скотом; а еще более потому, что он лежит близ входа в Дарданеллы, сквозь которые граф твердо решился прорваться по овладении островом Лемносом, что дало бы ему безопасное убежище для флота в случае неудачи в этом предприятии» ([Грейг С. К.] Собственноручный журнал. С. 124).

⁸⁰ В октябре 1773 г. на Совете при Высочайшем Дворе, отвечая на вопрос императрицы, достаточно ли будет прислать в Архипелаг еще 20 тысяч войска (!), Орлов ответил, «что с толиким числом мог бы он идти прямо в Константинополь». Однако войско так и не было прислано (АГС. Т. 1. С. 385–386).

попытки ремонта пострадавших в долгом походе судов, о чем ранее почти не писали историки, создают картину весьма продуманной организационной работы контр-адмирала.

Причины длительной осады соединенными силами русских регулярных частей, английских волонтеров и балканских добровольцев небольшой крепости Литоди на Лемносе и последующий уход с Лемноса в большинстве работ имеют одинаковое объяснение и одинаковые ссылки на то, что потеря «Святослава» предопределила прорыв на Лемнос турецкого «сикурса» (его численность разнится, но он едва ли мог превышать численность осаждавших). Однако в интерпретации Элфинстона осада крепости Лемноса предстает как беспомощная акция малоспособных командиров, не сумевших ни подготовить базу для зимовки и ремонта судов в гавани Порто-Мудро (где стояли основные силы флота), ни захватить «полуразрушенный» форт, важность которого также ставится Элфинстоном под сомнение. В этой части своего сочинения контр-адмирал, привлекая свидетельства своих соотечественников, прежде всего английского волонтера лорда Эффингема, язвителен свыше меры в отношении стратегических планов А. Г. Орлова и их реализации.

Действительно, нежелание Орлова рисковать своими небольшими людскими резервами⁸¹, но при этом жестокость по отношению к оставленным на берегу при эвакуации славыанским и греческим добровольцам, недостаточное внимание к крейсерованию и защите острова от возможного турецкого десантирования (Элфинстон предполагал, что сикурс все-таки пришел не из Дарданелл, а из Энеза, но проверить это пока не удастся), поспешное снятие осады и бегство из залива Пелари, а затем и из Порто-Мудро – складываются в интерпретации Элфинстона в весьма неблагоприятную для А. Г. Орлова картину.

Когда сведения о неудаче русских при Лемносе попали в европейские газеты (а там не публиковалось и малой доли приводимой Элфинстоном компрометирующей Орлова информации!), граф А. Г. Орлов был вынужден принять меры для защиты своей несколько померкнувшей славы. Орлов, в декабре 1770 г. проходивший карантин в Ливорно, постарался передать в европейские газеты совсем иное видение событий при Лемносе, предваряя возможные рассказы других свидетелей⁸². В это время он написал в Лондон российскому посланнику А. С. Мусину-Пушкину такое пространное объяснение: «Я ж во время продолжения осады крепости Лемноса, чувствуя день ото дня умножавшуюся слабость моего здоровья, поручил главную над флотом команду адмиралу и кавалеру Спиридову и собрался к отъезду в Италию, но как при том неприятельской гарнизон здался на капитуляцию, то по подписании пунктов приказано от меня было сжечь все стоящие под крепостью на якоре бо́льшие и мелкие турецкие лодки и, взяв в аманаты восемь человек из знатнейших турков, перевести войска наши на суда и переехать в бо́льшой порт [Порто-Мудро. – Е. С.] к нашему флоту, что и последовало, а в тож самое время оказался на горах и неприятельской сикурс, с которым не было никакого сражения, по переезде моем в порт приказал я и тамо сжечь все те негодные лодки, кои при Чесме взяты были у неприятеля, что и учинено, а между тем находившиеся по своей воле на острову румелиоты имели с турками стычку, на которой неприятель, потеряв более ста пятидесяти человек, по исчислению оставшихся на месте возвратился в горы, я ж получил от главного над сикурсом начальника письмо, по просьбе ево и островских жителей отпустил гарнизонных аманатов и отъехал, оставя там корабли и фрегаты под командой адмирала Спиридова, которой и поныне близ Дарданели находится <...>. Вот Вам, государь мой, все то, что пред отъездом моим <...> случилось и что *недоброхоты наши, по злости своей ложно толкуя, разглашают пустые вести, из которых справедливо только то, что господин контр-адмирал Элфинстон*

---

⁸¹ На слова Эффингема, который «предлагал штурмовать форт [Лемноса] примерно с 40 англичанами и 60 греками при поддержке 200 русских», граф А. Г. Орлов якобы ответил: «Форт не стоит жизни и одного русского», и написал Элфинстону: «Одного только я боюсь, при нехватке людей, потеряв три сотни, я потеряю большую часть наших сил; и ради сохранения людей я решил осаждать город и оголодать его» (с. 417).

⁸² О том, как А. Г. Орлов умело манипулировал прессой, см.: Россия в Средиземноморье. С. 283–330, 445–476.

посадила на мель корабль Святослав за два почти месяца прежде моего отъезду, о других же подробностях усмотрите из обнародованных мною известий, кои уже напечатаны»⁸³.

Таким образом, неудачи при Лемносе Орлов старается оправдать то своим нездоровьем, то «пустыми вестями» и, имея свои каналы передачи новостей в прессу, тут же «подробностями» отводит от себя подозрения в слабости перед противником. Все обвинения Орлов переводит, по сути, на Элфинстона, но примечательно – пока не связывая утрату корабля с уходом флота с Лемноса.

Гибель самого большого (86-пушечного) и самого нового (спущен был на воду в мае 1769 г.) российского линейного корабля «Святослав» обсуждается в литературе до настоящего времени, а остов корабля не так давно был обнаружен на небольшой глубине у острова Лемнос и снова возбудил интерес к этому кораблекрушению⁸⁴. Однако сравнение повествования об этой трагедии у Джона Элфинстона с текстами шканечного журнала «Святослава» и материалами расследования (частично помещенными нами в комментарии) не позволяет, на наш взгляд, винить контр-адмирала в этой трагедии (да и военный суд по делу о гибели «Святослава» не нашел его вины). Однако А. Г. Орлов сумел убедить императрицу в противном, и в 1771 г. она писала госпоже Бельке: «Элфинстон так хорошо крейсировал, что выпустил из Дарданелл турецкий флот, который и освободил Лемнос, между тем как г. Элфинстон тешился, забирая христианские призы, причем он потерял свой 80-пушечный корабль»⁸⁵. Это письмо показывает, что не прошло года после гибели «Святослава», и связь между кораблекрушением и снятием осады Лемноса была найдена. С тех пор большинством исследователей она стала приниматься как очевидная. Вероятно, внимательное прочтение «Повествования» заставит задуматься и над этим заключением.

Итак, публикация перевода сочинения Джона Элфинстона позволяет если не пересмотреть, то скорректировать некоторые сложившиеся представления о важных событиях военноморской истории России. Это не означает, что сочинение обиженного контр-адмирала лишено ошибок, что с капитанского мостика своего флагманского корабля он видел больше, чем иные мемуаристы, и что его историю можно полностью принимать на веру.

Приводимая Элфинстоном информация, как и информация любого мемуарного источника, может иметь или не иметь подтверждений в сохранившихся документальных комплексах и в источниках личного происхождения. Мы надеемся, что дальнейшие исследования позволят сделать новые открытия, подкрепить или опровергнуть свидетельства Элфинстона. А сообщая в комментариях к тексту «Повествования» некоторые дополнительные данные, мы отдавали себе отчет, что лишь намечаем для будущих исследователей пути поисков, сравнительных оценок стратегии, тактики, состояния и личного состава российского флота XVIII в.

Е. Б. Смилянская

---

⁸³ АВПРИ. Ф. Лондонская миссия. Оп. 36/1. Д. 262. Переписка А. Г. Орлова и А. С. Мусина-Пушкина. Л. 19 об. – 20.

⁸⁴ Никулин А. Острова невезения: историческое путешествие по местам русских экспедиций XVIII–XIX веков. М.: Паулен, 2014.

⁸⁵ Письмо Екатерины госпоже Бельке от 12 августа 1771 г. (Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства Иностранных Дел с 1771–1774 г. Ч. 3 / Изданы академиком Я. К. Гротом // СИРИО. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1874. Т. 13. С. 144).

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»: ДРУЗЬЯ И ВРАГИ КОНТР-АДМИРАЛА ДЖОНА ЭЛФИНСТОНА

Я начинаю думать, что для иностранца невозможно добиться успеха на российской службе. Ничто, кроме твердой преданности Ее императорскому величеству не может поднять мой дух среди многих трудностей, с которыми я принужден сражаться.

Джон Элфинстон

Джон Элфинстон попал в России в иноязычную и инокультурную среду 47 лет от роду, с юными сыновьями, без привычного круга знакомств. Британский моряк с шотландскими корнями был чужд пестрому российскому социуму, и это в значительной степени повлияло на его версию истории подготовки и начала Архипелагской экспедиции. Если в Британии он нередко прибегал к помощи и участию «друзей», ориентировался в формальных и неформальных коммуникациях своего круга, то в России был вынужден по своему собственному разумению искать «своих», достойных доверительного общения, и сторониться «иных», от которых постоянно можно было ожидать предательства и обид. И те и другие, попадая на страницы его сочинения, играют свои важные роли, позволяя понять причины возвышения и горького падения контр-адмирала, оказываясь вершителями его судьбы, равнодушными или сочувствующими свидетелями его триумфов и несчастий.

Служба в России свела Элфинстона с замечательными людьми его эпохи. В 1769 г. в Санкт-Петербурге он беседует с императрицей, в 1769 и 1771 гг. часто встречается с известными дипломатами: главой Коллегии иностранных дел графом Н. И. Паниным, с семьей британского посла лорда Ч. Каткарта, в Дании за время стоянки он подружился с российским посланником М. М. Философовым, который представил его королевскому двору, в Англии Элфинстон с супругой познакомились с семьей российского посланника А. С. Мусина-Пушкина; его знакомство с графом И. Г. Чернышевым также началось, когда Чернышев был на дипломатической службе, но позднее Элфинстон оказался у Чернышева в подчинении уже по морскому ведомству. Во время Архипелагской экспедиции Элфинстон вынужден был взаимодействовать через своего переводчика Дж. Ньюмана (также состоявшего с того времени на службе в Коллегии иностранных дел) с братьями А. Г. и Ф. Г. Орловыми, с Г. А. Спиридовым, с молодым графом А. К. Разумовским, с капитанами судов его эскадры И. Я. Баршем, С. П. Хметевским, А. Т. Поливановым, М. А. Клеопиным и др. Наконец, на страницах его сочинения неоднократно появляется и имя весьма примечательного английского аристократа Томаса Говарда, лорда Эффингема.

Все эти герои и антигерои «Повествования» Элфинстона порой раскрываются с таких сторон, которые ранее могли быть историкам неизвестны. И хотя для прорисовки портретов как «друзей», так и «недрузей» у Элфинстона порой не хватало тонкости пера или многообразия красок, детальные описания обстоятельств общения мемуариста с его знакомыми создают у читателя ряд живых и ярких образов.

Джон Элфинстон посвятил свой труд Екатерине II и описал пять встреч и бесед с императрицей, поразившей его с первого знакомства в Петергофе не только величием и блеском ее двора, но и легкостью в общении, изящным юмором и умом. Знаки милости Екатерины к Элфинстону были явлены двору, когда вновь прибывший контр-адмирал был представлен в Петергофе, удостоен утреннего «рабочего» приема императрицы и редкого приглашения

посетить Царское Село⁸⁶. Он присутствовал на представлении в Эрмитажном театре, будучи приглашенным в ложу великого князя, а затем провел вечер в близком кругу императрицы.

Утренняя беседа с Екатериной II в ее рабочем кабинете или разговор за закрытыми дверями в Царском Селе были посвящены вопросам экипировки эскадры, и для Элфинстона было неожиданностью, что императрица интересовалась тонкостями корабельного дела (он «объяснил это в наилучшей манере, как мог, чтобы императрица <...> поняла». С. 128). Во всех случаях от Элфинстона требовался ответ, можно ли поставить в строй корабль «Святослав» и сможет ли эскадра выйти в поход до того, как приход зимы прекратит судоходство на Балтике (императрицу торопили депеши А. Г. Орлова, с нетерпением ожидавшего флот и готовившего «диверсию» на Балканах).

Жалобы Элфинстона на Адмиралтейство и прочие службы приводили к прямому личному вмешательству государыни в подготовку второй эскадры (например, она могла «*в ярости* <...> немедленно послать за шеф-адмиралом Адмиралтейства Мордвиновым» или пообещать, что более не допустит промедлений).

Императрица и на официальных представлениях, и в узком кругу придворных поразила Элфинстона своим стилем общения: он отметил, что она вела себя «как хозяйка частного семейства» (с. 136). Ее светский разговор непременно содержал шутливый намек с подтекстом, понятным только собеседникам, что, казалось, возвышало собеседника до конфидента. Так, Екатерина тонко намекала Элфинстону на то, что знает о его подвигах против французов в Семилетнюю войну и предполагает, что и в Архипелагской экспедиции его могут ждать столкновения с французами, а поэтому императрица советовала контр-адмиралу: «Не пробовать говорить по-французски, но выучить русский; хотя он не говорит хорошо по-французски, я слышала, что он заставлял французов понимать его» (с. 118). За обеденным столом в Царском Селе, где не говорили о политике, императрица вдруг завела разговор о климате Квебека, вероятно напомнив Элфинстону о его участии в военных действиях на реке Св. Лаврентия в 1760 г., когда англичане праздновали победу над французами. Во время того же обеда в Царском Селе тема похода в Архипелаг осторожно обыгрывалась императрицей и Элфинстоном при сравнении астраханского и греческого винограда. Наконец, перед самым отправлением эскадры при вручении важнейшего секретного приказа командующему эскадрой (этот приказ императрица вынула из кармана собственного платья) Екатерина элегантно отвлекла внимание контр-адмирала от музыкальных упражнений фрейлины: «Она спросила меня, люблю ли я музыку. Я ответил: „Да“. – „Очень хорошо, – сказала императрица, – но я надеюсь, что вскоре у Вас будет другая музыка!“» (с. 155) [обоим было понятно, что речь шла о пушечном громе].

По многочисленным источникам хорошо известно умение Екатерины II понравиться, ослепить и очаровать собеседника, и Элфинстон вольно или невольно подчеркивает эти качества российской императрицы сравнением с датским двором: «Я не мог не заметить большого различия в великолепии дворов в России и в Дании, первый значительно превосходил по величию». В отличие от Петербурга, в Копенгагене беседы с королем и вдовствующей королевой, судя по всему, были лишь этикетными, формальными.

Еще чаще, чем с императрицей, Элфинстон общался с наследником – великим князем Павлом Петровичем. Вероятно, контр-адмирала, приехавшего с сыновьями – почти ровесниками пятнадцатилетнего Павла, – не случайно помещают в Петербурге во дворце неподалеку от покоев цесаревича, с 1762 г. получившего чин генерал-адмирала флота и формально являвшегося главой Адмиралтейств-коллегии. Воспитатель великого князя граф Н. И. Панин мог рассматривать встречи Павла с опытным британским моряком как часть образовательной про-

---

⁸⁶ После заседания Совета при Высочайшем дворе на обеде в Царском Селе Элфинстона предусмотрительно сажают между англоговорящими графом Сиверсом и бароном Черкасовым, императрица несколько раз задает вопросы Элфинстону, угощает десертом и говорит «почти со всеми за столом с величайшей приветливостью и живостью» (с. 136).

граммы наследника. Содержания разговоров с юным Павлом Элфинстон не сообщает, но с гордостью пишет о частых ужинах с великим князем и о том, как великий князь привязался к его сыновьям Джону и Самьюэлу и «целовал их по 20 раз на дню».

Возможно, летом 1769 г. граф Панин, сам живший во дворце и постоянно присутствовавший при наследнике, старался держать иностранца Элфинстона под постоянной опекой и вниманием уже не только как наставник великого князя, но и как глава внешнеполитического ведомства Российской империи. При этом Панин, очевидно, покровительствовал Элфинстону, оказывался медиатором между контр-адмиралом, императрицей, наследником, с одной стороны, и службами Адмиралтейства, а также подчиненными Элфинстона, с другой. Без его вмешательства, вероятно, в 1769 г. энергичному британцу не удалось бы снарядить эскадру, да и в походе послания Панина служили Элфинстону серьезной поддержкой. Заинтересованность Панина в любой информации о подготовке, продвижении эскадр, значимость его содействия ясно прочитываются на страницах сочинения Элфинстона, и это позволяет с уверенностью говорить, что в начале Русско-турецкой войны глава Коллегии иностранных дел граф Н. И. Панин не только не «противодействовал»⁸⁷ средиземноморским планам Екатерины и Орловых, но и внес свой заметный вклад в их реализацию.

Однако в 1771 г. по возвращении Элфинстона в Петербург граф Панин, которого еще в 1769 г. Элфинстон называл «другом», на просьбы посла Каткарта выяснить причины неожиданной немилости контр-адмирала лишь развел руками, сообщив, что бессилён (*«it was out of his road...»*), и порекомендовал обращаться к более могущественным лицам, а именно к Орловым. Только после долгих уговоров Панин уверил британского посла, что во избежание лишнего шума в Европе он будет продолжать оказывать Элфинстону «свое милостивое покровительство, пока все не уладится, но это задача не из легких»⁸⁸.

В Петербурге, впрочем, у Элфинстона мог быть и другой покровитель, принадлежавший к ближнему кругу доверенных лиц императрицы. Граф Иван Григорьевич Чернышев (1726–1797) считал себя главным благодетелем Элфинстона и потому, что в Лондоне сам нашел его и предложил отправиться на российскую службу, и потому, что по возвращении из Англии в 1770 г. на долгие годы стал вице-президентом Адмиралтейств-коллегии.

Екатерина II ценила Чернышевых и полагалась на них и в военной, и в морской администрации. Она ценила и подвиги Захара Чернышева, и опыт долгого пребывания Ивана Чернышева за границей, знала увлечения последнего всяческими новейшими открытиями в разных областях наук. Во всяком случае, в 1763 г. И. Г. Чернышев, не имевший опыта в морском деле, был назначен членом Адмиралтейств-коллегии с присвоением ему адмиральского флага по чину вице-адмирала, а вскоре как командир галерного флота он организовал знаменитое плавание Екатерины по Волге (1767 г.). Всю жизнь И. Г. Чернышев коллекционировал антики, гравюры и живопись, располагал богатейшим собранием книг и карт⁸⁹, словом, был образцовым вельможей просвещенной правительницы. Однако над его дилетантизмом посмеивались, а недолюбливавший его посол Каткерт замечал, что «граф Иван, как кажется, поддерживает русских моряков против всех иностранцев и против всех инноваций за исключением тех, *что сам делает*. Если так пойдет и дальше, то это будет концом российских морских сил»⁹⁰. Соглашался ли с Каткартом Элфинстон – неизвестно, но получив от Чернышева «ящик, в кото-

---

⁸⁷ Е. В. Тарле полагал, что экспедиция готовилась втайне от Н. И. Панина, поскольку тот был сторонником «Северной системы». См.: Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769–1774 / Соч.: В 12 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 10. С. 16, 51 и др.

⁸⁸ NLS. MD. Acc. 12686/11 (Отпуски депеш посла Ч. Каткарта). Р. 1671.

⁸⁹ См. подробнее: Булатов В. Э. Граф И. Г. Чернышев и его коллекция рукописных карт XVIII в. в собрании ГИМ // Россия в Средиземноморье. С. 745–758.

⁹⁰ NLS. MD. Acc. 12686/11 (Отпуски депеш посла Ч. Каткарта). Р. 1282.

ром находились модели блоков, сконструированных господином Тейлором в Саутгемптоне», Элфинстон вполне успешно такие блоки сумел применить на своей эскадре.

Назначение 10 января 1768 г. И. Г. Чернышева чрезвычайным и полномочным послом в Великобританию и его приезд в Лондон стали важным знаком, дававшим надежду на заключение российско-британского союза⁹¹. Симметрично и Лондон тогда отправил послом в Россию дипломата более высокого уровня – лорда Чарльза Каткарта. Но приемлемого текста союзного договора между странами эти послы согласовать не смогли. Между тем согласие на помощь Британии морским силам России в войне с Османской империей И. Г. Чернышев сумел получить и, дождавшись прихода первой эскадры адмирала Спиридова к британским берегам, в конце 1769 г. отбыл из Лондона. К этому времени Чернышев уже стал вице-президентом Адмиралтейств-коллегии. Эскадру Элфинстона Чернышев также хотел встретить на пути в Архипелаг и по дороге из Лондона в Петербург заехал для этого в Копенгаген, но на несколько дней опоздал.

Отношения Ивана Чернышева с Джоном Элфинстоном развивались очень непросто: граф не сумел добиться от строптивого британца ни «дружбы», ни должного подчинения. Чернышев еще не вернулся из Лондона, а лорд Каткарт уже сообщал в Лондон о ревнивом отношении Чернышева к контактам Элфинстона: «Я нашел, что граф Иван Чернышев очень ревниво относится к рассказам о доверительном общении [Элфинстона] со мной, так как он приказал ему считать себя русским и почти запретил ему приходить ко мне. Но у него [Элфинстона] слишком много здравого смысла и чувства, чтобы безоговорочно подчиняться таким приказам»⁹².

Из долгого похода и из Архипелага Элфинстон писал подробные отчеты с многочисленными подробностями по адмиралтейской части, но писал их не И. Г. Чернышеву, а Н. И. Панину. И только во второй половине марта 1771 г. они вновь начали встречаться лично и обмениваться письмами. Вероятно, возвращение Элфинстона из Архипелага и распространившиеся о нем дурные вести поставили И. Г. Чернышева в весьма непростое положение: он должен был чувствовать ответственность за приглашенного им британского офицера, но противодействовать Орловым не решался, а потому лгал, затягивал с решением дел, следил за контр-адмиралом через секретаря Элфинстона Джонсона Ньюмана.

В эти месяцы 1771 г. Элфинстон, думавший, что имеет в Петербурге одного *патрона* – саму императрицу, – и обращавшийся ранее к Екатерине II напрямую, оказался перед необходимостью заискивать перед теми, кого ранее почитал чуть ли не равными себе или по крайней мере «друзьями». Тогда-то Элфинстон узнал, что в России от *высших офицеров* (контр-адмиралы относились к 4 классу Табели о рангах), как и от иных, простых просителей, ждали обязательного ежедневного присутствия на *levée* — утренних выходах патрона, изъявления радости от приглашений на его трапезы, терпения в очереди за милостями от него и невозможности действий через голову своего патрона или через другого покровителя. Все это Элфинстон вынужден был теперь исполнять, в приемной Панина с большим удовольствием, у Чернышева – с меньшим⁹³.

⁹¹ См.: *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1897. Ч. 1. С. 544. Рескрипт с инструкциями от 12 июля 1768 г. (СИРИО. Т. 87. С. 111–119). Кредитивная грамота от 24 июля.

⁹² Письмо от 3/14 июля 1769 г.: «I found count Ivan Chernicheff very jealous of his hearing any intimacy with me for he ordered him to consider himself as a Russian and almost forbid him to come to me. But he has too much sense and spirit to obey such an order implicitly» – NLS. MD. Acc. 12686/10 (Отпуски депеш посла Ч. Каткарта). P. 782.

⁹³ Элфинстон упоминает: «Как обычно, я ждал вместе с моими сыновьями, пока граф Панин не совершил *выхода (levée)* в свою приемную перед выходом дворцовым» (с. 497); «Поскольку граф Панин всегда выказывал мне большое внимание, я постоянно посещал в приемной его выход и выход великого князя» (с. 517); «Я очень редко посещал графа [Чернышева], хотя существует обычай для всех морских офицеров ожидать его выхода каждое утро со всеми возможными формальностями и церемониями, как при дворе...» (с. 506–507); «Его сиятельство [Чернышев] ... пожелал видеть меня как можно чаще и говорил, что для меня и моих сыновей всегда есть место за его столом. Я поблагодарил его холодно, что он должен был

В описанных Элфинстоном сложных коллизиях его отношений с Иваном Чернышевым самой драматичной стала сцена лета 1771 г., когда разъяренный контр-адмирал запер дверь в кабинете графа и грозил ему: «Сотрясая кулаком у его лица, я пригрозил, что если он срочно не добьется для меня справедливости, то и сам должен будет ожидать неприятных последствий» (с. 511). Однако поведение вице-президента Адмиралтейств-коллегии как в этой сцене, так и в дальнейшем показало особенности характера Чернышева: он отличался стремлением к мирному разрешению конфликтов, предпочитал интригу открытому столкновению, при этом, вероятно, не был излишне злопамятен. Во всяком случае, даже тогда, когда российские корреспонденты Элфинстона после его отъезда в Англию не стали отвечать на его письма, И. Г. Чернышев писал ему, интересовался своим бывшим *protégé*, принимал у себя, когда приехал в Лондон, приглашал на российскую службу его сыновей и обещал им быстрое продвижение. Двойственное отношение Чернышева к Элфинстону хорошо демонстрирует его письмо от 2 ноября 1771 г. к российскому посланнику в Англии Алексею Семеновичу Мусину-Пушкину: «Какия отзвывы Элфинстон делать будет, прошу уведомить, впрочем, бывшее ево поведение во флоте не заслуживало той милости и женерства [от франц. *générosité* – *великодушия*. – Е. С.], с каким отпущен, но сево говорить, конечно, не надобно, буде же он неблагодарности оказал, тогда о всем, уже вам известным, уведомлю. В прочем достоинства храброго и искуснаго офицера от него отнеть нельзя»⁹⁴.

Через полтора года после этого письма Мусину-Пушкину 28 февраля/10 марта 1773 г. И. Г. Чернышев как член Совета при Высочайшем дворе принимал решение об удовлетворении претензий Элфинстона, и вполне в духе этого дипломата было настаивать на положительном решении вопроса, дабы избежать ненужного шума в Европе, «чтоб сей беспокойный человек [Элфинстон. – Е. С.] скорее удовлетворен был»⁹⁵. В Европе Чернышев любил бывать и нравиться; он и умер на Западе, в Риме, в 1797 г.

В целом в публикуемом мемуарном сочинении Элфинстона ясно обнаруживается отсутствие у автора «Повествования» опыта придворной жизни и гибкости светского общения, его тщеславное упоение преходящими монаршими милостями соединяется с самоуверенностью и заносчивостью, честолюбием и бескомпромиссностью, при этом он показывал неумение выстраивать отношения с теми, кого он считал недостойными их *новоприобретенных* титулов (а среди них были и его российские начальники графы Орловы, и графы Чернышевы, чьи роды не отличались такой древностью, как род Элфинстонов!).

Когда карьера контр-адмирала в России рухнула, лорд Каткорт смог преподать ему урок, который сам усвоил за время службы в Петербурге: ничего не доверять ни стенам, ни бумаге, так как все сказанное в британской колонии тут же доносится императрице, а также не становиться заложником конфликта между представителями враждующих фамилий Чернышевых, Орловых и Паниных (с. 506, 510). Кажется, Элфинстон ухитрился совершить ВСЕ эти ошибки, прежде чем в июне 1771 г. получил свою отставку.

Главным виновником своих несчастий на российской службе, как уже отмечалось, Элфинстон не без оснований считал главнокомандующего Архипелагской экспедицией графа Алексея Орлова. Неприязнь последнего к контр-адмиралу обнаруживается с момента их первой встречи, когда Орлов, глубоко подавленный после потери Наварина, соединился с основными силами флота – эскадрами Спиридова и Элфинстона. Пока Алексей Григорьевич посещал корабль Спиридова «Св. Евстафий», на котором находился и его брат Федор Григорьевич, Элфинстон нетерпеливо ожидал главнокомандующего на своем корабле «Святослав». Он желал предложить Орлову сделать именно «Святослав» флагманским кораблем и даже преду-

---

заметить» (с. 508).

⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 157. Л. 17 об.

⁹⁵ АГС. Т. 1. С. 236. Впрочем, то было согласованное решение Совета, рассматривавшего угрозы Элфинстона «открыть в свое оправдание все данные ему наставления» (Там же).

предил графов Разумовского и Эфтингема о возможном перемещении из занимаемых ими лучших (после капитанской и адмиральской) кают на корабле. Но Орлов предпочел остаться с Грейгом на «Трех Иерархах».

В дальнейшем контактов между ними было не так много: план Хиосского сражения Орлов предпочел разрабатывать со Спиридовым, не пригласив Элфинстона на совет, не приняв во внимание его план, представленный С. К. Грейгом, и поместив британца в арьергард. И позднее «сухопутный генерал» Орлов не прислушался к предложению Элфинстона следовать на прорыв Дарданелл и решил двинуть основные силы к Лемносу.

Хотя А. Г. Орлов был известен своим предубеждением против иностранцев⁹⁶, вероятно, не только это стало причиной его разлада с Элфинстоном.

Британец имел свои представления о стратегии и тактике морской экспедиции, которые Орлова не заинтересовали. Он мог отомстить Орлову, только показав в своем сочинении непрофессионализм «сухопутного генерала» в морских делах⁹⁷, написав о его распушенности и сластолюбии⁹⁸ и испортив создаваемый тем образ защитника поработенных, великодушного к поверженному врагу. Помещенные Элфинстоном свидетельства о безобразном насилии Орлова над пленными турчанками, очевидно, должны были омрачить образ благородного воина. В европейской прессе в это время публиковались иные отзывы об Орлове, в частности рассказ об освобождении семьи турецкого сановника, когда Алексей Орлов, восхищенный красотой девочки – дочери сановника, приказал отправить семью в Константинополь на судне нейтрального государства⁹⁹. Обвинения в «жестокости» графа Орлова Элфинстон подкрепляет и эмоциональным рассказом об оставленных на Лемносе женах и детях славянских добровольцев, моливших графа о помощи¹⁰⁰. Наконец, рассказ Элфинстона об интриге графа, выманившего мемуариста из Леванта, опорочившего его перед императрицей, но не пожелавшего лично объясниться, должен был завершить довольно непривлекательный портрет чесменского героя¹⁰¹.

А. Г. Орлов со своей стороны также имел основания для недовольства Элфинстоном, в особенности в связи с потерей корабля «Святослав», и, вероятно, его рассказ императрице

⁹⁶ Исключение Орлов делал, пожалуй, только для С. К. Грейга. Хорошо известно, что после прихода эскадры И. Арфа 16/27 июля 1771 г. граф просил Екатерину прислать эскадру с русскими моряками и российским командующим, «ибо от своих одноземцев не токмо с лучшей надеждой всего того ожидать можно, чего от них долг усердия и любви к отечеству требуют, но еще и в понесении трудов, беспокойств и военных трудностей довольно же усмотрено между российскими людьми и иностранными великое различие, а при том и неразумение иностранного языка делает невинное несогласие и затруднение» (МИРФ. Ч. 11. С. 671). В это же время Орлов писал И. Г. Чернышеву: «Правду сказать, много мне от чужестранных в нашей службе хлопот да и от греков, которые за Христа служат совсем меня разорили, его так дорого што страшуся тихонко один подумать, рад бы ешо с охотою на три такие ж батали иттить, толко б не видать етих хлопот, так-то оне мне солони стали» – РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4. Л. 9. Письмо датировано 24 июля 1771 г. (ст. ст.).

⁹⁷ В отношении калибра пушек судовой артиллерии или в чуть не случившемся поджоге своих же судов при отступлении от крепости Литоди на Лемносе. Впрочем, на ошибки Орлова – *сухопутного офицера* – обращает внимание и Аренс: *Аренс Е. И.* История русского флота. Екатерининский период. Литография. 1897. С. 210–212 и др.

⁹⁸ Элфинстон приводит свидетельство лорда Эфтингема о том, что Орлов якобы при осаде Лемноса проводил в своей каюте время с двумя «дамами»-любовницами. Чтобы дезавуировать возможное разглашение подобных слухов, Орлов постоянно рассказывал, что он «был болен сильною лихорадкою» (см., например: АГС. Т. 1. С. 369).

⁹⁹ См., например: *Плугин В. А.* Алехан, или человек со шрамом (жизнеописание графа Орлова-Чесменского). М.: Междунар. отношения, 1996. С. 277.

¹⁰⁰ Элфинстон пишет: «Но жестокость графа Орлова была такова, что ничего не было предпринято, чтобы помочь этим людям, которые покинули свою землю, свои дома и чьи жены с детьми шли вброд по пояс, заклиная о помощи <...>. Но ничего даже не попробовали сделать, потому что я это предложил. Я позднее узнал, что гуманный и отважный граф был недоволен тем, что морские солдаты были отправлены на помощь несчастным женщинам и детям, которых я видел стоящими по грудь в воде с детьми на руках и молящими о защите».

¹⁰¹ Встретивший Алексея Орлова в этот короткий приезд в Петербург лорд Каткерт, напротив, дал графу замечательную и вполне положительную характеристику, отметив его здоровье, простоту поведения и то, что они с трудом, но объяснялись *на итальянском и немецком*, так как французского граф не знал. – Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, с 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено из английского государственного архива и архива Министерства Иностранных Дел. Ч. 2 / Печ. под набл. А. А. Половцева // СИРИО. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876. Т. 19. С. 202.

мог изобилловать досадными подробностями о захвате британцем призов и досмотре нейтральных судов, о преждевременной и опасной высадке кирасиров в Лаконийском заливе, о разжаловании командора Барша в лейтенанты и о проч.

Орлов и Элфинстон, безусловные храбрецы и люди темпераментные, были, очевидно, несовместимы как соратники. И стремление Екатерины соединить безудержную энергию, стратегический ум Орлова, его склонность к масштабным операциям и хитроумным интригам с британским опытом мореплавания, педантизмом и организованностью Элфинстона привело к печальному результату.

Не удалось и задуманное императрицей взаимодействие командующих двух первых эскадр – Спиридова и Элфинстона (как, впрочем, не сложились и отношения Орлова и Спиридова с командующим третьей эскадрой датчанином контр-адмиралом И. Арфом). Элфинстон обвинял Спиридова в некомпетентности, пьянстве и даже трусости, создавая шаржированный образ своего «конкурента», который уклонялся от погони за турецким флотом и «никогда не покидал своей каюты, месяцами не выходил, развлекая себя проклятой выпивкой, писанием и диктовкой своим *клеркам* и задалбливая Устав» (с. 299).

Элфинстон, впрочем, не единственный из современников, кто посмеивался над адмиралом. Ю. В. Долгоруков вспоминал, что адмирал *намеренно* неспешно вел свою эскадру в Архипелаг: «Флот наш зашел в Аглинской порт, где простоял семь месяцев, якобы за починкою кораблей, а самая причина, что адмирал все твердил: „авось помирятся“». Комично у Долгорукова выглядит Спиридов и в сцене спасения после взрыва «Св. Евстафия»: «Нашли <...> адмирала с превеликим на груди образом (и) большая рюмка водки в руках»¹⁰².

Куда серьезнее показывают озабоченность состоянием первой эскадры и недееспособностью Спиридова письма М. М. Философова из Копенгагена, заставившие императрицу всерьез рассматривать еще осенью 1769 г. вопрос о замене Спиридова контр-адмиралом Елмановым¹⁰³, следующим по званию в первой эскадре. В донесении Н. И. Панину от 17/28 сентября 1769 года Философов писал: «Поистине, предводительство означенной эскадры превосходит душевные силы г-на Спиридова. Здесь уже очевидны его большая слабость, и что он в самом себе и в повелительстве своем так замотался, что неустройство всего в его флоте до крайней степени простирается. Даже все его подчиненные до самых нижних чинов сие ощущают и не успеха уже, но спасения своего от особенного водительства Божия невзначайно ожидают». В этом же донесении Философов сообщал, что «хоть адмирал совет с капитанами кораблей ежедневно почти держит, но они никакой другой пользы не производят, как расстройство и отлучку начальников от их постов, ибо обыкновенно кончают чаркою водки»¹⁰⁴.

Между тем А. В. Елманов вступил на замену шестидесятилетнему Г. А. Спиридову лишь в самом конце войны (указ об отставке Спиридова был подписан 24 ноября 1773 г., но Спиридов отбыл из Архипелага только в феврале 1774 г.), и, по сути, Елманову пришлось заниматься лишь возвращением флота из Архипелага. До того Спиридову, неоднократно просившему об отставке по состоянию здоровья¹⁰⁵, лишь было дозволено однажды отлучиться для лечения

¹⁰² Долгоруков Ю. В. Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова. 1740–1830 / Сообщ. В. Безносков // Русская старина, 1889. Т. 63. № 9. С. 492, 499.

¹⁰³ РГА ВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 148. Л. 181–183 Рескрипт А. В. Елманову с правкой Екатерины II от 7 октября 1769 г. В рескрипте Елманову как второму по старшинству в эскадре Спиридова указывается, что в случае невозможности Спиридову осуществлять командование эскадрой все равно быстрее идти вперед.

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. Копенгагенская миссия. Оп. 54/1. Д. 152. Л. 169–169 об. Вскоре тот же Философов и, по его словам, все датчане будут поражены *хорошим* управлением в эскадре Элфинстона, «котораго ревность и попечительные старания о пользе службы поистине довольно выхвалены быть не могут». Об Элфинстоне: «Дацкие лучшие морские офицеры уверяют, что сия эскадра в таком исправном состоянии, что они никогда лучшего в своих ожидать не могут» (Там же. Л. 179, 181 об.).

¹⁰⁵ Спиридов неоднократно жаловался на здоровье в течение всей экспедиции, этим, вероятно, объясняется и то, что он редко покидал свою каюту на «Св. Евстафии» и затем на «Европе». 17 января 1773 г. Спиридов писал И. Г. Чернышеву: «Мне, батюшка, жена моя Анна Матвеевна в писмах своих наскучила жалкими и усиленными просьбами, дабы я просился из здешней экспедиции в Петербург. Пожалуй, милостивой государь, уговорите ее, и чтоб она узнала, что моя просьба может быть не

в Италию, но ни А. Г. Орлов, ни Екатерина отпускать адмирала из Архипелага долго не хотели. У них были на то достаточно веские основания.

Спиридов имел большой опыт службы, он начал служить во флоте еще при Петре Великом, «вступил во флотскую службу волонтиром в 1722 г. и с 1723 г. начал служить на море для обучения практики, уча и теорию, а выучась, в начале 1728-го года написан в гардемарины <...> и в гардемаринах <...> уже на Каспийском море и командовал, а по возвращении был сам учителем»¹⁰⁶. Он участвовал в Семилетней войне, затем командовал Кронштадтской эскадрой, и его верная служба давала императрице основания полагать, что его рачительность и опыт в морском деле помогут Орлову исполнить его план операций на Балканах и в Греческом архипелаге. Спиридов действительно оказался надежной опорой для братьев Орловых, исполняя массу повседневных обязанностей по снабжению флота, ремонту ветшающих судов, строительству базы на острове Парос. Наконец, он взял на себя сложную задачу по приведению в подданство Екатерине II островов Архипелага, объединение которых в своей реляции от 2/13 февраля 1771 г. он даже назвал «Архипелагским великим княжеством»¹⁰⁷.

Однако основные результаты трудов адмирала Спиридова стали видны уже после того, как Элфинстон навсегда покинул Архипелаг.

На старости лет, в 1780-е гг., наезжая в свое полученное за Чесму имение Нагорье (под Переславлем-Залесским), Г. А. Спиридов делился общими воспоминаниями об Архипелагской экспедиции с жившим поблизости старым знакомым, контр-адмиралом в отставке С. П. Хметевским, но об Элфинстоне, кажется, они вспоминали мало. Хметевский в это время писал свои мемуары («Журнал»), в которых вспоминал о Спиридове с большой теплотой и почтением: с ним он прослужил в Архипелаге до начала 1774 г. и вместе вернулся в Россию.

На Элфинстона Хметевский, очевидно, сохранил обиды, хотя прошел с ним на «Не Тронь Меня», а потом на «Святославе» из Кронштадта до Эгейского моря. Во всяком случае, у авторов двух самых пространных мемуаров об Архипелагской экспедиции – Хметевского и Элфинстона – не нашлось добрых слов друг о друге. Хметевский писал о «безпутстве контр адмирала Елфистона», имея в виду прежде всего гневливость своего командующего. Элфинстон упрекал Хметевского в «небрежении», нежелании отправляться в поход и постоянных жалобах на состояние корабля. Однажды во время перехода в Англию Элфинстон даже отстранил капитана Хметевского от командования кораблем, но контр-адмирал был отходчив и вскоре простил капитана. После сражения при Наполи ди Романия, ко всеобщему удовольствию, произошел обмен капитанами и Хметевский перешел на корабль «Три Святителя» в эскадру Спиридова, а на «Святослав» к Элфинстону поступил родственник Самуила Грейга шотландец Уильям Роксбург.

Как видно из повествования Элфинстона, чаще всего претензии у контр-адмирала возникали ко второму по старшинству офицеру в его эскадре – командору Баршу (1728–1806). Тот действительно позволял себе больше других: едва получив от императрицы командорский чин, он вскоре по выходе из Кронштадта, еще в августе 1769 г., повернул «Святослав» в Ревель, жалуюсь на валкость этого нового линейного корабля. Возвращение «Святослава» вызвало серьезную озабоченность императрицы. В Ревеле Барш также медлил с переоснасткой корабля и чуть было не угодил за это под арест, но все-таки в октябре вышел в поход,

---

в ползу, а во вред, когда государыня за то, будто не хочу служить, прогневайтца, то я и с нею, и з детми все пропадем. Это правда, милостивой государь, что я, превозмогая возможность по старости лет, а паче, будучи в долголетней прямо всегдашней службе, очень истаскался. Но што же мне делать? Ежели хто из милосердия не вступитца, быть так, знатно, судьбина определяет в Архипелаге и жизнь окончать...» – РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 86–87.

¹⁰⁶ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 75. См. также: ОМС. Ч. 2. С. 402–405.

¹⁰⁷ О строительстве отношений с «подданными островами» Архипелага см.: Смилянская Е. Б. Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015.

что спасло его от высочайшего гнева¹⁰⁸. Барш не спешил присоединиться к эскадре: ожидание его корабля в Дании серьезно волновало и Философова, и Элфинстона. По мнению контр-адмирала, командор проявлял трусость и непослушание при Наполи ди Романия, после чего Элфинстон временно понизил его до младшего лейтенанта. Повторились обвинения Барша в трусости и перед штурмом Дарданелл.

В 1769–1770 гг. Барш допускал известные вольности, вероятно полагаясь на свои семейные связи. Сам будучи сыном вице-адмирала, он был дважды весьма выгодно женат – в первом браке на сестре князя Ю. В. Долгорукова (заступившегося за него перед Элфинстоном после Чесмы), во втором – на дочери адмирала Захара Даниловича Мишукова. Элфинстон высказывал предположение, что Барш имел романтические отношения и с женой Г. А. Спиридова Анной Матвеевной (род. в 1731 г.); этим он объяснял задержку с отбытием «Святослава» из Ревеля, но, вероятно, то были лишь слухи. С Баршем на его корабле был его малолетний сын Николай (род. ок. 1760 г.)¹⁰⁹, и вполне вероятно, что осторожность командора в опасных схватках («трусость» по Элфинстону) имела объяснения. Возможно, командор был не столько «труслив», сколько осмотрителен; во всяком случае, в отличие от Элфинстона он продолжил свою службу в Императорском российском флоте, в 1773 г. был произведен в контр-адмиралы, в 1788 г., уже в чине вице-адмирала, был назначен главным командиром Архангельского порта, а в 1790 г. стал полным адмиралом.

Трудности, с которыми сталкивался Элфинстон в отношениях с Хмелевским и Баршем, а также сведения о серьезных конфликтах с другими офицерами его эскадры показывают, что Элфинстон в отличие от Спиридова вел себя заносчиво и был изолирован от своих подчиненных. Британец упрекал их в лености, пьянстве, распушенности, отсутствии опыта и мастерства. Себя же контр-адмирал рисовал справедливым радетелем их интересов: перед походом он хлопотал о выплатах офицерам, чтобы дать им «пример <...> внимания к их потребностям, тогда как адмирал Спиридов отплыл, не распределив денег, к великому страданию семей и кредиторов»; он уверял офицеров, «что если они приложат усилия и будут исполнять свои обязанности, то все, что происходило ранее, будет <...> забыто, и что я буду весьма обязан, если они предоставят мне любую возможность рекомендовать их государыне» (с. 228) и т. п.

Незнание контр-адмиралом русского языка сужало круг его общения, делая его зависимым от не вполне добросовестного переводчика Ньюмана. Некоторые конфликты, возникавшие между контр-адмиралом и капитанами или офицерами, как выяснялось, были спровоцированы именно переводчиком-секретарем. Впрочем, в морском походе круг общения Элфинстона с соотечественниками и без переводчика мог бы быть шире – рядом с ним были три британских волонтера, в его эскадре помимо капитана Роксбурга шли офицеры Томас Макензи и Джон Гордон, английские лоцманы и лекари, а также знавшие английский язык российские моряки, стажировавшиеся в Англии¹¹⁰. Но Элфинстон опасался обвинений в избирательности в отношении к подчиненным, и в своем стремлении к «равноудаленности» он смог сблизиться, вероятно, только с волонтером лордом Эффингемом.

Примечательно, однако, что скупой на похвалы контр-адмирал с теплотой пишет о своих матросах и служителях нижних чинов, в большинстве своем вчерашних крепостных, впервые оказавшихся в море («*fresh water sailors*»). Их выносливость и готовность с беспрекословному подчинению явно импонировали Элфинстону, ему казалось, что он сделал для них все, чтобы его «любили»: передел в удобную одежду, заботился о лечении и рационе. Но присмотреться

---

¹⁰⁸ МИРФ. Ч. 11. С. 406, 410.

¹⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 3. Л. 154 об. (прапорщик Николай Барш); ОМС. Ч. 3. С. 132–134.

¹¹⁰ В эскадре Элфинстона в разное время это были Т. Г. Козлянинов, А. К. Разумовский, П. И. Ханыков, Н. С. Скуратов, С. И. Плещеев.

к этим людям Элфинстон не сумел или не захотел, а о том, как они относились к контр-адмиралу, мы не знаем.

Совершенно иными представлены отношения Элфинстона с теми, кого он почитал в высшей степени достойными его дружбы, – с соотечественниками лордами Каткартом и Эффином.

Чрезвычайный и полномочный посол Британии в России Чарльз 9-й лорд Каткорт (1721–1776), так же как и Элфинстон, имел военные заслуги (он был ранен еще в 1745 г. в войне за Австрийское наследство) и был представителем шотландской аристократии. В британской иерархии он занимал значительно более высокое положение, чем Джон Элфинстон. Еще в 1763 г. Каткорт стал рыцарем ордена Чертополоха и входил в число глав Ассамблеи Шотландской церкви. В Англии он также был человеком влиятельным, а потому выбор нового посла в Петербург пал на него не случайно: ко двору «просвещенной императрицы» был отправлен весьма значительный и просвещенный вельможа (в конце жизни он стал ректором Университета Глазго). Лорд Каткорт был женат на Джейн Хамилтон, сестре Уильяма Хамилтона (Гамильтона), британского посла в Неаполе и знаменитого собирателя антиков, даме, по словам Екатерины II, «великих достоинств»¹¹¹. Супруги оставили обширное эпистолярное наследие, а леди Джейн еще и дневниковые записи и заметки о России, изучение которых дает редкий материал не только о русско-британских отношениях¹¹², но и об имперском Петербурге 1768–1771 гг.

В Санкт-Петербург Каткорты прибыли на специально нанятом для этого фрегате с детьми, гувернером¹¹³, няньками, прислугой и многочисленным багажом в августе 1768 г., едва не разбившись на скалах у финского берега. В столице для них был нанят дом генерала Глебова (вероятно, на Фонтанке у Семеновского моста)¹¹⁴, а в летние месяцы по протекции графа Панина семье отводили флигель бывшего дворца Бестужева-Рюмина на Каменном острове, в это время уже принадлежащего великому князю. Именно эти два адреса, судя по всему, и посещал Джон Элфинстон по приезду в 1769 г., но особенно в 1771 г., когда, по его словам, дом Каткортов почти стал его домом.

В 1771 г. лорд Каткорт не только, как уже отмечалось, ходатайствовал за Элфинстона перед Н. И. Паниным, но и постоянно оповещал Лондон о несправедливости в отношении контр-адмирала (см. комментарии на с. 501, 502, 526). К этому времени британский посол имел уже весьма прочное положение при российском дворе: на парадных застольях он обычно сидел по правую руку от императрицы, сама императрица дважды посещала его дом, принимала в своем ближнем кругу, в 1770 г. стала крестной матерью младшей дочери Каткортов Кэтрин-Шарлотты. Но главное дело миссии Чарльза Каткорта – выработка союзного договора с Россией – в 1771 г. казалось уже невыполнимым. А потому посол, вначале пришедший в ужас от идеи Элфинстона подать прошение в руки императрицы в нарушение строгих пра-

---

¹¹¹ Письмо Екатерины госпоже Бельке от 13/24 ноября 1771 г. (Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства Иностранных Дел с 1771–1774 г. Ч. 3 / Изданы академиком Я. К. Гротом // СИРИО. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1874. Т. 13. С. 188).

¹¹² Со значительными сокращениями корреспонденция лорда Каткорта изд.: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, с 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено из английского государственного архива и архива Министерства Иностранных Дел. Ч. 1 / Печ. под наблюдением секр. о-ва А. А. Половцева // СИРИО. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. Т. 12; Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, с 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено из английского государственного архива и архива Министерства Иностранных Дел. Ч. 2 / Печ. под набл. А. А. Половцева // СИРИО. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876. Т. 19. Отчеты Каткорта по его должности и переписка с государственными секретарями Британского двора за все время его службы в России находятся в Британских национальных архивах: TNA. SP 91/79–90; копии донесений Каткорта и его переписка с британскими дипломатами в Европе и в Османской империи сохранились также в Эдинбурге (NLS. MD. Acc. 12686/ 9–16).

¹¹³ Воспитателем при старшем сыне был приглашен из Университета Глазго в будущем известный ученый и писатель Уильям Ричардсон. Он оставил о пребывании в России известное сочинение: *Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire: In a Series of Letters, Written, a Few Years Ago from St. Petersburg.* London: W. Strahan, and T. Cadell, 1784.

¹¹⁴ NLS. MD. Acc. 12686/8 (Записи расходов семейства Каткортов).

вил церемониала, затем молчаливо согласился с женой: леди Каткарт помогла Элфинстону перевести его прошение на французский. В конечном итоге этот демарш и способствовал благополучному исходу дела о почетной отставке Элфинстона. Миссия самого Каткарта осенью 1771 г. подходила к завершению. Всего через пару месяцев после отъезда Элфинстона из России в ноябре 1771 г. умерла супруга посла¹¹⁵, ее прах был перевезен в Шотландию вместе с ее барельефом работы Мари-Анн Колло. Вскоре из России отбыл и лорд Чарльз с детьми и домочадцами. Встретились ли они с Элфинстоном на родине, пока не установлено; Элфинстон пережил лорда на девять лет.

Лорд Томас Говард 3-й граф Эффингем (Thomas Howard, 3rd Earl of Effingham, 1746–1791), добрый друг Элфинстона, также был замечательной личностью, оставившей след в английской и американской истории: в Англии в его охотничьем доме открыт музей, в США в его честь названы два военных корабля и два округа. Но, хотя Эффингему посвящены энциклопедические статьи и несколько небольших работ¹¹⁶, его участие в Архипелагской экспедиции Императорского российского флота доселе оставалось малоизвестным, лишь вскользь упоминалось о его «русской службе». Между тем граф Эффингем в 1770 г. участвовал и в десантной операции на Негропонте, и в Чесменской битве, и в попытке прорыва через Дарданеллы, и в осаде крепости Литоди на Лемносе. Для Элфинстона молодой лорд (граф Эффингем был моложе контр-адмирала на 24 года) стал не только близким собеседником и образцом благородства и храбрости, но отчасти и соавтором публикуемого здесь «Повествования», содержащего значительные отрывки из дневников лорда.

Когда Элфинстон представлял графа Эффингема А. Г. Орлову, он написал, что тот принадлежит к «одной из первейших британских фамилий». В 1763 г., в шестнадцать лет, он унаследовал титул и место в палате лордов, но, как и его предки, желал сделать военную карьеру, рвался в бой. В Семилетнюю войну в возрасте 19 лет Томас Говард Эффингем уже был капитаном пехотного полка, но война закончилась и с ней перспективы повышения по службе в армии. В начале 1768 г. граф Эффингем с женой (и, вероятно, с братом) отправился в путешествие по Северной Европе. Весной он был в Стокгольме, и британский посол 22 апреля 1769 г. представил его королю и королеве¹¹⁷. Позднее лорд отмечал пользу этой поездки, давшей ему представление «о состоянии и интересе северной части Европы»¹¹⁸. Летом 1769 г. Эффингемы были в России, и в начале августа чета была представлена Екатерине II¹¹⁹.

Из писем леди Эффингем известно, что императрица, двор, сам Петербург вызвали восторг у путешественников, о лорде в английских газетах писали, что он «очарован российской императрицей». Вероятно, в это время лорд получил приглашение Екатерины II вступить на службу и сражаться за освобождение греков.

Оставив на время в России жену, осенью 1769 г. лорд Эффингем вернулся в Англию и 16 ноября 1769 г. в Лондоне не без «затруднений»¹²⁰ получил королевское согласие отправиться в экспедицию с российским флотом, когда в Англию прибудет эскадра Элфинстона¹²¹.

¹¹⁵ Ее памяти посвящено издание: *Charles, 9th Lord Cathcart. Particulars address to Lady Cathcart's Friends*. St. Petersburg [?]: n. p., 1771.

¹¹⁶ *Feldhake H. E. The Lords Effingham and the American Colonies*, Effingham, IL: Effingham County Bicentennial Commission. 1976 (режим доступа <https://archive.org/details/lordseffinghamam00feld> свободный); *Goodchild J. Matters of Concern: The Life Story of the Third Earl of Effingham // Aspects of Rotherham: Discovering Local History*. 1995. Vol. 1. P. 99–112. Благодарим госпожу Janet Worrall, секретаря Общества друзей имени Эффингемов Boston Castle and Parklands, предоставившую черновик рукописи о лорде Эффингеме, в которой, правда, почти нет информации о его русской службе. Отдельная благодарность также Питеру Фику (Peter Feek) за материалы и гостеприимство в поместье Эффингема в Йоркшире.

¹¹⁷ *Salisbury and Winchester Journal*. 1769. May 15; *The Ipswich Journal*. 1769. May 20.

¹¹⁸ АВПРИ. Ф. 6. Оп. 2 (Секретнейшие дела – Перлюстрации). Д. 532 (1765–1771). Л. 15.

¹¹⁹ Донесение лорда Каткарта графу Рочфорду от 4/15 августа 1769 г. – TNA. SP 91/82. Fol. 26 об.

¹²⁰ См. с. 266 наст. изд.

¹²¹ *Newcastle Courant*. 1769. November 25. Неизвестно, было ли простым совпадением то, что Эффингем получает разре-

Однако Эффингем смог отбыть в Архипелаг без указания на его капитанский чин в королевской армии и только *волонтером*, поскольку в Британии к этому времени уже опасались возможных осложнений дипломатических и торговых отношений с Османской империей¹²². Впрочем, британские газеты сообщали, что граф Эффингем на российской службе «получит под команду корпус отборных опытных воинов (уж не кирасиров ли?! – Е. С.), которые придут на кораблях эскадры Элфинстона»¹²³. Когда же эскадра Элфинстона подошла к Морее, контр-адмирал написал А. Г. Орлову о том, что английский офицер (лорд Эффингем) поступает в распоряжение графа Орлова, но что Элфинстон уже приказал командирам сухопутных частей поставить милорда *главой всех греческих волонтеров*.

Лорд Эффингем прибыл в Архипелаг на корабле «Святослав» в сопровождении слуг, а также двух джентльменов – неких Стейплтона и Мак Кинзли. Статус этих трех британцев везде в бумагах экспедиции, как и в сочинении Элфинстона, продолжал оставаться «волонтерским» (у С. П. Хмелевского Эффингем назван «воляжиром»). В Морею Эффингем прибыл тогда, когда восстание греков уже потерпело поражение, и начать военные действия не успел, в Архипелаге лорд также не возглавил никакого подразделения греческих добровольцев или российских солдат, и, судя по описаниям Элфинстона и отрывкам из дневника самого Эффингема, милорд и его спутники сами имели возможность выбирать, в каких операциях они будут принимать участие.

19/30 июня 1770 г. от острова Парос лорд Эффингем направил в Петербург послание Чарльзу Каткарту, которое сохранилось в перлюстрированном виде в бумагах Коллегии иностранных дел. В этом письме он благодарил Каткарта за прием, оказанный ему и леди Кэтрин Эффингем в Петербурге, и весьма туманно выражал сожаления «о слабом поступке и нерезолютности тех, коим [императрица] экспедицию вверить изволила»¹²⁴.

Еще большие разочарования в действиях русских и их греческих союзников постигли Эффингема на Лемносе, где он предлагал возглавить операцию по захвату крепости силами английских моряков и славянских добровольцев, прося от А. Г. Орлова поддержки и подкрепления, но получил отказ. Вполне вероятно, что неудача лемноской операции, разговоры с Элфинстоном о просчетах Орлова и решение последнего подчинить Элфинстона адмиралу Спиридову повлияли на решение английских волонтеров вернуться на родину. Во всяком случае, если в июне 1770 г. Эффингем еще предполагал, что после зимовки в Порт-Маоне он продолжит участие в экспедиции, то в декабре 1770 г. он и его спутники уже готовились к возвращению в Англию. В газетах писали, что в апреле Эффингема видели вместе с графом Ф. Г. Орловым в Пизе, а в июне он появился в Лондоне¹²⁵.

Оставила ли война за освобождение греков след в судьбе «эксцентричного» графа Эффингема, судить трудно. Через четыре года после своего возвращения из Архипелага Томас Говард лорд Эффингем прославился своей непримиримой позицией в отношении войны с восставшими американскими колониями: в 1775 г. из протеста против «братоубийства» он не пожелал отправиться воевать в Америке, но стал активно участвовать в парламентских бата-

---

шение короля в тот же день, когда отбывающий российский министр граф И. Г. Чернышев имеет в Лондоне прощальную аудиенцию перед возвращением в Россию.

¹²² Сообщение о том, что Левантийская компания опасается, что появление среди русских этого «горячего молодого человека» сильно осложнит отношения с турками (Derby Mercury. 1769. December 22). Сам Эффингем в будущем будет писать, что отправился в заграничную службу для того, чтобы усовершенствовать свои знания в военном деле («I went by your Majesty's Permission for some Years into foreign parts with a view to improve myself in the study of my profession») – The Correspondence of King George the Third from 1760 to December 1783. Printed from the Original Papers in the Royal Archives at Windsor Castle: July 1773 – December 1777 / ed. John William Fortescue. London: Macmillan Company, 1928. Vol. 3. P. 108.

¹²³ Caledonian Mercury. 1769. November 22; Kentish Gazette. 1769. November 18.

¹²⁴ Перевод сделан при перлюстрации в Коллегии иностранных дел. В оригинале: «I so admire her uncommon talents, that regret more than she does herself, the weak condition or want of ardour in those who are intrusted by Her» – АВПРИ. Ф. 6. Оп. 2 (Секретнейшие дела – Перлюстрации). Д. 532 (1765–1771). Л. 15.

¹²⁵ Gazette d'Amsterdam. 1771. № 34; Leeds Intelligencer. 1771. June 4.

лиях¹²⁶. Именно эта его позиция в отношении Войны за независимость США сделала имя Эффингема важным для американской истории. В 1789 г. Уильям Питт назначил Эффингема губернатором и вице-адмиралом Ямайки; там, на Ямайке, в 1791 г. лорд Эффингем и скончался.

Он пережил своего соратника по Архипелагской экспедиции Джона Элфинстона всего на шесть лет. Нам неизвестно, продолжалась ли их дружба после возвращения обоих на родину в 1771 г., но, во всяком случае, с Каткартами в Петербурге Элфинстон говорил об их общем знакомом и радовался, получив известия о благополучном возвращении Эффингема из Архипелага. Вышедшие в Англии в 1772 г. записки об Архипелагской экспедиции, весьма комплиментарные для Элфинстона, не только имеют пространное посвящение лорду Эффингему, но и, похоже, частично включают отрывки из записок храброго «волонтера».

Предваряя публикацию перевода «Повествования» Элфинстона, очевидно, затруднительно здесь представить весь круг знакомых контр-адмирала, даже тех, чьи имена неоднократно появляются на страницах его «Повествования»¹²⁷. Ясно, что многих, с кем он начинал в 1769 г. Архипелагскую экспедицию, успех и слава ждали еще в отдаленном будущем. Среди тех, кто получил от контр-адмирала уроки мореплавания, были и граф Андрей Кириллович Разумовский, проживший долгую жизнь и прославившийся своей длительной дипломатической службой, и ставший впоследствии контр-адмиралом строитель Севастополя Томас Макензи, и дослужившийся до генерал-лейтенанта капитан Степан Васильевич Жемчужников, и дослужившийся до вице-адмирала капитан-лейтенант на «Святославе» Тимофей Гаврилович Козлянинов и др.

Глубоко убежденный в том, что был призван в Россию, чтобы донести до ее *неумелых* моряков «отменный британский опыт», Элфинстон долго был ослеплен верой в свое предназначение, однако о том, насколько пригодились в дальнейшем его уроки, судить непросто. На благодарности контр-адмиралу Элфинстону другие мемуаристы оказались скупы. Очевидно, что его окрепшие в испытаниях долгого похода и сражений 1769–1775 гг. русские соратники постепенно становились менее зависимы от чужого опыта, и в этом многие видят особое значение Архипелагской экспедиции, которую начинал Элфинстон.

Но Элфинстон был далеко не последним из шотландцев и англичан, кого агенты Екатерины II приглашали на российскую службу.

Е. Б. Смилянская

---

¹²⁶ Известный масон, убежденный виг, Эффингем занял пост главы монетного двора, приглашался в правительство, когда виги оказывались у власти. Его современник Хорас Уолпол писал в это время об Эффингеме как о человеке большой прямоты и возможностей, а о его выступлении в парламенте против насилия в американских колониях: «Было ли что-либо в прошлом или настоящем лучше по языку и выражению чувства, нежели его последняя речь», а о самом Эффингеме как об известном оригинале, но человеке большой прямоты и способностей (a man of such integrity and ability) – The Correspondence of Horace Walpole, Earl of Orford, and the Rev. William Mason; Now First Published from the Original mss. Edited, with notes by the Rev. J. Mitford. London: R. Bentley, 1851. Vol 1. P. 194–195; Vol. 2. P. 281.

¹²⁷ Восполнить недостающие сведения позволят комментарии к переводу и указатель имен. Не обо всех нам удалось собрать достаточную информацию, поэтому поиск действующих лиц «Повествования» Джона Элфинстона еще может дать неожиданные результаты.

БРИТАНСКИЙ ОПЫТ ЭЛФИНСТОна И ЕГО УЧАСТИЕ В ОБНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

*...если бы не горстка англичан, русские и не нашли бы пути
в Средиземное море, и не смогли бы атаковать османов.*

Джон Элфинстон

Когда Джон Элфинстон вступил на русскую службу в 1769 г., он продолжил давнюю традицию, согласно которой иностранцев нанимали, чтобы поправить состояние дел в Императорском российском флоте¹²⁸. Петр Великий приглашал иноземцев с момента рождения флота в России еще в конце XVII в. Эти иностранцы – голландцы, англичане, фламандцы, немцы, датчане – делились своими навыками в кораблестроении, инженерном деле и навигации, с их помощью Российская империя становилась морской державой¹²⁹. Первой заботой на этом «повороте к морю»¹³⁰ было освоение основ конструирования и строительства кораблей, но вскоре стали требоваться и знания иностранных специалистов для обучения русских моряков западноевропейскому искусству навигации. Иностранцев включили в штат созданных Навигацкой школы, а затем и Морской академии¹³¹.

В 1752 г. был открыт Морской кадетский корпус, в котором значительно расширился состав дисциплин, преподававшихся будущим морским офицерам. Помимо основ навигации и математики, которым учили и в открытых ранее Навигацкой школе и Морской академии, в программе Морского кадетского корпуса появились дисциплины, способствовавшие общему развитию юношества. На наем учителей, преподававших риторику, историю, политику, рисование, танцы и прочие «шляхетские науки»¹³², средств не жалели.

Растущие возможности обучать навигации и практиковать учеников в дисциплинах морского дела облегчили создание корпуса флотских офицеров российского происхождения. Этот корпус пополнялся офицерами, начинавшими службу с нижних чинов, но получившими возможность дослужиться до капитанского и даже адмиральского ранга¹³³.

Талантливые иностранцы, жившие в Петербурге и сотрудничавшие в Российской академии наук, также внесли свою лепту в разработку научных основ мореплавания. Выдающиеся академические ученые, такие как, например, Леонард Эйлер, совместно с Михаилом Ломоно-

¹²⁸ В англоязычной историографии долгое время роль западных специалистов в превращении России в морскую державу признавалась решающей. Это, вероятно, замедлило изучение как допетровских традиций российского мореплавания, так и представлений самого Петра о потребностях морской державы. Подробнее литературу об иностранцах на русской службе см.: Меркулов И. В. Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II: социальные аспекты комплектования командного состава флота: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 51–105.

¹²⁹ Хотя и не исчерпывающее, но, безусловно, превосходное исследование биографий ключевых фигур британцев, служивших в России, принадлежит Энтони Кроссу: Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век / авториз. пер. с англ. Юрия и Надежды Беспятовых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 176–241. О шотландцах см.: Fedosov D. Under the Saltire: Scots and the Russian Navy, 1690s–1910s // Scotland and the Slavs: Cultures in Contact 1500–2000 / ed. M. Cornwall & M. Frame. Newtonville, MA., 2001. P. 21–53. См. также: Лабутина Т. Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2013. О вкладе голландцев см.: Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA: Belknap, 2004. P. 40–96; Кротов П. А. Голландцы и фламандцы в российском флоте в петровскую эпоху // Голландцы и бельгийцы в России, XVIII–XX вв. = Noord- en Zuid-Nederlanders in Rusland / Нидерланд-Рос. арх. центр (НРАЦ) – Гронинген; под ред. Эммануэля Вагеманса, Ханса ван Конингсбрюгге; пер. с нидерланд. Д. Сильвестрова. СПб.: Алетейя, 2004. С. 290–302.

¹³⁰ Термин «*nautical turn*» заимствован нами у Дж. Кракффта (Cracraft James. The Petrine Revolution in Russian Culture).

¹³¹ Ryan W. F. Navigation and the Modernisation of Petrine Russia: Teachers, Textbooks, Terminology // Russia in the Age of the Enlightenment / ed. Roger Bartlett and Janet Hartley. Basingstoke: Macmillan, 1990. P. 75–105; Hans N. The Moscow School of Mathematics and Navigation (1701) // The Slavonic and East European Review. 1951. Vol. 29, no. 73 (June 1951). P. 532–536.

¹³² Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: тип. Мор. кадет. корпуса, 1852. С. 121.

¹³³ Меркулов И. В. Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II. С. 58–59.

совым включились в общеевропейское обсуждение вопроса определения долготы и предприняли немало усилий для улучшения преподавания навигационных наук¹³⁴.

Кораблестроение и мореплавание были лишь частью значительного круга вопросов, решавшихся между Россией и Британией в XVIII в., но их обсуждение привнесло новое измерение в отношения двух держав. Российско-британские торговые связи, редкие культурные контакты и попытки политического взаимодействия, существовавшие еще с XVI в., в XVIII в. стали приобретать новое стратегическое значение для обеих держав, влияя и на прочие государства Европы¹³⁵. Этому способствовали и участвовавшие взаимные визиты, и посредничество в торговых и политических делах; свою роль сыграли и разного рода «*knowledge brokers*», выполнявшие заказ на трансфер новых знаний, технологий и вербовку их носителей. Путешественники и дипломаты чаще стали посещать Россию, оставляя многочисленные записки о своем пребывании в ней¹³⁶. Российскую империю как место службы стали выбирать эмигранты разных мастей: беженцы после якобитского восстания, купцы и предприниматели, военные и морские офицеры, переведенные на родине на половинное жалованье или вышедшие в отставку. Особенно благожелательно российские власти относились к прибытию на службу офицеров Британского королевского флота, и уже в 1715 г. современники отмечали усиление английского влияния на российском флоте, до того испытывавшем преимущественно влияние Голландии¹³⁷.

Только в середине XVIII в. показатели найма иностранцев на флотскую службу в Россию значительно снизились (что было связано с ухудшением всего состояния российского флота), но при Екатерине II численность приглашенных иностранных специалистов достигла наивысших значений за столетие¹³⁸.

В отличие от своих предшественников Екатерина II использовала флот как для достижения своих военно-стратегических целей, так и для исследования морей и океанов. В обоих случаях иностранные моряки способствовали динамичному освоению западного научного знания и опыта. В числе первых приглашенных Екатериной опытных британских морских офицеров был и Джон Элфинстон, не только оставивший ценные свидетельства о состоянии российского флота в первое десятилетие Екатерининской эпохи, но и сумевший внести свой заметный вклад в обновление этого флота.

ВЕРБОВКА БРИТАНЦЕВ НА РОССИЙСКУЮ СЛУЖБУ

После выхода России из Семилетней войны намерение Екатерины II взяться за реформирование флота заставило обратить внимание на поиск и приглашение новых иностранных моряков в дополнение к тем, кто оказался в Российской империи при Анне Иоанновне или Елизавете Петровне¹³⁹. Приглашением в российский флот иностранных морских офицеров в 1760-е гг. занимались и высокопоставленные дипломатические представители, и военные агенты.

---

¹³⁴ Werrett S. «Perfectly Correct»: Russian Navigators and the Royal Navy // *Navigational Enterprises in Europe and Its Empires, 1730–1850*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 111–133.

¹³⁵ Об этом, например, новейшее исследование: *Romaniello M. P. Enterprising Empires: Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

¹³⁶ Cross A. *In the Lands of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-Hand English Language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge: Open Book Publishers, 2014.

¹³⁷ Кротов П. А. Голландцы и фламандцы в российском флоте в петровскую эпоху. С. 297–298.

¹³⁸ Несмотря на большое внимание зарубежных исследователей к иностранным и особенно британским офицерам на российской службе, их численность не стоит преувеличивать. Так, по подсчетам И. В. Меркулова, англичане в 1772 г. составляли не более 5% линейных офицеров флота. Меркулов И. В. Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II. С. 274.

¹³⁹ Там же. С. 59–62.

В 1763 г. с публикации рескрипта, который содержал форму приглашения иностранцев селиться в России, началась кампания по рекрутированию не только западных колонистов, но и моряков¹⁴⁰. Такие формуляры приглашений вез с собой генерал-поручик Роман Фуллертон, которого отправили из России в Британию весной 1763 г., снабдив тысячей червонцев казенных денег и инструкциями относительно приглашения почтенных офицеров разного ранга служить на Российском флоте¹⁴¹. Вскоре Фуллертон сумел завязать контакты в Королевском флоте, в особенности с «адмиралом Гордоном» (вероятно, это был Уильям Гордон/William Gordon), который оказывал ему содействие в поисках претендентов на переход в российскую службу¹⁴². Переговорам с британскими офицерами способствовало и то, что Фуллертон действовал в контакте с российским посланником в Британии графом Александром Романовичем Воронцовым¹⁴³.

Правила, касающиеся службы британских офицеров в зарубежных армиях и флотах, требовали, чтобы миссия Фуллертона сохранялась в секрете. Инструкции Фуллертону и его отчеты пересылались через генерал-губернатора Лифляндии Юрия Юрьевича Броуна (сам Броун был родом из Ирландии и состоял на российской службе с 1730 г.)¹⁴⁴. Далее, когда были найдены офицеры, желавшие служить в России, разрешение на их приглашение должен был испросить у правительства один из дипломатических представителей (либо граф А. Р. Воронцов в Лондоне, либо граф Джон Хоубарт, первый граф Бакингершир, британский посол в Петербурге), так как было известно, что сами офицеры не могли просить такого разрешения¹⁴⁵. К середине 1764 г. результатом миссии Фуллертона стало приглашение в Россию по меньшей мере пяти британских офицеров¹⁴⁶. Между тем в посланиях генерал-губернатору Броуну Екатерина II высказывала пожелания, чтобы Фуллертон пригласил до восьми офицеров (одного или двух флагманов, трех капитанов и двух-трех лейтенантов). И на этом императрица не собиралась останавливаться, она надеялась, что пример этих британцев и их добрые рекомендации заинтересуют и других их соотечественников принять российские приглашения¹⁴⁷. Задача, впрочем, осложнялась тем, что в России требовали, чтобы эти офицеры (в осо-

¹⁴⁰ О мотивации и последствиях приглашения иностранных колонистов в Россию в 1763 г. см.: *Bartlett R. Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia, 1762–1804. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.* Возможно, после издания циркуляра 1763 г. армейские офицеры заинтересовались, относится ли к ним это приглашение. Однако И. В. Меркулов замечает, что в отличие от офицеров флота армейским офицерам было отказано в праве обосноваться в России на основании Указа 1763 г. как иностранным специалистам (*Меркулов И. В. Указ. соч. С. 62*).

¹⁴¹ Инструкции миссии Фуллертона изд.: *Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. 4. С. 321–332.* О карьере Фуллертона см.: *Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. М., 2019. Т. II. С. 2167.* Благодарю Д. А. Сдвижкова за данные о Фуллертоне.

¹⁴² *Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. С. 325.* К 1763 г. Уильям Гордон был главнокомандующим Нора (Nore) – административной единицы, в ведении которой находились устье Темзы и река Медуэй (Thames Estuary and the River Medway). Таким образом, Гордон был командующим ряда подразделений на востоке Англии, включая Четем, Лондон, Ширнесс, Харидж и Хамбер (Chatham, London, Sheerness, Harwich and Humber). См.: *Schomberg I. Naval Chronology, Or an Historical Summary of Naval and Maritime Events From the Time of the Romans, to the Treaty of Peace 1802. London, 1802. Vol. 5. P. 238.* Отметим, что это не тот самый У. Гордон, который также в связи с миссией Фуллертона в 1764 г. вступил в российский флот, а в 1768 г. скончался. О нем см.: *ОМС. Ч. 3. С. 421.*

¹⁴³ Рескрипт А. Р. Воронцову см.: *СИРИО. М.: Унив. тип., 1885. Т. 48. С. 565; Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. С. 327.*

¹⁴⁴ Биографию Броуна см.: *Сдвижков Д. А. Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 575–577; Henderson T. F. Browne, George, Count de (1698–1792) // Dictionary of National Biography, 1885–1900. London: Elder Smith & Co., 1886. Vol. 7. P. 45.*

¹⁴⁵ Инструкции Фуллертону (*Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. С. 326, 330–332*).

¹⁴⁶ *Меркулов И. В. Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II. С. 64.* См. также: *Cross A. G. Samuel Greig, Catherine the Great's Scottish Admiral // Mariner's Mirror. 1974. Vol. 60. No. 3. P. 252.* Меркулов и Кросс называют имена Грейга, Роксбурга, Гордона, Клееланда и Дугласа как офицеров, рекрутированных в результате миссии Фуллертона, однако в опубликованной переписке Фуллертона и Броуна встречается только имя Дугласа.

¹⁴⁷ Инструкции Фуллертону (*Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. С. 321, 324*). Один из биографов отмечает, что Чарльз Дуглас привел в Россию Самуила Грейга, однако Дуглас, видимо, посчитал возмутительным и грозящим обвинением в измене предположение, что он мог бы рекрутировать британских работников для помощи в строи-

бенности флагманы, офицеры адмиральского ранга) имели «добрую» репутацию, были знающими в «морской архитектуре» и «экономии корабельной», говорили не только на родном языке, но и по-французски или по-немецки и способны были принести пользу Адмиралтейству («могли бы достойными членами быть в управлении нашего адмиралтейства»)¹⁴⁸. Не случайно Фуллертону так и не удалось уговорить отправиться в Россию подходящих под эти требования моряков высокого ранга.

Фуллертон покинул Британию в 1764 г., однако уже через четыре года начало Русско-турецкой войны придало новый импульс усилиям по поиску и вербовке опытных иностранных офицеров на российскую службу, прежде всего во флот. Согласно последним подсчетам, можно заключить, что около половины из 75 иностранцев, принятых на российский флот между 1764 и 1774 гг., были британцами¹⁴⁹.

Российские дипломатические представители, прежде всего М. М. Философов в Копенгагене, И. Г. Чернышев и А. С. Мусин-Пушкин в Лондоне, получили указания приложить все усилия к поиску новых морских офицеров. Хотя и не вполне понятны способы, какими они выискивали кандидатов, но можно предположить, что дипломатические представители продолжали, как и Фуллертон, полагаться на посредников и рекомендации, получаемые ими по им одним известным каналам на местах¹⁵⁰.

Переписка, сопровождавшая миссию Фуллертона, показывает, что для приглашаемых на российскую службу британских офицеров важно было урегулирование двух основных вопросов: вопроса о значительных денежных пожалованиях в России и вопроса о повышении офицеров в чине. Так продолжалось и позднее.

Поощрения, которые иностранные моряки офицерского ранга могли получить в начале своей службы в России, существенно зависели от их чина на новом месте, но обычно они включали повышение в чине на одну ступень, жалованье и пенсию, равно как и пенсию вдове и детям по смерти офицера, находящегося на службе¹⁵¹. Однако депеши миссии Фуллертона из Лондона показывают, что для офицеров адмиральского ранга эти условия в начале 1760-х гг. не были привлекательными: помогавший Фуллертону адмирал Гордон предполагал, что британские адмиралы так разбогатели в Семилетнюю войну, что их невозможно было соблазнить на русскую службу никаким жалованьем или пенсией (а те флагманы, что могли согласиться, едва ли были пригодны к службе¹⁵²). В то же время Гордон советовал российским агентам сосредоточить усилия на приглашении *капитанов*, так как среди них были талантливые моряки, которые не рассчитывали на продвижение по службе в Британии, но вполне подходили для того, чтобы получить адмиральские чины в России¹⁵³. Отметим, что таким *капитаном* был в 1769 г. и Джон Элфинстон, принявший приглашение от российского посла графа И. Г. Чернышева.

Описав подробнейшим образом свое пребывание на российской службе, Элфинстон обошел молчанием детали своего вступления на эту службу. Вероятно, подобное умолчание может

тельстве российских кораблей: *Valin Ch. Fortune's Favorite: Sir Charles Douglas and the Breaking of the Line*. Tucson, AZ: Fireship Press, 2009. P. 17.

¹⁴⁸ Екатерина II – Ю. Ю. Броуну (Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. С. 321).

¹⁴⁹ Меркулов И. В. Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II. С. 68. Э. Кросс ранее называл цифру 55 (Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. С. 202). Многие из этих рекрутированных прибыли в Россию во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Бенджамин Тисдэйл вспоминал, что принимал присягу 7 июля 1771 г. вместе с 11 другими лейтенантами российского флота: [Тиздэль Б.] Записки командира корабля Мария Магдалина капитана Тизделя 1771–1793 / изд. с сокращ. Р. Севериков // Морской сборник. 1863. № 10. С. 1–116.

¹⁵⁰ Меркулов И. В. Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II. С. 67–68.

¹⁵¹ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. С. 321.

¹⁵² «...они в прошедшую войну нажились и теперь имеют великое и неумеренное богатство, а хотя некоторые флагманы и есть, кои бы сюда ехать желали, но в службе вашего императорского величества не полезны быть могут» (Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. С. 326).

¹⁵³ Там же.

свидетельствовать о том, что в поведении обеих сторон, заключавших соглашение (графа И. Г. Чернышева, с одной стороны, и Элфинстона, с другой), было нечто весьма щекотливое. К тому же согласие российской стороны в 1773 г. удовлетворить денежные претензии Элфинстона позволяет предположить, что не только имевшиеся в распоряжении Элфинстона секретные бумаги, которые Россия не хотела предавать гласности, но и сам порядок его приглашения на службу шли вразрез с деликатными «политическими правилами», принятыми в Британии. В России это должны были понимать.

В инструкциях Фуллертону и другим агентам, занимавшимся вербовкой на российскую службу иностранцев, подчеркивался секретный характер их миссии: соблюдение тайны в том, что касалось способов поиска опытных офицеров с хорошей репутацией и желанием служить в России. Благовидным прикрытием для Фуллертона было то, что он родился в Британии, и считалось, что он навещает отечество, а не выполняет инструкции Российского двора¹⁵⁴.

В дальнейшем и Элфинстон, описывая в «Повествовании» свои отношения с И. Г. Чернышевым, А. С. Мусиным-Пушкиным, Н. И. Паниным, т. е. теми дипломатами, кто, по сути, обеспечил его переход на российскую службу, ни разу не коснулся подробностей вступления британских офицеров на службу российской императрице. Этим вопросом уже в XIX в. задался его внук. В подготовленной им биографии деда Александер Фрэнсис приводит явно недостоверную информацию о том, что якобы смелый маневр капитана у берегов Голландии поразил российского посла, который «проводил день в гостинице на берегу», и тот «представил императрице России (собиравшейся отправить флот атаковать турок), как желанно было бы иметь столь опытного морского офицера, как капитан Элфинстон, командовать эскадрой, и она на основании этого представления обратилась к британскому правительству позволить капитану Элфинстону вступить на ее службу, получив его взаймы на сезон» (с. 561). Это утверждение Александра вызывает серьезные сомнения, так как российского посла в момент «смелого маневра» Элфинстона в Нидерландах не было, а посол в Лондоне И. Г. Чернышев в депешах в Санкт-Петербург указал лишь на то, что заручился относительно Элфинстона «хорошей рекомендацией»¹⁵⁵.

Еще при осуществлении миссии Фуллертона щекотливость ситуации с рекрутированием британских моряков на российскую службу усугублялась тем, что переговоры между Лондоном и Петербургом о согласовании размеров жалованья офицеров в России занимали длительное время; эти переговоры также велись через рижского генерал-губернатора Броуна. Как выясняется, особенно непреклонны были британские «поруки», желавшие вступить на российскую службу в чине капитана первого ранга с окладом 600 рублей годовых в дополнение к «столовым деньгам» и покрытию прочих расходов¹⁵⁶. Поскольку во всей корреспонденции между сторонами из осторожности имена потенциальных офицеров российской службы были опущены, остается неясно, кого на этих условиях могли приглашать и чьи претензии были удовлетворены. Примечательно, что статьи соглашения, аналогичные подписанным при вступлении на российскую службу Элфинстона, обсуждались и были согласованы еще при ранних переговорах в 1763–1764 гг.

Изучение социального и материального положения офицеров Королевского флота разных рангов показывает, что материальная заинтересованность становилась важным стимулом

---

¹⁵⁴ Там же. С. 322, 324, 330.

¹⁵⁵ АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. Оп. 35/6. Д. 217. Реляции И. Г. Чернышева императрице Екатерине II. Л. 91; Д. 220. Депеши И. Г. Чернышева Н. И. Панину. Л. 23.

¹⁵⁶ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. С. 338–339. В переписке указывалось, что капитанам полагалось жалованье 800 рублей в год и на российской службе ранг капитан-командора; нижним офицерам, которые желали быть поручиками, было положено жалованье 180 рублей в год. Также все желали получать жалованье с момента их принятия на российский флот и требовали, чтобы их перемещение от места жительства до Петербурга производилось за счет российской казны (Там же. С. 339–340).

для перехода на службу другой державе. Вероятно, материальная сторона могла стать решающей и для Джона Элфинстона. Не похоже, чтобы Элфинстон как капитан (с 1759 г.) Королевского флота во время Семилетней войны приобрел в Англии те богатства, о которых рассказывал Фуллертону адмирал Гордон. Нежелание британских офицеров адмиральского ранга служить в России, о котором он сообщал, лишь подтверждает, что призовые деньги, получаемые от захвата купеческих судов, рассматривались в Британии как весьма прибыльная статья дохода на королевской службе. Не ясным только остается вопрос, просили ли другие британские офицеры включать в их соглашения о переходе на российскую службу пункты о призовых выплатах. Элфинстон попросил, чтобы ему выплачивались призовые деньги по английской формуле, и в его договоре при переходе на российскую службу было указано, что он получит 1/8 всех призов, которые он и его эскадра захватят¹⁵⁷. В дальнейшем уже российский контр-адмирал Джон Элфинстон подчеркивал, что призовые деньги серьезно могли способствовать и мотивации команд. Поэтому когда он получил свою эскадру, то ввел в ней именно английскую систему распределения призов (с. 239–240).

По прибытии в Петербург и в морском походе Элфинстону пришлось взаимодействовать с другими британскими моряками, разными путями оказавшимися в России. Прежде всего таковым был шотландец С. К. Грейг, попавший в Россию в 1764 г. во время миссии Фуллертона, но задержавшийся на долгие годы. Он скончался в России в 1788 г. в чине адмирала, и его заслуги были высочайшим образом оценены¹⁵⁸. Примечательно, что Элфинстон при первых встречах не скрывал своего расположения к Грейгу, надеясь, что тот станет для него поддержкой в отношениях с командующим Архипелагской экспедицией графом А. Г. Орловым и что их объединяют общие представления о стратегии и тактике морского боя. Но Элфинстон не смог найти в Грейге союзника против Орлова и Спиридова. Надежды на него сменились раздражением, когда Грейг не убедил Орлова в преимуществах плана Элфинстона в Хиосском сражении и при Чесме и когда *командор* Грейг посмел вмешаться в тактический план *контр-адмирала* Элфинстона¹⁵⁹. Позднее Элфинстон и вовсе обвинил Грейга в предательстве, когда тот не пожелал раскрыть ему – *соотечественнику!* – хитрый план Орлова по удалению Элфинстона в Россию (правда, не ясно, знал ли сам Грейг об этом плане!). Впрочем, родственника Грейга – Уильяма Роксбурга, также принятого на российскую службу в 1764 г., – Элфинстон лично просил стать капитаном на своем корабле и до самой гибели «Святослава», кажется, был вполне доволен его службой.

В «Повествовании» Элфинстона читатель встретит имена и других британских моряков (шотландцев, ирландцев и англичан), служивших в Архипелагской экспедиции. Их путь на российскую службу различался. Роберт Дагдейл вступил на борт «Св. Евстафия» в 1769 г., когда первая эскадра Спиридова была у берегов Англии, капитаны Престон и Арнолд в 1770 г. были наняты на английские транспортные суда, но когда эти суда пришлось отправить назад в Англию, в 1771 г. они обратились к А. Г. Орлову и вступили на российскую службу. Престон прослужил до 1799 г., когда был уволен со службы в чине контр-адмирала¹⁶⁰.

---

¹⁵⁷ Rodger N. A. M. Honour and duty at sea, 1660–1815 // Historical Research. 2002. Vol. 75. Issue 190. P. 438–439. Об английской формуле расчета призовых денег см.: Kemp P. Prize Money: A survey of the history and distribution of the naval prize fund. Aldershot: Wellington Press, 1946. P. 16–17.

¹⁵⁸ Cross A. Samuel Greig, Catherine the Great's Scottish Admiral // Mariner's Mirror. 1974. Vol. 60. No. 3. P. 251–265.

¹⁵⁹ Это также отметил даже позже приехавший в Россию Джеймс Тревенен, современник Грейга. В 1780-е гг. в своем дневнике он писал: «Admiral Elphinston first taught the Russians to fight at sea, but disagreeing with Spiridov, so that they thwarted each other in all their notions, Count Orlov perceived that it was absolutely necessary to take the command of the fleet upon himself, which he did, and then depended totally upon the counsels of Greig, who was Captain of his ship. This is a known fact to all that were there and nobody disputes it, so that whatever naval transactions passed in that war belong to Greig». Цит. по: Cross A. Samuel Greig, Catherine the Great's Scottish Admiral. P. 254–255.

¹⁶⁰ ОМС. Ч. 4. С. 613–614.

Несколько дюжин английских моряков оказались на российской службе на кораблях, которые были наняты у английских судовладельцев и мастеров в Портсмуте и в Средиземноморье. Капитаны Джеймс Боуди, Джордж Арнолд и Дишингтон привели в Архипелаг из Англии три транспортных корабля экспедиции, которым Элфинстон на время дал названия «Граф Панин», «Граф Орлов» и «Граф Чернышев». Английские моряки упоминаются в «Повествовании» Элфинстона и как члены команды брандера Томаса Макензи¹⁶¹ и других вспомогательных судов. Элфинстон замечает, что около 40 англичан составляли команду пинка «Св. Павел», когда тот шел из Кронштадта к Портсмуту, но затем они сошли на берег и на пинк собрали русскую команду. Позднее в тексте появляется указание на то, что всего в составе экспедиции служили около 40 англичан, которых Элфинстон предлагал отправить в Ливорно или Маон. По представлениям османской стороны, о чем сообщает Элфинстон, эскадра под командованием англичанина Элфинстона состояла преимущественно из английских моряков, что усиливало у турок страх от прибытия «русского» флота. Однако реального числа англичан (моряков, лекарей, лоцманов и др.), как отмечено ниже (с. 418–419), подсчитать пока не представляется возможным.

Многие англичане числились в экспедиции волонтерами, а потому их имена и послужные списки сложнее обнаружить в источниках, так как не все из них получали жалованье и потому их имена не упоминаются в документации о выплатах или о спорах по задержке выплат после отъезда Элфинстона из Архипелага. Несмотря на детальные инструкции Элфинстона о суммах, которые, согласно контрактам, должны были получать британские моряки, их материальное положение в его отсутствие оказалось ненадежным из-за отказа со стороны адмирала Спиридова эти контракты соблюдать.

По замечаниям Элфинстона, между русскими и английскими моряками и особенно между английскими лоцманами и командирами судов напряженные отношения усугубились после Чесменской победы (с. 478). Русские отказывались исполнять приказы англичан, а те не сдерживались, упрекая в «трусости» и недостатке флотских навыков своих русских соратников. Чтобы свести к минимуму возможные конфликты, Элфинстон даже раздумывал о расторжении заключенных им контрактов с английскими моряками. Таким образом, несмотря на свои заявления о «беспристрастности», Элфинстон оказался надежным покровителем соотечественников, озабоченным судьбами тех из них, кто был в его подчинении. А потому он с удовольствием пересказал замечание турок о том, что «если бы не горстка англичан, русские и не нашли бы пути в Средиземное море, и не смогли бы атаковать османов» (с. 419).

Весной 1771 г. по возвращении в Петербург Элфинстон встретился еще с одним британцем, принятым на Российский флот Екатериной II. Им был Чарльз Ноулс (Ноульс)¹⁶². Его прибытие в Россию, организованное главой российской лондонской миссии А. С. Мусиным-Пушкиным, стало реализацией давнего желания императрицы приобрести в Российский флот британского *флотоводца*, не в России, а еще в Британии получившего *адмиральский* чин.

Чарльз Ноулс действительно был замечательным приобретением для Российского Адмиралтейства. Прослуживший в Британском королевском флоте с четырнадцатилетнего возраста, он блестяще проявил себя в качестве инженера. Он поднимался по ступеням британской флотской иерархии и даже был назначен губернатором Ямайки (1752–1756). В 1765 г. ему был

---

¹⁶¹ Показательно, как Элфинстон выбирал перед Чесменским боем на брандер командира, которому предстояло поджечь османский флот. Элфинстон уверяет, что старался не выказать соотечественнику Макензи предпочтения, предлагая опасное, но славное предприятие старшим офицерам-русским, и он не скрывал ликования, когда после отказа старших офицеров за дело взялся Макензи, который, по свидетельству Элфинстона, и зажег первый турецкий флот. Элфинстон знал, что Томас Макензи *родился в России*, но происходил из семьи шотландского якобита, прибывшего в Россию в 1736 г. командиром корабля и дослужившегося до адмиральского звания. Судя по всему, в глазах Элфинстона Томас Макензи оставался прежде всего британцем.

¹⁶² Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. С. 210. Источники расходятся относительно даты рождения Ноулса, но очевидно, что он появился на свет в первые годы XVIII в.

пожалован титул баронета, он стал контр-адмиралом Королевского флота, и предполагалось, что он вскоре станет преемником лорда-адмирала Эдварда Хока¹⁶³. Но в 1770 г. Ноулс оставил королевскую службу, чтобы отправиться в Россию и прослужить в ней с 1771 по 1774 г.

В отличие от Элфинстона Ноулс прибыл в Россию как *гражданское лицо* и занял пост генерал-интенданта. В связи с его приездом в Россию указывалось, что из уважения к нейтралитету Британии в Русско-турецкой войне Ноулсу пришлось покинуть Британский королевский флот и ему было запрещено командовать эскадрой¹⁶⁴. В военных действиях Русско-турецкой войны Ноулс в отличие от Элфинстона действительно участия не принимал. В 1772 г. он лишь совершил поездку в Яссы, где должен был содействовать созданию дунайской флотилии для поддержки армии П. А. Румянцева¹⁶⁵.

С именем Ноулса в России связаны важные технические достижения. Его планы по обновлению российских верфей, судоремонтной базы и береговых служб, по усовершенствованию конструкции новых кораблей и осуществлению многочисленных исправлений на действующих судах снискали ему славу «второго отца российского флота»¹⁶⁶. В числе его наиболее впечатляющих инженерных нововведений были усовершенствования Кронштадтского канала, устройство в нем новых сухих доков и серии затворов¹⁶⁷.

Как и Элфинстон, получив щедрое вознаграждение за согласие служить в России, Ноулс, казалось бы, принес серьезную пользу Российской империи, но и он по непроясненным причинам всего через три года потерял расположение Екатерины и в 1774 г. покинул Санкт-Петербург. Его биографы подозревают за этим политическую подоплеку и интриги. Некоторые считают, что против Ноулса сыграли его расследования о денежных расходах на нужды флота, а также самоуверенные предложения относительно реорганизации Адмиралтейства¹⁶⁸. Однако в отличие от истории с Элфинстоном, вклад Ноулса никогда не вызывал сомнений ни у современников, ни у потомков, а историки флота лишь расходятся в вопросе о том, какое вознаграждение Ноулс заслужил за его службу во благо российского флота¹⁶⁹. Сам Ноулс дополнительного вознаграждения от российского двора не требовал. Впрочем, он умер вскоре после возвращения в Англию.

ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ

План Джона Элфинстона по подготовке его эскадры к походу опирался на целый ряд полученных в Британии знаний и навыков. Элфинстон понимал, что его задача заключается в том, чтобы передать русским свои знания о навигации и технике, так как «по небрежению или невежеству», как он часто повторял, в России явно многого недоставало для успешной подготовки и продвижения в походе¹⁷⁰. Чтобы совершить длительный морской переход в Восточное Средиземноморье, Элфинстон хотел получить на свои корабли последние технические новинки, появившиеся в Британии после Семилетней войны, а также использовать новейшие

---

¹⁶³ Подробности биографии см.: Naval Chronicle. [London], 1799. Vol. 1. P. 89–123.

¹⁶⁴ Naval Chronicle. 1800. Vol. 2. P. 265–266, 269; Admiral Knowles's first Memorial to Her Imperial Majesty after his arrival at Petersburg (National Maritime Museum, LBK/ 80. Fol. 1–2); Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. С. 210.

¹⁶⁵ Naval Chronicle. 1800. Vol. 2. P. 275–280.

¹⁶⁶ Naval Chronicle. 1800. Vol. 2. P. 271; см. также: Соколов А. Адмирал Ноулс // Морской сборник. 1849. Вып. 2. № 8. С. 509–527.

¹⁶⁷ Clendenning Ph.H. Admiral Sir Charles Knowles and Russia, 1771–1774 // Mariner's Mirror. 1975. Vol. 61. No. 1. P. 45–46; Соколов А. Адмирал Ноулс. С. 517.

¹⁶⁸ Naval Chronicle. 1800. Vol. 2. P. 280–281; Clendenning Ph. H. Admiral Sir Charles Knowles and Russia, 1771–1774. P. 47.

¹⁶⁹ См.: Соколов А. Адмирал Ноулс. С. 513–514.

¹⁷⁰ «Небрежение или невежество» («carelessness or ignorance») – часто повторяемые Элфинстоном обвинения в адрес российских моряков.

достижения в медицине, которые могли сохранить здоровье и жизни его подчиненных. Элфинстон прилежно записывал каждое свое решение, касающееся подготовки к походу, от предложений по исправлению судовых конструкций до текущих вопросов снабжения провизией и такелажем. Все это дает возможность оценить, как он намеревался устранять обнаруженную им «русскую отсталость», опираясь на знакомые ему британские образцы.

Джон Элфинстон и его поколение британских моряков стали важными трансляторами знаний о морском деле, передав свой опыт и умения от флота одной страны флоту другой¹⁷¹. Первая тетрадь «Повествования» Элфинстона посвящена как раз описанию его усилий по подготовке к предстоящему походу. Корабли ремонтировали и загружали преимущественно в Кронштадте на главной базе Балтийского флота, но постоянные проблемы с поставками заставляли командующего нередко отправляться и в столицу. Раз за разом, наблюдая пристани и доки Кронштадта, Элфинстон сокрушался по поводу «разрухи» (*«shattered condition»*), которая царил в доках, на складах и на кораблях; он не скупился на обвинения в том, что многое вовсе «прогнило» и стало непригодным к службе. Элфинстона поражало и то, что первая эскадра Архипелагской экспедиции, которой командовал адмирал Г. А. Спиридов, не оставила на складах Кронштадта даже пеньки для работ конопатчиков и подготовки такелажа, не лучше дело обстояло и с парусиной для шитья новых парусов. Элфинстон вовсе не случайно выказывал удивление таким состоянием дел, зная, что Россия снабжала пенькой и льняным полотном всю Европу, тогда как в главном военном порту Кронштадте перед походом ему пришлось закупать пеньку через английского посредника (с. 125).

В Петербурге и Кронштадте, как, впрочем, и во время похода в Копенгагене и Портсмуте, Элфинстону, рвавшемуся в бой и мечтавшему поскорее выйти в море, приходилось месяцами согласовывать детали починки кораблей своей эскадры, требовать необходимых конструктивных изменений, разгрузки и кренгования судов, укрепления обшивки кораблей и фрегатов.

Опытный капитан Королевского флота, Джон Элфинстон, безусловно, владел навыками кораблестроения: на такие навыки Адмиралтейств-коллегия обращала серьезное внимание, приглашая британских офицеров. Он вполне доказывал свою компетентность и в русском Кронштадте, и в иностранных портах, где обращался к «лучшим» корабельным мастерам, добивался постановки «опасных кораблей» в сухие доки и призывал бригады плотников и конопатчиков для необходимых починок и профилактики. Этот британец настойчиво старался доказать русским, что его опыт сформировался в результате *длинных* походов, а не, как у русских, «редких летних поездок по Балтике» (так, вероятно, Элфинстон пытался высмеять опыт адмирала Спиридова, ревность к которому не давала ему покоя!).

Из опыта своих длительных походов в Атлантике он знал о важности правильной укладки провизии и балласта и неспроста бранил русских за подобные упущения (с. 128). В отношении своих российских сослуживцев и подчиненных Элфинстон часто в самом буквальном смысле использовал слово *«backwardness»* (т. е. отсталость, замшелость), когда писал о неготовности в Кронштадте парусов, мачт, корабельных снастей для его эскадры.

---

¹⁷¹ Техническая компетентность в практиках Императорского российского флота представляют существенный интерес для исследователей. См., например: *Werrett S. Technology on Display: Instruments and Identities on Russian Voyages of Exploration // Russian Review. 2011. Vol. 70. No. 3. P. 380–396; Ryan W. F. Navigation and the Modernisation of Petrine Russia: Teachers, Textbooks, Terminology // Russia in the Age of Enlightenment: Essays in Honour of Isabel de Madariaga / ed. Roger Bartlett and Janet M. Hartley. Basingstoke: MacMillan Press, 1990. P. 75–105; Idem. Peter the Great and English Maritime Technology // Peter the Great and the West: New Perspectives / ed. Lindsey Hughes. Basingstoke: Palgrave, 2001. P. 130–158; Morriss R. Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779–91. Burlington, VT: Ashgate, 2015; Забавинский П. П. Первые «огневые» машины в Кронштадтском порту (к истории введения паровых двигателей в России). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936; *Robinson E. The Transference of British Technology to Russia, 1760–1820: A Preliminary Enquiry // Great Britain and Her World, 1750–1819: Essays in Honor of W. J. Henderson. Manchester: Manchester University Press, 1975. P. 1–26.**

Противоположностью Кронштадту представлялся Элфинстону Портсмут. Портсмут казался идеальной гаванью, где исполняются приказы, где любые запасы и материалы быстро доставляются, где корабли исправляют, а также правильно оснащают и нагружают.

Стремление к принятию всех возможных технических усовершенствований стало к концу XVIII в. *idée fixe* в Британии, а главная и важнейшая из мировых верфей XVIII в. – Портсмут – описывается Элфинстоном именно как пространство технологической эффективности и научного прогресса. Безотносительно к собственным недостаткам, в том числе волоките, задержкам в выполнении текущего ремонта, проблемам в управлении, Портсмут действительно стал в XVIII в. площадкой для экспериментов и технических инноваций, способствовавших появлению новых машин и механизмов для флотских нужд¹⁷².

Но пройдет немного времени после описанных Элфинстоном событий, и на главной российской морской базе в Кронштадте тоже будут происходить перемены. Как признано в историографии, этими переменами во многом Россия будет обязана Чарльзу Ноулсу и Самьюэлу Бенхаму. Но не стоит, вероятно, игнорировать и вклад Джона Элфинстона, который начал испытывать новшества на кораблях при подготовке похода в Эгейский архипелаг. Представляя своей эскадре новые помпы, деревянные блоки, а также «паровые котлы мистера Ирвинса», Элфинстон, несомненно, желал подчеркнуть свою причастность к новейшим практическим достижениям ученой мысли Запада, и каждое приобретенное им новшество наполняло его гордостью, возвышая над «отсталостью» его врагов и соперников. Саймон Уэррет назвал публичные технические эксперименты, устраивавшиеся в Век Просвещения для демонстрации превосходства новых мировых изобретений, «*technical drama*», обращая внимание на театрализацию подобных опытов¹⁷³; в таком *meatpe* готов был участвовать и Элфинстон.

В увлечении новшествами он нашел сочувствие у большого любителя разного рода новинок графа Ивана Григорьевича Чернышева, когда попросил того раздобыть в Англии деревянные блоки (*wooden rigging blocks*) у собственного поставщика оных на Королевский флот Британии (с. 133)¹⁷⁴.

С приобретением новых корабельных помп Коула–Бентинка Элфинстону помог лорд Эффингем. После того как старые помпы, установленные на кораблях в Санкт-Петербурге, подвели эскадру при первом шторме, Элфинстон настоял на покупке новых (и наверняка не дешевых) помп, незадолго до того прошедших испытания в Портсмуте. Об этих испытаниях Элфинстону и рассказал лорд Эффингем, удостоверившийся, что новые помпы способны были выкачивать по две тонны воды в минуту при меньшем количестве рук¹⁷⁵. Элфинстон «убедился в их полезности и в их высшем качестве» (с. 212) и заказал несколько таких помп для своей эскадры. Демонстрируя пользу новых инструментов при показательных испытаниях все тех же помп, Элфинстон рассчитывал завоевать и уважение графа Алексея Орлова, но на «сухопутного офицера» Орлова они, кажется, не произвели большого впечатления (с. 93).

Джон Элфинстон мог иметь и иные заслуги, например, если бы откликнулись на его предложение установить цепную помпу Бентинка не только на российских кораблях, но и в кана-

---

¹⁷² Clark G. Naval Blockmaking in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Mariner's Mirror*. 1976. Vol. 62. No. 2. P. 137–144; Haas J. M. The Royal Dockyards: The Earliest Visitations and Reform 1749–1778 // *The Historical Journal*. 1970. Vol. 13. No. 2. P. 191–215; *Idem*. A Management Odyssey: The Royal Dockyards, 1714–1914. Lanham, MD: University Press of America, 1994.

¹⁷³ Werrett S. Technology on Display: Instruments and Identities on Russian Voyages of Exploration. P. 381.

¹⁷⁴ Об Уолтере Тейлоре и его блоках см.: Dickinson H. W. The Taylors of Southampton: Their Ships' Blocks, Circular Saw and Ships' Pumps // *Transactions of the Newcomen Society*. 1958. Vol. XXIX. P. 169–178.

¹⁷⁵ Кажется, имеются в виду цепные помпы Коула–Бентинка, представленные в 1768 г. Элфинстон, вероятно, ошибается относительно испытаний помпы, которая, согласно отчетам, позволяла прокачивать одну тонну воды в 43,5 секунды при работе 4 человек, тогда как старая модель требовала на это вдвое больше времени. Помпа была принята на все военные корабли британского флота в 1770 г., и после того как ее конструкция была еще улучшена, эта помпа стала обязательной на всех кораблях и использовалась до середины XIX в. (Oertling Th.J. Ship's Bilge Pumps: A History of Their Development, 1500–1900. College Station: Texas A&M University Press, 1996. P. 56–61).

лах Санкт-Петербурга и окрестностей. Но этого так и не произошло. Впрочем, через короткое время в Кронштадт и в Российское Адмиралтейство все-таки пришли серьезные перемены. При Чарльзе Ноулсе и Самьюэле Бентаме российский флот и российские верфи порой оказывались в числе первых в мире, принимавших и использовавших новые технологии в корабельном деле, и Кронштадт стал своего рода лабораторией для испытания новых инструментов даже до того, как те получали признание и принимались на регулярной основе в Британском флоте. Однако и опыты Элфинстона с техническими нововведениями на кораблях его эскадры могут вполне служить подтверждением вывода С. Уэррета о том, что российский флот не был «пассивным реципиентом» британских достижений, но скорее щедрым инвестором, предоставлявшим базу для практического применения теоретических знаний¹⁷⁶.

ФЛОТСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ СЛУЖБА

Поход российских эскадр Архипелагской экспедиции в Средиземное море оказался серьезным испытанием не только для кораблей парусного флота России, но и для всех участников трудного и долгого плавания. В Санкт-Петербург с самого начала похода стали поступать сообщения о высокой смертности от болезней на всех судах, а в дальнейшем потери личного состава от болезней значительно превышали потери в боевых действиях¹⁷⁷. Е. В. Тарле, ссылаясь на данные Александра Петровича Соколова, пишет, что из 12 200 человек, которые были отправлены в экспедицию, не вернулись 4516 человек, правда не упоминает, сколько из не вернувшихся погибли от болезней¹⁷⁸.

Болезни стали серьезным испытанием сразу после выхода эскадры Спиридова, но Элфинстон вначале видел в этом лишь подтверждение слабости русского адмирала в морском деле. Спиридов сообщал из Гуллы, что только в его экипаже число больных доходило до 600, а у двухсот из них состояние оценивалось как серьезное¹⁷⁹. Когда же с конца 1770 г. эскадры обосновались на Паросе, на госпитальных кораблях и в госпитале, основанном на морской базе в Аузе, часто лечились по несколько сотен человек¹⁸⁰.

Элфинстон неоднократно останавливается в «Повествовании» на усилиях, потраченных им ради сохранения в строю подчиненных. Снаряжая эскадру в Кронштадте и в Портсмуте, он договаривался об особой провизии и припасах, которые смогли бы помочь раненым и заболевшим, предлагал переделывать транспортные и прочие непригодные для иного суда в госпитальные, хлопотал, чтобы на госпитальном судне разместились лекарь, шестеро подлекарей и даже десять сиделок (с. 122). Он настаивал на соблюдении чистоты на кораблях, так как зловоние и нечистоты в его время уже прочно ассоциировались с распространением болезней. В других случаях он отмечал важность окулирования и беспокоился об уничтожении одежды, с которой могли переносить паразитов и заразу.

Свои текущие заботы о распределении ограниченных ресурсов (прежде всего воды, но также и продовольствия) и о пополнении запасов Элфинстон часто объяснял беспокойством именно о здоровье личного состава. Хотя контр-адмирал мог и преувеличивать свои заслуги в спасении раненых и больных, дабы в наилучшем свете представить свою службу российской императрице, его «Повествование» становится важным источником для сравнения европей-

¹⁷⁶ Werrett S. «Perfectly Correct»: Russian Navigators and the Royal Navy. P. 111–133. См. также о Бентаме и Ноулсе: Morriss R. Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779–91; Clendenning Ph.H. Admiral Sir Charles Knowles and Russia, 1771–1774. P. 39–49.

¹⁷⁷ Смилянская Е. Б. Греческие острова Екатерины II. С. 210–214.

¹⁷⁸ Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769–1774 // Сочинения: В 12 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 10. С. 89.

¹⁷⁹ Гребенщикова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 220.

¹⁸⁰ Россия в Средиземноморье. С. 194; Смилянская Е. Б. Греческие острова Екатерины II. С. 213.

ских и российских стратегий по сбережению жизней моряков в середине – второй половине XVIII в.

В Европе главным бичом корабельных команд в длительных походах в XVIII в. признавалась цинга. В 1740-х гг. Британию поразили известия, что в кругосветном путешествии Джорджа Ансона именно цинга стала причиной гибели половины экипажа¹⁸¹.

В XVII–XVIII вв. словом «*scurvy*» (скорбутка, цинготная болезнь) обозначали ряд заболеваний и лихорадочных состояний, которые даже медики слабо различали и лечили почти одинаково: вентиляцией помещений, окуриванием и «свежими», а не солеными или копчеными продуктами¹⁸².

В середине XVIII в. общие представления о влиянии воздуха и климата на здоровье моряков сложились в теорию о «климатической патологии», согласно которой такие болезни, как цинга, происходили от *дурного воздуха* и климатические условия могли усугублять положение. Холодный и влажный морской воздух, как предполагали, способствовал приступам цинги подобно тому, как в теплом климате поджидали опасные тропические болезни; современники Элфинстона предполагали, что на *гниение плоти* влияет и влажность воздуха. Именно как *гниение* и описывалась цинга из-за возникавших во время болезни открытых язв и мышечных повреждений. Также было распространено мнение, что на большую смертность от цинги простых матросов, а не офицеров влиял спертый воздух нижних деков, в которых нижние чины и содержались¹⁸³.

Хотя пища долгое время и не считалась единственной и даже основной причиной цинги, тем не менее многие современники Элфинстона настаивали, что здоровый рацион, включающий свежие продукты, важен для предотвращения болезни. Историк военно-морской медицины Эрика Чартерс показывает, что даже терминология, использовавшаяся при закупках продовольствия на корабли, отражала веру в лечебные свойства некоторых продуктов. Используемое часто и Элфинстоном понятие «*refreshments*» (мы его переводили именно как «свежие продукты») свидетельствует о признании необходимости для заболевших цингой свежих воздуха, воды и провизии; считалось, что благодаря этим «*refreshments*» можно не только вылечить больных, но и предотвратить распространение болезни¹⁸⁴.

Появление цинги в XVIII в. нередко связывали и с преимущественным потреблением в долгих походах солонины и пресного хлеба. Не случайно и Элфинстон возмущался, что его моряков при подготовке к экспедиции на берегу кормили «старыми солеными припасами», что «из-за необходимости вымачивать соленое мясо некоторые заболели цингой, и каждый день по 8–10 человек с каждого корабля нужно было отправлять в госпиталь» (с. 148). В конце концов Элфинстон сумел распорядиться «относительно недопустимости выдачи соленой провизии людям, которые вскоре ничего иного и получать не будут» (с. 148).

Хотя отказаться от солонины и хлеба во флотах разных держав еще долгое время не решались, однако попытки изменить или дополнить рацион питания моряков в XVIII в. были

¹⁸¹ Хотя он был менее известен, чем Кук, Джордж Ансон был одним из мореплавателей-исследователей, который помог расширить знания о Тихом океане. Его цель состояла в выяснении новых торговых возможностей в Южном полушарии, а также в нападении на испанские владения. Из шести кораблей, команды которых составляли в общей сложности 1955 человек, вернулись всего лишь один корабль и 145 человек. О путешествии Ансона см.: Williams G. The Prize of All the Oceans: the triumph and tragedy of Anson's voyage round the world. London: Harper Collins, 1999. О цинге см.: McBride W. British Treatment of Scurvy // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1991. Vol. 46. Issue 2. P. 159; Lincoln M. Representing the Royal Navy: British Sea Power, 1750–1815. Aldershot: Ashgate, 2002. P. 162–163.

¹⁸² Charters E. The Western Squadron, Medical Trials, and the Sick and Hurt Board during the Seven Years War // Health and Medicine at Sea, 1700–1900 / ed. by David Boyd Haycock and Sally Archer. Woodbridge: Boydell Press, 2009. P. 22.

¹⁸³ Zuckerman A. Scurvy and the Ventilation of Ships in the Royal Navy: Samuel Sutton's Contribution // Eighteenth-Century Studies. 1976/1977. Vol. 10. No. 2. P. 222–234. Примечательно, что в своих предложениях, направленных в Адмиралтейств-коллегию и императрице летом 1769 г., Элфинстон упоминает о необходимости сооружения как на госпитальных судах, так и на линейных кораблях воздухопроводов и вентиляции.

¹⁸⁴ Charters E. The Western Squadron, Medical Trials, and the Sick and Hurt Board during the Seven Years War. P. 23.

известны. В Британии Джеймс Линд проводил свои эксперименты с апельсинами и лимонами¹⁸⁵, а его современник Дэвид Макбрайд предлагал в качестве противочинготного средства солодовое сусло¹⁸⁶. Последнее испытывалось в числе прочих и во время первого путешествия капитана Джеймса Кука в Тихом океане. Макбрайд пришел к заключению, что раз сквашивание предотвращает гниение продуктов, оно может предотвратить и «гниение человеческого тела» при цинге, а потому настаивал на важности употребления в пищу продуктов брожения (к примеру, квашеной капусты).

В период Семилетней войны Комиссия по лечению раненых и больных Королевского флота Британии проводила и собственные медицинские опыты, чтобы проверить, какие продукты, потребляемые в плавании, помогали предотвратить цингу¹⁸⁷, а какие усугубляли состояние больных.

Как отметила Маргарет Линкольн, казалось, что забота о здоровье моряков притягивала все большее внимание читающей публики в Британии, во всяком случае, так исследовательница объясняет появление значительного числа журнальных и газетных статей на медицинские темы¹⁸⁸.

Таким образом, не только в мореплавании, но и в профилактике болезней Элфинстон, готовя свою эскадру к долгой экспедиции, мог опереться на значительный опыт европейских морских держав. Впрочем, доверял он и старым «проверенным средствам», которые в его время медицинским сообществом Лондона могли считаться шарлатанскими, но зато в народе и в популярной литературе долго и после Элфинстона эти средства считали весьма действенными, причем помогавшими от разных недугов¹⁸⁹. Так, в список необходимых для его эскадры аптекарских препаратов попали порошок от лихорадки доктора Джеймса и некий препарат, названный *sago*. Элфинстон был так озабочен приобретением этих порошков, особенно порошка от лихорадки, а также хинина («Jesuit's bark»), что специально совершил путешествие из Портсмута в Лондон, закупив препараты в Аптекарском ведомстве (Apothecary Hall), пока его корабли стояли в гавани на ремонте.

Не чужд был Элфинстон и предубеждений относительно физических особенностей русских, уверяя, что русские наследственно предрасположены к болезням и к заражению паразитами. В двух разных частях своего «Повествования» он пишет о том, что русские с рождения имеют под кожей вшей, так что почти невозможно, находясь среди них, не подцепить этих паразитов (с. 472–473). Впрочем, в этом контр-адмирал был не одинок: многие посещавшие в это время Россию писали, как и он, о том, что русская баня была главным средством спасения от этой напасти.

Однако высокая смертность на кораблях двух русских эскадр во время перехода в 1769 г. из Кронштадта к берегам Англии заставила Элфинстона всерьез задуматься о причинах таких высоких потерь, и он смог найти лишь одно объяснение – пренебрежение правилами соблюдения чистоты. Он не мог не указать, что на фрегате с английской командой в том же походе

---

¹⁸⁵ McBride W. M. «Normal» Medical Science and British Treatment of the Sea Scurvy, 1753–75 // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1991. Vol. 46. No. 2. P. 158–177. Роджер Бартлет подчеркивает, что Линд собирал научную литературу о цинге по всей Европе, и в том числе получал данные из России, где болезнь была описана армейскими врачами. См.: Bartlett R. Britain, Russia, and Scurvy in the Eighteenth Century // Oxford Slavonic Papers. 1996. Vol. 29. P. 25–30.

¹⁸⁶ McBride W. M. «Normal» Medical Science and British Treatment of the Sea Scurvy.

¹⁸⁷ О таких опытах см.: Charters E. The Western Squadron, Medical Trials, and the Sick and Hurt Board during the Seven Years War.

¹⁸⁸ Lincoln M. Representing the Royal Navy: British Sea Power, 1750–1815. P. 163.

¹⁸⁹ О практической медицине см.: Cook H. J. Practical Medicine and the British Armed Forces after the «Glorious Revolution» // Medical History. 1990. Vol. 34. No. 1. P. 1–26; Rodger N. A. M. Medicine and Science in the British Navy of the Eighteenth Century // L'Home, La Santé et La Mer: Actes Du Colloque International Tenu à l'Institut Catholique de Paris Les 5 et 6 Décembre 1995 / ed. by Christian Buchet. Paris: Honoré Champion Éditeur, 1997. P. 333–344; об околонаучной литературе см.: Lincoln M. Representing the Royal Navy: British Sea Power, 1750–1815. P. 164–167.

потерь от болезней удалось практически избежать. Может показаться, что настойчивое повторение Элфинстоном призывов к чистоте могло научить ценить чистоту и капитана С. П. Хметевского, прошедшего с Элфинстоном весь путь до Эгейского моря. И вот уже Хметевский в своих воспоминаниях об экспедиции посвящает пространные рассуждения порядку и чистоте на его корабле, чему якобы немало удивились даже французы: «24 число [1772] апреля пришел в порт Аузу военной французкой фрегат <...> Был капитан со всеми своими афицерами на корабле у меня и не могли довольно чистоте в карабле и хорошей оснаске надивиться так, что капитан, вошедши в канстапельскую, во удивлении чистоты и убранству ружей перекрестился. Напротив того, я своими афицерами делал как капитану, так и афицерам французким визит. Нашол фрегат в великой нечистоте и в дурной оснастке»¹⁹⁰.

Однако едва ли правилами гигиены и созданием на флоте медицинских служб в России были обязаны урокам британских моряков. Соблюдение чистоты было частью наставлений флоту еще со времен Петра I, а лечебные травы и госпитальные суда были обычными средствами борьбы с эпидемиями и потерями на российском флоте. Историки военно-морской медицины в России отмечают быстрое увеличение, начиная с петровских регламентов, числа распоряжений относительно военной и флотской медицинской службы вплоть до специального Генерального регламента о госпиталях (1735), в котором давались строгие предписания соблюдать чистоту и оговаривалось присутствие на судах медицинского персонала. Историки приводят доказательства в пользу того, что в противоположность Британии и Франции, где военно-морские медицинские учреждения конфликтовали с медицинскими организациями практикующих гражданских врачей, в России XVIII в. медицинские службы флота были лучше организованы, хотя и испытывали хронический недостаток персонала¹⁹¹. К тому же в России не противопоставляли Галенову и практическую медицину и разные средства вполне готовы были сочетать¹⁹². Так, в статьях Генерального регламента о госпиталях существовало предписание строить госпитали на плодородных землях, чтобы при них находились собственные аптекарские огороды¹⁹³.

Российское Адмиралтейство имело собственных лекарей, которые назначали лечение и вели исследования, как и их известные английские коллеги, а в своей практике учитывали медицинские знания, накопленные в Западной Европе. Главный медик российского флота Андрей Гаврилович Бахерахт (1726–1806) разработал рекомендации, похожие на те, что выпустил Элфинстон. Они вошли в классический труд Бахерахта «Способ к сохранению здоровья морских служителей и особливо в российском флоте находящихся», изданный типографией Морского кадетского корпуса в 1780 г., через девять лет после отставки Элфинстона. В 1783 г. Бахерахт добился, чтобы его рекомендации относительно использования лекарственных средств и трав для лечения болезней во время длительного плавания были приняты государственной Медицинской коллегией¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Россия в Средиземноморье. С. 633.

¹⁹¹ Михайлов С. С. Медицинская служба Русского флота в XVIII веке [Текст]: Материалы к истории отечеств. медицины. Л.: Медгиз. Ленингр. отд-ние, 1957. С. 17–18.

¹⁹² Rodger N. A. M. *Medicine and Science in the British Navy*. P. 336–337. По России см.: Костюк А. В. Лечебно-профилактическое обеспечение морских служителей российского флота в XVIII в.: военно-медицинские госпитали // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Серия 2: История. № 1. С. 59–64.

¹⁹³ Костюк А. В. Лечебно-профилактическое обеспечение морских служителей российского флота в XVIII в. С. 60. См. также замечательную диссертацию Рэйчел Королофф, особенно главу об аптекарских огородах и травниках, которые культивировались специально для аптекарского ведомства. Koroloff R. *Seeds of exchange: collecting for Russia's apothecary and botanical gardens in the seventeenth and eighteenth centuries*. Ph. D. diss. University of Illinois at Urbana-Champaign, 2014. P. 16–65.

¹⁹⁴ Аптека для российского флота, или Роспись всем нужным лекарствам, коих по рангу корабля, для шести месяцев вояжа в корабельном ящике иметь должно, / Рассмотрена и апробована Государственною Медицинскою коллегиею; Ящик изобретен и роспись сочинена надворным советником и флота доктором Андреем Бахерахтом. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1783. Об этом см.: Bartlett R. *Britain, Russia, and Scurvy in the Eighteenth Century*. P. 30–34.

Но Элфинстон пока не знал об этом, зато его пиетет перед британской флотской медициной, казалось, был беспредельным. После того как он поместил значительное число заболевших членов своей эскадры в Королевский госпиталь в Хаслере, он написал: «Лекари и хирурги Королевского госпиталя в Хаслере имели немало волнений и выказали величайшую заботливость и человеколюбие к больным, которые уже [поправились], перевезены на корабли и все чувствуют себя хорошо. Поэтому я счел своим долгом ради чести России выказать им знаки благодарности и одобрения и, написав им письмо с выражениями признательности, приложил к письму банкноту в 100 фунтов для докторов и главных офицеров королевского госпиталя» (с. 244). Впрочем, госпиталь в Хаслере по достоинству оценил и капитан Хметевский, также описывавший его в самых уважительных тонах¹⁹⁵.

ДИСЦИПЛИНА И НАКАЗАНИЕ

Носитель британских флотских традиций, выросший в семье моряка и рано сам отправившийся на флотскую службу, Джон Элфинстон столкнулся в России с иными правилами поведения офицеров и нижних чинов и яростно взялся за дисциплинирование команд по британскому образцу. Уверенный в превосходстве своего опыта и знаний, он приходил в замешательство и досадовал на то, что его приказы могли вовсе не исполняться или исполнялись из рук вон плохо. Он пытался объяснять такое положение русской ленью или чаще – небрежностью и невежественностью своих подчиненных. Еще в Кронштадте во время подготовки эскадры к походу он впервые столкнулся с вопиющей «медлительностью офицеров в исполнении их обязанностей» (с. 127); вначале он посчитал эту медлительность проявлением лени его российской команды, но затем счел, что офицеры таким образом хотели избежать выхода в море в необычно позднее осеннее время. Элфинстона возмущало, что во время его отлучек из Кронштадта работы почти прекращались, погрузка велась медленно, не спешили готовить мачты, укладывать такелаж и шить паруса. В эти решающие месяцы перед походом Элфинстон вынужден был обращаться за поддержкой к самой императрице, и лишь ее личное вмешательство переломило положение дел и оживило работы в Кронштадте. Однако после выхода в море у Элфинстона за спиной уже не было тех, кто должен был внушать страх его капитанам и командам, а конфликты командующего с подчиненными лишь усугубились.

Элфинстон, безусловно, осознавал, что на отношения между ним и его русскими подчиненными влияли непонимание языка, чуждость религиозных традиций и поведенческих норм. Но он приписывал это лишь предвзятому отношению русских к иностранцам, из-за которого, по его мнению, «иностранцу невозможно добиться успеха на российской службе» (с. 234).

При этом Элфинстон обнаружил и то, что различные группы матросов и офицеров по-разному реагировали на его стиль командования. «Простые» люди, как он заявлял, «любили его», тогда как его отношения с офицерами оставались натянутыми. Частично он объяснял эту напряженность поступками своего секретаря Джонсона Ньюмана, допускавшего в своих переводах от имени Элфинстона оскорбительные для русских офицеров формулировки.

Русские моряки, вероятно, действительно не всегда понимали, чего Элфинстон хотел от них, хотя он выпускал подробнейшие приказы с разъяснением своих требований. Он желал пунктуальности и послушания, угрожая суровыми наказаниями для офицеров и матросов (а в его понимании только угрозы могли заставить его офицеров подчиниться). Более всего Элфинстона раздражало, что в ответ на его, как он полагал, «справедливые» требования опытного командира, выучившегося на лучшем в мире Британском флоте, непокорные русские вчитывались в статьи устаревшего Морского устава Петра Великого и спорили по мелочам, указывая, в чем его распоряжения противоречили этому Уставу.

---

¹⁹⁵ Россия в Средиземноморье. С. 579.

Между тем статей о подчинении приказам командира в Уставе было предостаточно. С самых первых вариантов документы русского морского права, предшественники Морского устава 1720 г., были нацелены на утверждение дисциплины и регламентации поведения моряков.

В конце концов все жалобы и недовольства в связи с невыполнением его приказов Элфинстон излил на капитана-командора Ивана Яковлевича Барша. Барш должен был отправиться в поход с Первой эскадрой адмирала Спиридова, но из-за «валкости корабля „Святослав“» в августе 1769 г. вернулся в Ревель, где его корабль был поставлен на ремонт; Барш на «Свято-славе» догнал не Спиридова, а Элфинстона уже в Копенгагене. В течение семи месяцев похода вокруг Европы Элфинстон неоднократно обвинял Барша в «небрежениях». А после того как Барш не выполнил сигналов Элфинстона о погоне за турецким флотом от Наполи ди Романия, Элфинстон пошел на экстраординарный шаг, понизив командора Барша до лейтенантского чина, надеясь, что это послужит острасткой для прочих офицеров.

Но Элфинстон просчитался: разжалование командора, сына вице-адмирала, имевшего высоких покровителей¹⁹⁶, принесло ему лишь неприятности. За Барша после Чесменской победы заступился генерал князь Ю. В. Долгоруков, Баршу вернули его корабль и командование всего через месяц после понижения, в дальнейшем уже по возвращении в Петербург единоличное решение Элфинстона наказать офицера было расценено как противоречащее российским законам, так как командующему в этом случае полагалось представлять дело на решение военного суда. Так что в Санкт-Петербурге Элфинстона заставили ответить за его «тиранию», и он смог привести немного объяснений в пользу своих «права или власти» действовать без созыва военного суда.

В связи с делом о понижении командора Барша вопреки Уставу вновь приводя доводы о своей величайшей преданности службе, Элфинстон летом 1771 г. писал графу И. Г. Чернышеву: «Вы не будете удивлены, что я был довольно занят непосредственными и срочными интересами Екатерины II, а не *Морским уставом Петра I*, и я выбирал без колебаний то, что требовалось ради интересов службы Ее императорскому величеству».

Однако императрица, кажется, вовсе не была склонна во имя своих «интересов» в тот момент принижать Морской устав и в целом заслуги создателя российского флота: не случайно именно Петра Великого в 1770 г. объявили главным вдохновителем Чесменской победы¹⁹⁷.

НАГРАДЫ И ПРИЗЫ, ИЛИ ОСТАЛАСЬ ЛИ РОССИЯ ДОЛЖНА ДЖОНУ ЭЛФИНСТОНУ?

Джон Элфинстон не был излишне сосредоточен на утверждении дисциплины только через наказания: он готов был разрабатывать и систему индивидуальных поощрений за хорошую службу. Дабы поддержать «субординацию и хорошее поведение» моряков, контр-адмирал предложил новые возможности для продвижения по службе во время похода. Поручив составить список способных моряков, в котором только служебные заслуги принимались во внимание, он во всеуслышание объявил о своем намерении продвигать поименованных в списке на открывающиеся вакансии.

Важным стимулом для своих подчиненных, как и лично для себя, Элфинстон считал призовые выплаты, которым в Британском флоте придавали большое значение. Элфинстон

---

¹⁹⁶ В частности, брата своей первой жены князя Ю. В. Долгорукова, находившегося при графе А. Г. Орлове.

¹⁹⁷ 15 сентября 1770 г. в Петропавловском соборе по случаю Чесменской победы Платон Левшин, отслужив молебен в честь победы, обратился к могиле Петра I: «Петр Великий воскрес, воскрес в Великой Преемнице своей Екатерине Второй <...> Дела, коими ныне Отечество наше прославляется, можно сказать, что или воскресший Петр, или паче вселившаяся в Екатерину Петрова душа, производит» (см.: Россия в Средиземноморье. С. 436).

с гордостью писал о том, что распространил на всех членов своей эскадры выплаты за взятые «призы», что порядок и размеры выплат были громко зачитаны и объявлены всем членам корабельных команд¹⁹⁸ еще в Портсмуте, и нужно отдать должное контр-адмиралу: предложенное им распределение денежных наград было для моряков значительно выгоднее того, что было прописано в русских регламентах.

Впрочем, на российских морских офицеров повлияли не только оговоренные Элфинстоном размеры выплат, но и правила, согласно которым захваченные или уничтоженные суда можно было рассматривать в качестве призов. Эти предложения нашли отражение и в тех инструкциях, что Элфинстон получил от Екатерины II (с. 164–165).

Для самого Элфинстона вопрос о вознаграждении, особенно о призовых деньгах, стал, пожалуй, не только темой длительной переписки с Адмиралтейством, Коллегией иностранных дел и лично с И. Г. Чернышевым. Этот вопрос стал важной побудительной причиной для создания его «Повествования».

После получения отставки и удаления из России Элфинстон особенно жаждал получить обещанные награды. Последняя часть его «Повествования» отражает беспокойство и окончательное разочарование суммой немногим более 10 тысяч рублей, которую он получил от российского правительства за подвиги в Архипелаге. Добавило ему обиды и то, что все пожалованные суммы были опубликованы в *London Gazette* для всеобщего обозрения, и это стало новым ударом по его самолюбию, так как он считал, что его подвиги преуменьшены, а его репутацию и прежде порочили публикации в европейской прессе¹⁹⁹.

В своих заметках Элфинстон жаловался, что расчеты пожалований, произведенные в Адмиралтействе в России, были «актом величайшей несправедливости» – особенно потому, что именно брандер с командой от его эскадры зажег турецкий флот при Чесме (а именно за Чесменское сражение все прочие командующие были осыпаны монаршими милостями).

Элфинстон закончил свое «Повествование» на этой ноте обиды на несправедливости в распределении наград и призовых денег. Свои призовые деньги он рассчитывал получить как командующий, что, как он настаивал, было даже «одобрено Ее императорским величеством» [в начале 1770 г.], когда эскадра еще стояла в Портсмуте. Невыплаченные призовые деньги позднее дали основание для требований и внука Джона Элфинстона, Александра Фрэнсиса, к российским императорам в 1820–1830-х гг.

Согласно одним подсчетам, Элфинстону причитались призовые деньги и пенсия, всего около 40 000 рублей²⁰⁰. В своих прошениях Александр Фрэнсис называл сумму в £150 000²⁰¹. Оба этих расчета исходили из положения о разделе наград за военные акции – захват, сожжение или причинение ущерба неприятельским кораблям, что было оговорено в Морском уставе 1720 г. (книга IV, глава 5). Остается только неясным, понимались ли в России XVIII в. эти военные акции как часть *призового права*, т. е. так, как их понимал Джон Элфинстон. До того как узаконения 1806 г. определили, что призом должны считаться как военные, так и торговые суда, взятые во время войны, в России, как показывают исследования, призами считались только торговые²⁰². А поскольку не сохранилось точных сведений, какие торговые суда были захвачены эскадрой Элфинстона, российское Адмиралтейство в XVIII–XIX вв. на требования о дополнительных выплатах отставленному контр-адмиралу постоянно отвечало отказом.

---

¹⁹⁸ В бумагах Адмиралтейств-коллегии этого периода не обнаружены подтверждения тому, что призовые комиссии следовали этому приказу, к большому огорчению для Элфинстона.

¹⁹⁹ The London Gazette. 1776. No. 11696 (August 27 – August 31). P. 3.

²⁰⁰ Downer M. The Queen's Knight. The extraordinary life of Queen Victoria's most trusted confidant. London: Corgi, 2008. P. 28.

²⁰¹ JEP. Box 1. Folder 5.

²⁰² Об этом см.: Leikin J. Prize law, maritime neutrality, and the law of nations in imperial Russia, 1768–1856. Ph.D. diss. University College London, 2016. P. 135–148 (этот вопрос будет подробнее рассмотрен в первой главе готовящейся к выходу монографии Ю. Лейкин).

Но разочарования постигали не только Элфинстона и его наследников. Непростым был опыт службы в Российской империи и других британцев. Однако когда по инициативе А. Г. Орлова Джона Элфинстона отозвали из Архипелага в Россию и британский посол лорд Каткарт сообщал, что контр-адмиралу был причинен *великий ущерб* («a great disservice had been done»), когда сам Элфинстон уверял, что «англичане разочаровались в российской службе» и стали покидать российский флот, оказалось, что его опыт мало кого отвратил от попыток сделать в России карьеру. Элфинстон не был первым, но отнюдь не был и последним иностранцем, чей опыт в России использовался, хотя далеко не у всех, как и у него, русская карьера была успешной.

Однако читатель «Повествования» Джона Элфинстона едва ли откажет контр-адмиралу Екатерины II в том, что его рассуждения о «*русской верности и чести*» содержат немало новых аргументов для тех, кто готов к взвешенной оценке западноевропейского влияния на военные успехи и просчеты Екатерины II.

Ю. Лейкин

КОЛЛЕКЦИЯ ЭЛФИНСТОНОВ В ПРИНСТОНЕ: АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Документы коллекции/архива Элфинстонов составляют более 700 листов разного формата 1770-х гг. и 1820–1838 гг., помещенных в четыре коробки (сплошная нумерация листов отсутствует, поэтому ссылки делаются на коробку – *box*). В состав коллекции входит также гравированный портрет Джона Элфинстона. Электронная копия коллекции была нам представлена Рукописным отделом Принстонской библиотеки в 2013–2014 гг. с правом публикации перевода и издания личных бумаг Элфинстонов на русском языке.

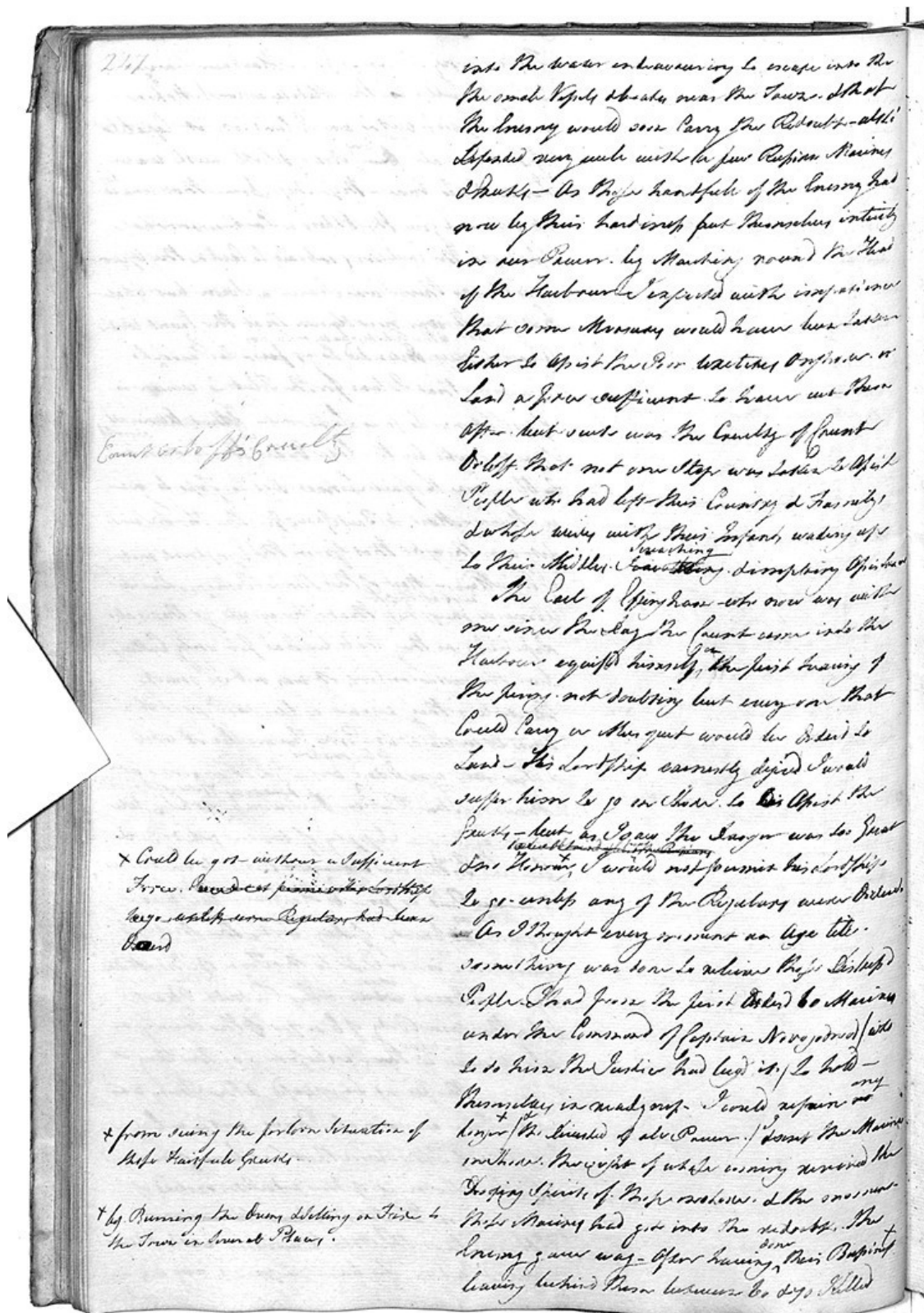
Основное место в коллекции занимает мемуарное «Повествование» Джона Элфинстона о его российской службе, которое сохранилось в четырех редакциях: в пространным авторском оригинале 1771–1782 гг. и трех позднейших редакциях XIX в.

Предлагаемый в этой книге перевод сделан по авторской редакции «Повествования» Джона Элфинстона. Текст этой редакции написан мелкой скорописью одной руки²⁰³, и сличение этого почерка с автографами Элфинстона на документах, хранящихся в архивах России и Британии, позволяет с уверенностью считать старшую редакцию автографом контр-адмирала (Box 3, четыре тетради: volume 1–4). Этот автограф представляет собой сшитые блоки *in folio* английской бумаги с водяными знаками 1770–1780-х гг.²⁰⁴ Обложки склеены из бланков документов Британского королевского флота.

---

²⁰³ При этом почерк начальной части – разборчивый, со старательным оформлением страниц – значительно отличается от беглого, весьма небрежного почерка второй – четвертой тетрадей. Текст, исправления чернилами и карандашом, комментарии на полях выполнены одним и тем же почерком. По характеру исправлений можно предположить, что автор возвращался к тексту неоднократно (см. илл. ниже).

²⁰⁴ Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam: Hertzberger, 1967. Тип близкий № 413 – 1775 г., 414 – 1780 г.

Автограф «Повествования» Джона Элфинстона (JER. Vox 3. P. 247)

Тетради сохранили авторскую правку: значительное количество дополнений и комментариев на полях, подчеркивания и зачеркивания, которые в переводе были по возможности восстановлены и отмечены. Первые три тетради имеют сплошную, хотя и со сбоем, пагинацию (стр. 1–101, 93–273); четвертая тетрадь имеет отдельную (вторую) пагинацию (стр. 1–

39), последние три страницы нумерованные. Вероятно, основной текст был создан в 1771–1773 гг. (в заглавии, которое указано на обложке второй тетради, стоит 1773 г. как дата завершения труда), но автор дополнял свое сочинение почти до конца жизни и завершил его письмом 1782 г. на имя графа И. Г. Чернышева.

Три позднейшие редакции «Повествования» Джона Элфинстона в 20–50-х гг. XIX в. создал капитан Британского флота Александр Фрэнсис Элфинстон, внук контр-адмирала²⁰⁵. Характер работы Александра Элфинстона над *второй редакцией* виден при сравнении двух списков этой редакции с авторским оригиналом (оба списка хранятся в Вох 4: черновой 182-страничный с многочисленными исправлениями и белой 198-страничный, нескольких почерков). Александр Элфинстон значительно *сократил* оригинальный текст «Повествования» деда, вымарав из него детали, которые показались ему неважными (например, технические подробности экипировки и управления парусными судами, описания мелких баталий, сведения о погоде, бытовые детали и т. п.) или не связанными с его обращенными к императорам Александру I и Николаю I просьбами возместить недоплаченные деду деньги. При этом в ряде случаев Александр добавил и «красок» в суховатый нарратив Джона Элфинстона²⁰⁶. Именно этот второй вариант, претерпев новую правку и сокращение (*третья редакция*), лег в основу издания, предпринятого Александром Элфинстоном: *Narrative of the Late Admiral John Elphinstone, During His Service in Russia, and Subsequent; Drawn Up from the Original Journals, Letters, and Documents [by] A. F. Elphinstone* ([s. l.: s. n.], 1838. 96 p.)²⁰⁷.

Насколько можно судить, позднейшая, *четвертая* редакция мемуарного сочинения Джона Элфинстона, в которой вторая редакция «Повествования» была дополнена биографическими сведениями, собранными Александром Элфинстоном о семье и британской службе деда, появилась после 1838 г. и была переписана аккуратным писарским почерком в середине XIX в. (Вох 2. Р. 3–279).

Помимо первой пространной редакции (*авторский оригинал* 1771–1782 гг.) и трех сокращенных редакций мемуарного сочинения Джона Элфинстона XIX в. существуют и краткие выборки из «Повествования» (объемом около 15 страниц), которыми Александр Элфинстон оперировал при подаче своих прошений в различные инстанции Российской империи (Boxes 1, 4).

Прочие документы, составляющие принстонскую Коллекцию Элфинстонов, образуют две группы. Одна группа содержит копии и подлинники документов, принадлежавшие Джону Элфинстону и процитированные или пересказанные в рукописи «Повествования». В нее входят: оригинальный «Абшит» (увольнение) контр-адмирала Джона Элфинстона от 19 июля 1771 г. за подписью Екатерины II (Вох 1); копии записок (Memorials), поданных Джоном Элфинстоном Екатерине II и английскому королю Георгу III на английском и французском языках (Вох 1); оригиналы и копии корреспонденции Д. Элфинстона, включая копиянные тетради писем, отправленных с 1 августа 1769 г. по июнь 1771 г. (Вох 2, «*Copy book of letters*», 63 копии писем, сшитые в тетрадь), писем к Джону Элфинстону (семи писем Н. И. Панина, одного письма И. Г. Чернышева и десяти писем А. С. Мусина-Пушкина – Вох 2: август 1769 – сентябрь 1770 г.); сборник приказов Джона Элфинстона по эскадре на английском языке

²⁰⁵ О том, как Александр унаследовал архив деда и как его использовал, см. выше с. 27–29.

²⁰⁶ Например, в оригинальной версии первая встреча Дж. Элфинстона с Г. А. Спиридовым описывается так: «Я встретил его на улице в засаленной шубе (*shūbe*) и с длинной бородой», а у Элфинстона-внука появляются дополнительные детали: «Меня неожиданно обнял и расцеловал кто-то в грязном засаленном халате (*in a dirty greasy dressing gown*), отороченном овчиной, и с не бритой несколько дней [зачеркнуто, вставлено *of some length*] бородой...».

²⁰⁷ См.: <https://catalog.hathitrust.org/Record/101834713>. Оцифрован был экземпляр Калифорнийского университета в Ирвайне (UC Irvine). Поиск по каталогу WorldCat пока позволил выявить только два сохранившихся экземпляра этого издания (второй – в библиотеке Гарвардского университета). Судя по плохому качеству книги и по тому, что не указаны ни место издания, ни типография, можно предположить, что книга была издана на средства Александра Элфинстона малым тиражом и в небольшой типографии.

(Вох 2); выписка из шканечного журнала корабля «Святослав» за май – июнь 1770 г. (Вох 1; 16 страниц). Отдельно в архиве хранятся и несколько писем 1774–1782 гг., в том числе послания Джона Элфинстона графу И. Г. Чернышеву (Вох 1).

Вторую группу документов архивной коллекции сформировали многочисленные бумаги Александра Фрэнсиса Элфинстона, связанные с его *денежными претензиями к Российской империи*: прошения капитана А. Элфинстона на имя императора Александра I (16 мая 1824 г.) и императора Николая I (4 марта 1830 г.) о выплате 149 187 фунтов стерлингов, которые, по мнению наследника, были недоплачены его деду, и о возвращении имения в Курляндии; прошение 1836 г. на имя министра финансов Е. Ф. Канкрин, ответы о производстве разысканий в морском ведомстве и о подтверждении отказов уплатить средства по претензиям А. Элфинстона (за подписями статс-секретарей Карла Нессельроде, Николая Лонгинова и начальника III отделения императорской канцелярии Александра Бенкендорфа) и проч. Последнее по времени письмо, адресованное посредничавшему в деле Александра Элфинстона британскому послу в России лорду Дарему, датировано 14 июня 1837 г. (оригинальные документы и копияльные списки А. Элфинстона преимущественно помещены в Вох 2; краткие сведения о претензиях, выдвинутых Александером Элфинстоном, и о предпринятых им шагах в России содержатся также в Boxes 1 и 4).

Ю. Лейкин, Е. Смилянская

***Русская верность, честь и отвага, представленные
в правдивом повествовании контр-адмирала Джона
Элфинстона, командовавшего эскадрой кораблей
Ее императорского величества и капитана флота
Его королевского величества, о российской морской
экспедиции 1769 и 1770 годов, составленном из
подлинных писем, документов и журналов, с описанием
приема, ему оказанного Санкт-Петербургским двором,
и всего случившегося с ним, когда он покинул этот
двор, сочиненном, чтобы добиться справедливости
от Императрицы за его признанную службу,
иллюстрированное планами и картами различных
морских предприятий и случайного сожжения почти всех
османских морских сил, посвященное Ее императорскому
величеству императрице всероссийской 1773 год²⁰⁸***

До того как я войду в подробности рассказа об экспедиции, следует показать, на каких условиях я принял приглашение на службу Ее императорскому величеству [далее зачеркнуто:] *на условиях, которые никогда не соблюдались, и так случалось с каждым иностранцем, который им служил, поскольку таков их принцип – никогда не позволять иностранцу ничего вывозить из их страны*.

Первый пункт моего договора заключался в том, чтобы увольнение с королевской службы было получено российским министром²⁰⁹ и половину моего [британского] жалованья²¹⁰ мне бы продолжали выплачивать во время моей службы в России. Королевское увольнение было российским министром получено, но с моим половинным жалованьем решить не удавалось, однако я был весьма удовлетворен графом Чернышевым²¹¹, который пообещал, что эти деньги я буду получать в России.

Во-вторых, я настаивал на получении чина, оклада и содержания вице-адмирала Великобритании²¹². Мне ответили, что это слишком высокое требование, чтобы выполнить его сразу, но что мне дадут чин старшего контр-адмирала, и, соответственно, при первом же удобном случае я получу следующее назначение вице-адмиралом; этим я и удовлетворился; и поскольку

---

²⁰⁸ Полное название дается на обложке второй тетради сочинения (JEP. Vox 3. Part 2). Планы и карты в сохранившемся списке отсутствуют.

²⁰⁹ Министр, т. е. дипломат. Граф И. Г. Чернышев был в ранге чрезвычайного и полномочного посла Российской империи при королевском дворе Британии.

²¹⁰ Половинное английское жалованье (half-pay) платили всем британским военным, которые оказывались без назначения (по сути, в запасе).

²¹¹ Элфинстон много раз меняет написание фамилии графа Чернышева («Cernichew», «Czenichew» и только в последней части записок «Czemichew»).

²¹² О значении офицерского ранга как маркера социального статуса в Британии XVIII в. см.: Wilson E. A Social History of British Naval Officers, 1775–1815. Woodbridge: Boydell Press, 2017. P. 185–222 и др.

императрица согласно подписанному ее послом графом Чернышевым акту (этот акт позднее он отрицал) добавила к моему назначению контр-адмиралом немедленное присвоение мне чина бригадного генерала и тысячу рублей годовых, я был также удовлетворен.

В случае любого несчастья, которое могло со мной приключиться, я требовал триста фунтов стерлингов годовых для моей жены и двух дочерей или для тех из них, кто останется в живых. Мне ответили, что по указу Петра Великого вдовы получают сумму, равную жалованью мужа, если они вновь не выходят замуж, а сыновья и дочери получают восьмую часть того же до известного возраста²¹³.

Было также согласовано, что, когда бы я ни вступил в службу, я буду командующим и получу восьмую часть всех призов, как и на английской службе²¹⁴. Все эти условия были согласованы без сомнения в том, что человек, представляющий своего суверена в качестве посла, будет соблюдать и то, что не занесено на бумагу, как написанное.

Единственное, мне оставалось получить увольнение от короля. Граф сел и написал государственному секретарю лорду Рочфорду²¹⁵ от имени Ее императорского величества записку с просьбой выдать мне разрешение для вступления в службу императрице. На следующий день посол [Чернышев] показал мне записку, полученную от графа Рочфорда, в которой, насколько я помню, было написано следующее: «Его Величество всегда рад удовольствоваться Ее Императорское Величество в этом и во всем остальном, что в его власти, и приказы, касающиеся капитана Элфинстона, будут отправлены в Адмиралтейство». При получении этой записки был назначен день моего отъезда, и я думал, что отныне должен заботиться только о том, чтобы быть к отъезду готовым, но несколько дней спустя я получил следующее послание от секретаря Адмиралтейства мистера Стивенса²¹⁶: «Мистер Стивенс выражает свои наилучшие пожелания капитану Элфинстону и оповещает его, что сэр Эдвард Хок²¹⁷ известил Адмиралтейство²¹⁸ о воле его величества отпустить Элфинстона на службу в качестве флагмана (*Flag Officer*) Российского флота. М-р Стивенс ожидал письма от капитана Элфинстона, желающего разрешения вступить на службу Ее императорского величества, и по этой причине капитан Элфинстон не получил официального увольнительного письма. В связи с изложенным м-р Стивенс будет рад видеть капитана Элфинстона в понедельник в Адмиралтействе в 12 часов. Суббота 17 июня».

²¹³ Морской устав 1720 г. Гл. IV. П. 8: «Вдовам и детям убитых или умерших в службе давано будет жалования их по сему: жене 8-я доля; детям каждой персоне 12 доля. Сроки дачи: жене от 40 лет и выше по смерть или замужество, а меньше 40 лет один раз годовое жалование мужнее, разве будет так увечна, что замуж идти будет нельзя, то против старой довать до смерти. Детям: мужескому полу до 10 лет, женскому полу до 15 лет. Сие тем, которые доходов своих не имеют столько, сколько б довелось им взять по сему регламенту» – ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 6. С. 58.

²¹⁴ Приз – захваченное военное или коммерческое судно. В отличие от Англии, в России во время войны 1768–1774 гг. еще выплачивали призовые деньги по морскому уставу 1720 г. (см. книга IV, глава IV «О награждении»; гл. V «О разделении добычи» («командирам – третья доля добычи... Аншеф-командующему 10-я доля с прочими флагманами из полученных... из взятых товаров – адмиралу 10-я часть...»); кн. V, гл. VI «О разделении добычи из призов невоинских»). В Англии к XVIII в. сложилась практика выплаты по долям. Доли выдавались по рангу из общей суммы проданного приза после оплаты всех расходов и налогов – см.: *Burchett J. A Complete History of the Most Remarkable Transactions at Sea. London, 1720. Preface*; см. также: *Baugh D. A. British Naval Administration in the Age of Walpole. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. P. 112–113, n. 72; McLeod A. B. British Naval Captains of the Seven Years' War: The View from the Quarterdeck. Woodbridge: Boydell Press, 2012. P. 145. О развитии призового права в Российской империи см.: *Leikin J. Prize law, maritime neutrality, and the law of nations in imperial Russia, 1768–1856. Ph. D. diss. University College London, 2016. P. 135–178.**

²¹⁵ Рочфорд Уильям (Earl of Rochford, William Henry Nassau de Zuylestein, 4th Earl of Rochford, 1717–1781), дипломат и государственный деятель. С 1768 по 1775 г. был одним из британских государственных секретарей.

²¹⁶ Стивенс Филипп (Stephens Philip, baronet, 1723–1809) был секретарем Британского Адмиралтейства в 1763–1795 гг.

²¹⁷ Хок Эдвард (Hawke Edward, 1st Baron Hawke, 1705–1781), адмирал британского флота с 1766 по 1771 г. Первый лорд Адмиралтейства. О нем см.: *Mackay R. F. Admiral Hawke. Oxford: Clarendon Press, 1965.*

²¹⁸ Board of Admiralty – совет лордов Британского Адмиралтейства, заседавший под председательством Первого лорда Адмиралтейства; ведал организацией британского флота с 1628 по 1964 г. Совет отвечал перед королем и парламентом по всем военно-морским вопросам. Совет заседал в центре Лондона в Уайтхолле, где располагались и все государственные конторы. Подробнее о его полномочиях и деятельности см.: *Baugh D. A. British Naval Administration in the Age of Walpole. P. 29–92.*

Я явился к м-ру Стивенсу в назначенное время и по его требованию под диктовку написал следующее письмо:

Сэр, имея приглашение служить в качестве флагмана Ее величеству императрице всея России, я прошу почтенную комиссию лордов Адмиралтейства о разрешении вступить в указанную службу.

Ваш

Д. Э.

Филипу Стивенсу, эсквайру, секретарю Адмиралтейства.

Поскольку Филип Стивенс, секретарь Адмиралтейства, пожелал поставить на письме дату 8 июня, то он тут же вручил мне следующее увольнительное письмо, датированное в конторе Адмиралтейства 9 июня 1769 г.:

Сэр,

Зачитав лордам-комиссарам Адмиралтейства Ваше письмо от 8 июня о желании получить разрешение вступить на службу императрице России во флагманской должности, я получил приказ их сиятельств лордов сообщить Вам, что во исполнение воли Его величества, переданной им сэром Эдвардом Хоком, они с удовольствием дают Вам увольнение, чтобы Вы могли отправиться во владения императрицы России и вступить в службу Ее императорского величества на флагманскую должность согласно Вашему прошению при условии, что Вы вернетесь в Англию тогда, когда потребуетесь, или по особому желанию их сиятельств лордов, или по публичному извещению, напечатанному в Лондонской Газете (*London Gazette*²¹⁹), и что Вы при первой же возможности передадите мне для сообщения их сиятельствам аттестат от посла Его величества при дворе в Санкт-Петербурге, когда Вы вступите на российскую службу.

Ваш, сэр, покорнейший слуга

Филип Стивенс.

Я не стану занимать время моих читателей, прилагая к сему утомительный морской журнал всего путешествия, а приведу лишь записи о некоторых решающих моментах, которые должны повергнуть в изумление моряков всех наций.

Таким образом, я начинаю свое повествование с моего приезда в Санкт-Петербург и вставляю в повествование письма согласно их датам.

Прибыл я в день годовщины вступления на российский престол Ее императорского величества²²⁰ и имел честь на следующий день впервые быть представленным всему двору. Любезный прием, которым я был удостоен от Ее величества, великого князя и большинства дворянства, наполнил меня столь сильной благодарностью, что я задумался, смогу ли в полной мере проявить свои возможности на службе России. Любезный комплимент, который мне сделала императрица во время моего ей представления, выказал остроту ее ума. Поскольку я очень плохо говорил по-французски, я попросил английского посла лорда Каткарта²²¹, который был поблизости, принести от моего имени извинения Ее величеству за мой плохой французский. На это императрица ответила [лорду Каткарту]: «Скажите ему никогда не пробовать говорить

---

²¹⁹ *London Gazette* – британская правительственная газета, выходящая с 1665 г.

²²⁰ Имеется в виду семилетняя годовщина переворота 28 июня/9 июля 1762 г., приведшего Екатерину II к власти. В 1769 г. ее праздновали в Петергофе.

²²¹ *Cathcart Charles Schaw, 9th Lord Cathcart* (1721–1776), глава старинного шотландского рода, британский посол при дворе Екатерины II в 1768–1772 гг. О нем см. выше с. 67–69.

по-французски, но выучить русский, хотя он не говорит хорошо по-французски, я слышала, что он заставлял французов понимать его»²²².

На следующий день были именины Его высочества великого князя²²³. Я получил чин контр-адмирала²²⁴, и мой старший сын²²⁵ был произведен в офицеры, при этом я и мой сын имели честь быть допущенными императрицей к руке. Нам отвели апартаменты при дворе, и мы были удостоены чести обедать и ужинать с великим князем каждый день, [дворцовые] лошади и экипажи были в нашем распоряжении на все прочие удовольствия. Великий князь был столь отменно расположен к моим сыновьям, что я видел, как он целовал их по 20 раз на дню, и заметил, какую зависть это вызвало у придворных.

С момента моего прибытия я видел, что в Кронштадте²²⁶ флот оснащали к отплытию, я воображал, что этот флот предназначен мне как командующему, и некоторое время флот находился в ожидании, но командовать им в конце концов был назначен адмирал Спиридов²²⁷.

Прошли три недели, и я ничего не слышал о своем назначении, не мог я также увидеть и кораблей, которыми должен был командовать, а находиться под началом другого я не мог согласно подписанному [в Лондоне] договору.

Примерно в это время великий князь показал мне список из трех линейных кораблей и двух фрегатов, которые отметил адмирал Спиридов и которые крейсировали на Балтике, и сообщил мне, что им были отданы приказы вернуться в Кронштадт, чтобы встать под мою команду. Через один или два дня граф Панин пожелал видеть меня вечером в своих апартаментах вместе с капитан-лейтенантом Волчковым, [приписано:] *который до того был в Английском флоте*, в качестве моего переводчика²²⁸, чтобы познакомить меня с адмиралом Спиридовым. Когда мы встретились, граф Панин пожелал, чтобы я отправился поутру в Кронштадт, дабы посетить флот [карандашом сверху исправлено:], *эскадру*, адмирала Спиридова, осмотреть его состояние и составить о том рапорт, и что адмирал должен встретиться со мной и при-

²²² Императрица, вероятно, имела в виду участие Элфинстона в сражениях с французами в Семилетнюю войну, а возможно, и конкретную операцию 24 января 1761 г. против французского судна «Félicité». Об этой операции много писали в газетах, а биограф контр-адмирала Александер Элфинстон даже предположил, что за операцией с берега близ Гааги наблюдал и «русский министр», затем порекомендовавший Элфинстона императрице. Но данные о «русском министре» никак не находят подтверждения.

²²³ Именины великого князя Павла Петровича отмечались 29 июня/10 июля в день свв. апостолов Петра и Павла.

²²⁴ 30 мая/10 июня принят был на службу капитаном бригадирского ранга, а 29 июня/10 июля сверх комплекта произведен в контр-адмиралы (ОМС. Ч. 5. С. 399; Дела Адмиралтейств-коллегии по части Средиземного моря и Архипелагской экспедиции – РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 58. Л. 137).

²²⁵ Старший сын *Джон* (род. 14 августа 1756 г.) стал мичманом российского флота 29 июня/10 июля 1769 г., когда ему не исполнилось и тринадцати лет; *Самюэл Уильям* (род. 11 марта 1758 г.) стал мичманом 1/12 октября 1769 г. в возрасте одиннадцати с половиной лет. В июле 1771 г. вместе с отцом оба сына были уволены со службы в чине лейтенанта российского флота. См.: МИРФ. Ч. 11. С. 363, 493. Об их российской службе см.: ОМС. Ч. 5. С. 400–402.

²²⁶ Элфинстон название российской военно-морской базы пишет с ошибками: *Constadt*, *Constradt* и только с л. 7 – *Cronstadt*.

²²⁷ Г. А. Спиридов был назначен командующим первой эскадрой еще 20/31 марта 1769 г., но его назначение долго держалось в секрете (Секретный высочайший указ Адмиралтейств-коллегии от 20 марта 1769 г. см.: МИРФ. Ч. 11. С. 360–361).

²²⁸ *Волчков Даниил Григорьевич* (? – после 1812?) в 1752 г. стал учеником Морской академии; в 1762 г. унтер-лейтенант Волчков был отправлен с группой российских морских офицеров для стажировки на Британский флот и там определен «в вояжи в Средиземном море и Лиссабоне». В 1767 г. уже состоял в чине капитан-лейтенанта, плавал командиром судов в Балтийском море (МИРФ. Ч. 11. С. 11, 42; ОМС. Ч. 2. С. 81; о его учебе и службе см.: *Феофанов*. С. 38). О Волчковых позднее вспоминал Н. Г. Левшин: «Даниил Григорьевич Волчков и супруга его Марья Михайловна, урожденная Ртищева, тетка матери моей, – чета самая почтенная и дом их был один из приятнейших в Москве... Даниил же Григорьевич был учителем навигации императора Павла I и щедро награжден был от государя. Кроме чина действительного статского советника и анненской ленты 1-й степени, получил много денег и подарков, между прочим, пожаловано 5000 душ крестьян Марье Михайловне, „на булавки“, так именно и сказано. Старичок Волчков был очень скуп и собрал много. Часто любил рассказывать сон свой: когда он был еще в молодости очень беден, то видел во сне, что Божия Матерь ему подала кошелек с деньгами; он тотчас же приказал написать икону Богородицы, подающую ему кошелек, и что он, стоя на коленях, принимает дар. Сей образ всегда стоял у него в кабинете. Г.г. Волчковы, после нашествия французов, вскоре оба скончались в глубокой старости. Детей у них не было» (*Левшин Н. Г.* Домашний памятник Николая Гавриловича Левшина. 1788–1804 / Публ. и примеч. Н. П. Барышникова // Русская старина. 1873. Т. 8. № 12. С. 823–852).

казать всем своим капитанам и офицерам приветствовать меня и быть в моем распоряжении. Я был поражен таким требованием, предвидя, что оно вызовет ревность, я пожелал как-то отговориться от него, понимая, насколько странным может выглядеть, когда младший по чину инспектирует корабли старшего по чину; но никакие мои отговорки не были приняты во внимание. Рано утром следующего дня капитан Волчков ожидал меня на одном из ботов великого князя, чтобы отправиться в Кронштадт.

Я прибыл к адмиралу Спиридову, но его не оказалось на месте, вскоре я встретил его на улице в засаленной шубе и с длинной бородой. Он обнял меня с поцелуем Иуды, за что я хотел послать его к дьяволу, так как менее стойкого человека такой поцелуй мог бы отравить.

Я сказал ему, что собираюсь подняться на суда для осмотра его эскадры, ожидая, что я буду принят как офицер и что капитаны на местах готовы принять меня. Я сразу направился на корабли, но обнаружил, что на некоторых кораблях не было даже лейтенанта, не видно было и того, чтобы у них что-то делалось. Какие-то сведения мне удалось получить от некоторых шкиперов [приписано:] *или мастеров* (*skippers, or masters*), и увиденное привело меня к заключению, что я и не пожелал бы здесь командовать.

После того как я навел какие смог справки, я явился к адмиралу Спиридову и не сдержался, говоря о своем разочаровании, потому что не встретил на кораблях ни одного офицера, хотя ожидал, что адмирал отдаст приказы своим капитанам встречать меня, что и было согласовано с графом Паниным. Он отговаривался, что некоторые больны, а других нет на месте, но это было ложью, поскольку он отдавал им приказы ожидать его на военном совете, который он проводил ежедневно, а порой и дважды на день.

Подготовленный мною отчет графу Панину был не весьма благоприятным для эскадры. В то же время, видя полнейшее невежество в том, как следовало обеспечить успех экспедиции и сохранить жизнь ее участников, я счел своей обязанностью, получив на то дозволение, представить императрице следующее предложение²²⁹:

Контр-адмирал Элфинстон покорно предлагает Ее императорскому величеству мнение, чтобы эскадра судов могла быть скорейшим образом снаряжена для блокады Геллеспонта и остальной флот, предназначенный для этой службы, отправился как можно скорее.

Если эскадру из 10–12 линейных кораблей (с двумя бомбардирскими и двумя или более брандерами, и чтобы по две гаубицы 6- или 7-дюймового калибра были на борту каждого линейного корабля, если не будет бомбардирских), подготовят к отплытию к 1 августа, то он нижайше предлагает с помощью Всевышнего силой проложить путь в Константинополь.

Для здоровья людей нужны еще и *госпитальные суда* вместо трех пинков, которые тяжелы в плавании.

Два старых 66-пушечных корабля можно снарядить, превратив их в 50-пушечные или во фрегаты, с мачтами, реями и легким такелажем, укомплектованные людьми, как на фрегатах, с орудиями, поднятыми на верхнюю палубу и на шканцы, а орудия с нижних деков поместить в трюмы, чтобы достаточное количество гамаков можно было закрепить на нижних палубах, а также несколько запасных гамаков могут быть размещены под средней палубой; они послужат в теплом климате для выздоравливающих.

---

²²⁹ Эта записка не совпадает с известной запиской Элфинстона от июля 1769 г., имеющей резолюцию императрицы «Исполнить по возможности». Ср.: Записка контр-адмирала Элфинстона о тех вещах, которые приготовить следует к вооружению ожидаемых в Кронштадте из флота вице-адмирала Андерсона кораблей и фрегатов, дабы тем оные привести в состояние к предприятию столь дальнего намериваемого пути (МИРФ. Ч. 11. С. 380–382). Ответы Адмиралтейства от 20 июля 1770 г. также последовали на пункты записки, опубликованной в МИРФ и мало совпадающей с текстом записки, приведенной здесь Элфинстоном (ср.: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 157 об. – 164 об.).

Иметь достаточное количество риса, ячменя, изюма, смородины, сахара, сего [саго?]²³⁰ и прочего с большим количеством коры хинного дерева²³¹, также иметь закупленные в Англии порошки доктора Джеймса от лихорадки²³² из расчета 50 порошков на каждую сотню человек экипажа на каждом судне эскадры²³³.

Чтобы женщинам-сиделкам было разрешено по десять человек находиться на госпитальных судах, так как они обычно более осторожны и внимательны к больным и будут стирать их белье; для стирки нужно снабдить корабли мылом.

Чтобы лекарь²³⁴ и шесть ассистентов [подлекарей] могли быть взяты на борт каждого госпитального судна.

Чтобы достаточное количество постельного белья грубого холста было распределено на каждый гамак.

Если не будет времени на обшивку всех судов, то достаточное количество обшивных досок, гвоздей и [конского] волоса может быть распределено во флоте, чтобы сделать двойную обшивку, когда служба это позволит²³⁵.

Чтобы прорубить иллюминаторы через один порт нижнего дека на каждом корабле эскадры так, чтобы не ослабить корабль.

Чтобы снарядили госпитальные суда, и они служили в случае надобности или как брандеры, или как дымовые корабли (*smokeships*).

Чтобы было большое количество зажигательной смеси и огнезапальных шнуров, чтобы пороховая смесь с истолченным тростником была плотно закрыта в бочках; и погрузить все это на борт в особо сохранной части корабля.

Чтобы 4 трубы или дымохода соорудить на каждом госпитальном судне, по одной трубе с каждой стороны от фок- и грот-мачт высотой в 15 футов от палубы, это послужит для вентиляции, а также отведет пламя от такелажа и парусов.

Чтобы перегородки камбузов (*the frames of the galleys*) были спущены на берег и удалось высвободить место для воды, которой, кажется, не запасаются в пропорциональных количествах.

---

²³⁰ *Cego (sego)* – растение семейства лилейных, произрастающее преимущественно в Америке. Лекарственные свойства и причины включения его Элфинстоном в список неясны. Вероятно, правильно *sago*: крахмалистый продукт, получаемый из ствола саговой и других пальм. Опыты с саго для предотвращения цинги проводил современник Элфинстона врач Британского флота Джеймс Линд.

²³¹ «*Jesuit Bark*» (иезуитская кора, кора хинного дерева) – испанский иезуитский миссионер, натуралист Бернабе Кобо стал использовать хинин (кору хинного дерева) для лечения лихорадки и в 1632 г. привез это средство в Европу.

²³² «*Dr. James's fever powder*», средство от лихорадки, запатентованное в 1746 г. английским врачом Робертом Джеймсом (1703–1776), который лечил им от различных болезней (начиная с подагры и цинги до чумки у животных). Хотя эффективность этого средства неоднократно ставилась под сомнение, его продолжали использовать до XX в. См.: *Corley T. A. B. Robert James // Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford: Oxford University Press, 2004. Vol. 29. P. 732–733.

²³³ Эти методы были разработаны в Англии для предотвращения цинги и других морских заболеваний, и Элфинстон демонстрирует знакомство с новейшими медицинскими методиками. О применении медицинских новаций в английском флоте см.: *Lincoln M. Representing the Royal Navy: British Sea Power, 1750–1815*. Aldershot: Ashgate, 2002. P. 163–165.

²³⁴ Элфинстон использует здесь и далее термин *surgeon*, эквивалентом которого в российских ведомостях по госпиталю является слово *лекарь*, *assistant surgeon* – подлекарь. Зд. и далее мы переводим *surgeon* как *лекарь*. Об английской системе медицинской службы во флоте см.: *Rodger N. A. M. The Wooden World: An anatomy of the Georgian Navy*. London: Fontana Press, 1986. P. 20; *Lincoln M. Representing the Royal Navy: British Sea Power*. P. 161–162. О штате госпиталя в Архипелагской экспедиции см.: Смилянская Е. Б. Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015. С. 211.

²³⁵ О специальных работах по обшивке судов, чтобы предохранить их в южных морях от червоядения и гниения, см., например: *Гребенищикова Г. А. Чесменская победа: триумф России в Средиземном море: флот, война, политика*. СПб.: Остров, 2015. С. 119–120.

Чтобы дополнительные боты можно было снять, а шлюпки лучшей для службы конструкции могли бы поместиться на их место.

Чтобы десять тысяч боевых комплектов (*stand of arms*) можно было распределить на судах, дабы вооружить, сколько возможно, греков с островов²³⁶.

Ее величество милостиво разрешила вручить ей это предложение в гостиную после окончания приема, поскольку я имел честь обедать с императрицей и продолжал жить при дворе в каждодневном ожидании прибытия эскадры, которой я должен был командовать. Но этого не случилось до 29/4 [sic!] августа.

В тот же самый день [на самом деле 17/28 июля 1769 г.] после обеда императрица отправилась по суше в Ораниенбаум²³⁷ и оттуда с несколькими приближенными поднялась на свою яхту, чтобы посетить эскадру под командованием адмирала Спиридова перед ее отплытием. Эскадра теперь была готова к походу.

Я добрался до Кронштадта на одном из ботов великого князя как раз тогда, когда была императрица. Я нашел ее с приближенными на борту адмиральского корабля «Св. Евстафий», где она полчаса ожидала, прежде чем появился адмирал, который слишком долго спал после обеда или слишком много выпил до него. Однако императрица, преисполненная доброжелательности и любезности, опустила это обстоятельство; через несколько минут они поднялись на квартердек, и императрица возложила на плечи адмирала Спиридова красную ленту ордена Св. Александра Невского, а капитаны этой эскадры Грей²³⁸ и Барш²³⁹ были произведены в командоры бригадирского ранга²⁴⁰. Затем императрица вернулась в Ораниенбаум.

Я же отправился на корабли, которыми должен был командовать, и нашел полную разруху. На них снимали паруса. Казалось, что офицеры были угнетены необходимостью готовиться к выходу в море и представляли, что за ними послали только ради того, чтобы все размонтировать из-за скорого наступления зимы. Этот сезон приближался, и большинство людей придерживалось мнения, что вторая эскадра не успеет подготовиться, особенно в связи с тем, что ее суда были в худшем положении, чем ежели бы они только что были спущены на воду; их

²³⁶ При обсуждении этого предложения в решении Адмиралтейств-коллегии записано: «13. На всякой случай не запотребно ли признано будет на сию эскадру положить около пяти тысяч мелкого ружья и несколько пистолет и шпаг для вооружения быть могущих иногда волонтеров из греков. – Против сего в очистке написано: по представлению сево отказано» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 160 об.).

²³⁷ Ораниенбаум – императорская резиденция, расположенная на южном побережье Финского залива, ближайшая к Кронштадту пристань.

²³⁸ Грей Самуил Карлович (1735–1788), шотландец, один из самых выдающихся флотоводцев своего времени. На российской службе с 18/29 июня 1764 г. как капитан 1-го ранга. При Чесме командовал авангардом, за что получил орден Св. Георгия 2 степени. С 1775 г. вице-адмирал и главный командир в Кронштадте. С 1782 г. адмирал. В 1788 г. командовал русским флотом в войне со Швецией; за отражение шведского флота в битве при Гогланде пожалован высшим орденом Св. Андрея Первозванного. На его внезапную смерть от лихорадки на борту его флагмана Екатерина II отозвалась словами: «великая потеря, государственная потеря» (ОМС. Ч. 3. С. 437–440). О Грее существует большая литература, см., например: Крючков Ю. С. Самуил Карлович Грей, 1735–1788. Изд. 2-е, перераб. и доп. Николаев: Наваль, 2008; Cross A. Samuel Greig, Catherine the Great's Scottish Admiral // *Mariner's Mirror*. 1974. Vol. 60. No. 3. P. 252–265; Warner Richard H. Greig, Sir Samuel (1735–1788) // *Oxford Dictionary of National Biography*. Vol. 23. P. 697–698.

²³⁹ Барш Иван Яковлевич (1728–1806) во флоте с 1736 г., начинал «волонтиром», вероятно, при отце – тогда капитане, а позднее вице-адмирале Якове Саввиче (вар. Савиче) Барше; с 1788 г. командир Архангельского порта, с 1790 г. адмирал (ОМС. Ч. 2. С. 30–32).

²⁴⁰ Грей вспоминал об этом: «Когда флот был вооружен и совершенно готов к отплытию, Ее величество, во внимание к тому, что экспедиция эта была первая, посылаемая в столь отдаленные страны и в таком роде, всемиловейше удостоила флот своим посещением 17 июля 1769 года, за день до отплытия его из Кронштадта. По прибытии на корабль „Евстафий“, на котором адмирал Спиридов имел свой флаг, она возложила на него орден Святого Александра Невского, произвела капитанов Грейга и Баржа в капитан-командоры и приказала выдать всем чинам флота четырехмесячное жалованье не в зачет, а потом повелела флоту отправиться в море. – [Грей С. К.] Собственноручный журнал капитана-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга // *Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма*. М.: Военное издательство, 1994. С. 89–90, далее ссылки на это изд.: Собственноручный журнал капитана-командора С. К. Грейга.

теперь нужно было полностью разобрать, их амуницию и провизию сгрузить на берег, чтобы повалить их набок.

Мачты, реи, паруса, снасти, блоки, шлюпки, как говорили, были в хорошем состоянии, и для меня было естественно предполагать, что все это соответствует действительности, поскольку они должны были в течение трех недель быть готовы к выходу из Ревеля (где их снаряжали для летнего плавания), да и Адмиралтейство настаивало на том, что иначе и быть не может. Но первое обследование показало, что все было прогнившим и негодным. Однако еще большим несчастьем было то, что на складах не оказалось никаких запасных материалов. Трудно поверить, что в стране, которая снабжает пенькой всю Европу, на складе не нашлось и фунта пеньки, так что пришлось купить 30 тонн пеньки у наших [английских] купцов²⁴¹. Не смог я найти и приемлемой снасти, чтобы можно было крепить даже купеческое судно²⁴².

Задолго до того, как было повалено первое судно, я попросил несколько новых мачт, чтобы иметь их под рукой на случай аварии (ибо они поваливают судно за обе мачты). Если они не понадобятся, они останутся про запас. Но Адмиралтейство не прислушалось ни к каким предложениям, наоборот, первоприсутствующий в Адмиралтействе адмирал Мордвинов²⁴³ из ревности противодействовал всем моим приказам.

Не мог я также заставить моих капитанов исполнять их обязанности: из нежелания выходить в море в позднее время года они на все от меня требовали письменных приказаний, тогда как я не мог давать таких приказов по той причине, что данный мне секретарь очень плохо понимал по-английски и совсем не знал голландской морской терминологии, которую русские получили от голландских офицеров, нанятых еще Петром Великим²⁴⁴.

Пока разоружали суда и одно стали килевать, я отправился в Санкт-Петербург, чтобы подать жалобы на офицеров и на службы, с которыми приходилось иметь дело, а также добыть достаточное количество обшивочных гвоздей (а они используют гвозди размером от двух дюймов до штырей в 7 или 8 [дюймов] или длины в дюймах вдвое большей).

На третье утро после моего приезда в Санкт-Петербург личный секретарь императрицы генерал-майор Стрекалов²⁴⁵ сделал мне честь, почтив меня визитом, и выразил желание, чтобы я посетил ту часть дворца, на которую он мне укажет. Он велел спросить о нем у любого пажа и сообщил, что Ее императорское величество приказала ему привести меня в ее покои к 10 часам утра и захватить с собой моего секретаря. После представления Ее императорскому

²⁴¹ По данным, собранным Хербертом Капланом в Британских архивах, в конце 1760-х гг. из России вывозилось почти 22 000 тонн пеньки в год. Русская пенька составляла от 88% до 91% пеньки в Велкобритании. См.: *Kaplan H. Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine II. Philadelphia: American Philosophical Society, 1995. P. 66–69.*

²⁴² На купеческое судно нужно значительно меньше пеньковых снастей, чем на военный корабль.

²⁴³ *Мордвинов Семен Иванович* (1701–1777), адмирал (с 1764 г.), вице-президент Адмиралтейств-коллегии. В решениях Адмиралтейств-коллегии есть протокол от 20 июля, в котором значится: «По данным за подписанием собственные Ея императорского величества руки господину адмиралу и кавалеру Мордвинову в 14-го сего июля Ея императорское величество поручает особливому попечению ево отправление отсюда контр-адмирала Елфинстона во вверенными ему караблями и для того желает, чтоб он его, Елфинстона, без дальних канцелярских переписок снабдил всем тем, чего он от него <...> требовать будет, а чтобы и по ево для сего требованиям адмиралтейская коллегия немедленные отпуска чинила» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 157 об.). Сам С. И. Мордвинов упоминает в мемуарах, что из-за отправки эскадры Элфинстона ему приходилось часто ездить в Кронштадт, только за девять дней октября – «пять раз» (Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою / [С примеч. и предисл. С. Елагина]. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1868. С. 41).

²⁴⁴ См.: *Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA: Belknap, 2004. P. 40–96, 398–409; Avery R. Foreign Influence on the Nautical Terminology of Russian in the Eighteenth Century // Oxford Slavonic Papers. 1981. Vol. XIV. P. 73–92; Кротов П. А. Об использовании голландского военно-морского законодательства при разработке уставных положений российского флота во второй половине XVII – первой половине XVIII в. // Источниковедение: поиски и находки. Сб. научных трудов. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 2000. Вып. 1. С. 120–130; Он же. Голландцы и фламандцы в российском флоте в петровскую эпоху // Голландцы и бельгийцы в России, XVIII–XX вв. = Noord- en Zuid-Nederlanders in Rusland / Нидерланд. Рос. арх. центр (НРАЦ) – Гронинген; под ред. Эммануэля Вагеманса, Ханса ван Конингсбрюгге; пер. с нидерланд. Д. Сильвестрова. СПб.: Алетейя, 2004. С. 290–302.*

²⁴⁵ *Стрекалов Степан Федорович* (1728–1805), кабинет-секретарь Екатерины II в 1771–1774. См.: РБС. СПб.; М., 1909. Т. 12. С. 464. Элфинстон называет его *Major General Stragalloff*.

величеству, во время которого присутствовал только господин Стрекалов, а императрица была одета в простое домашнее платье²⁴⁶, императрица спросила меня, когда, по моему мнению, моя эскадра сможет уйти в плавание. Я ответил, что не думаю, что смогу отплыть в этом году, поскольку столкнулся со множеством отсрочек от государственных служб и особенно от Адмиралтейства, с медлительностью офицеров в исполнении их обязанностей, с нуждой в припасах, так что я стал терять всяческую надежду на скорое плаванье. Мои слова произвели впечатление, императрица внезапно переменялась. Она в ярости повернулась и приказала господину Стрекалову немедленно послать за главным адмиралом Адмиралтейства Мордвиновым²⁴⁷.

Ее императорское величество затем отметила, что «Святослав» (84-пушечный корабль из эскадры адмирала Спиридова) возвращается назад в Ревель, она выразила удивление, потому что «Святослав» был новым кораблем²⁴⁸, и поинтересовалась, не думаю ли я, что такое происходит от его неспособности нести паруса. Я ответил, что слышал до того, как корабль покинул Кронштадт, что то ли по недосмотру, то ли по незнанию на правильную укладку балласта или размещение припасов обращали очень мало внимания. Я объяснил это в наилучшей манере, как мог, чтобы императрица меня поняла, затем поклонился и отступил, но едва я дошел до двери, императрица позвала меня назад и приказала мне не упоминать никому того, что произошло, и что все мои приказы в будущем будут исполняться.

На следующее утро один из чиновников кабинета привез мне сотню империялов по 10 рублей каждый, [или] 200 фунтов стерлингов в подарок от императрицы.

Поскольку граф Панин всегда меня приглашал отобедать к столу великого князя, я сообщал ему обо всех моих жалобах и о желании не задерживаться в городе, так как я был уверен, что ничего не будет сделано в [Кронштадте] в мое отсутствие. Он говорил, что я смогу отбыть через несколько дней и что на следующий день он пошлет за адмиралом Мордвиновым. Я передал графу список снастей, которые мне были безотлагательно нужны (поскольку на «Не Тронь Меня» ожидали тросы, чтобы соорудить ванты).

На следующий день адмирал Мордвинов обедал у великого князя. После обеда, когда граф, адмирал Мордвинов и я выходили в апартаменты графа Панина²⁴⁹, адмирал Мордвинов мне пообещал сделать со своей стороны все возможное и уверил, что все упомянутые мною снасти уже находятся в Кронштадте. Не без труда я покинул графа Панина, у которого уже не было более до меня дел, но после недельного отсутствия я обнаружил, что в Кронштадте сделано было очень мало.

Более всего меня поразили два линейных корабля, которые первыми уже были килеваны. На них не взяли ничего из их провизии, хотя приказы были даны и там не имели никаких

²⁴⁶ Элфинстон использует выражение *in an undress*. Хорошо известно, что до полудня императрица занималась делами в домашней одежде – шлафроке и чепце; ее парадный туалет начинался после этого делового утра.

²⁴⁷ Еще 14 июля адмирал Мордвинов назначался главным по экипировке Архипелагской экспедиции. В Журнале протоколов Адмиралтейств-коллегии записано: «Ея имп. величество поручили адмиралу Мордвинову исправить некоторую комиссию, чего ради она коллегия имеет по его требованию во всем немедленно удовольствие делать» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 163).

²⁴⁸ Торжественный спуск на воду «Святослава» состоялся только 17/28 мая 1769 г. в присутствии двора и дипломатического корпуса. Супруга британского посла лорда Каткарта записала в свой Журнал: «29 [May 1769] Вчера был совершен торжественный церемониал спуска на воду 80-пушечного корабля в присутствии императрицы, великого князя, всего двора, зарубежных министров и т. д. Происходил церемониал освящения корабля и присвоения ему имени, который совершали несколько священников, которых называют протопопы. <...> бесконечно прекрасная сцена при множестве наблюдателей на берегу и на воде, яркость дня, вид красивых зданий, люди веселы, нарядны, лодки, яхты и проч. и корабль создавали перспективу, которую воображение может только нарисовать... Императрица в капитанской каюте устроила прием, и наш [британский] соотечественник капитан этого корабля Джеймс Лонстраeten (James Lonstraeten) и еще 60 человек имели честь припасть к руке императрицы. Я была довольна увидеть моих соотечественников столь полезными. Пушки палили на Адмиралтействе, все было произведено надлежащим образом. Императрица и великий князь не стали в этот раз обедать, как это было три года назад, когда в прошлый раз спускали корабль, но большинство придворных и иностранных министров обедали. Все закончилось к 7 часам вечера...» (NLS. MD. Acc. 12686/5 (Papers of the family of Cathcart). Листы не нумерованы).

²⁴⁹ Граф Н. И. Панин как воспитатель великого князя жил при покоях своего воспитанника в Зимнем дворце.

иных дел. Несмотря на заверения адмирала Мордвинова, то, в чем он меня убеждал, оказалось неправдой: снасти все так же находились на складах в Санкт-Петербурге.

Уже некоторое время я имел при себе нового переводчика, или секретаря, который понимал оба языка, но был малодостойным человеком. Звали его Ньюман²⁵⁰. В сезон деловой активности он был занят с английскими купцами, помогал в проверке счетов и учил нескольких детей в [Английской] колонии (*factory*)²⁵¹ читать и писать; тем и зарабатывал на пропитание. Он был в восторге от моего предложения платить ему 100 фунтов стерлингов в год. И поскольку теперь я имел все основания ожидать, что мои распоряжения будут правильно переведены, я выпустил следующий приказ, поняв, что недостаточно общего приказа, сделанного, когда я только принял на себя командование. Обладая достаточными полномочиями от императрицы, я осознал, что только угрозы заставят людей, с которыми я имел дело, худобно исполнять свои обязанности. Не было и речи о том, чтобы они напрягали свои силы, а все, что они знали и о чем пеклись, прикрываясь Морским уставом Петра Великого, – это последовательно противопоставлять статьи Устава моим приказам. Они придирались к каждому приказу, который я выпускал, но следующий приказ просто привел их в ярость²⁵²:

От его высокопревосходительства контр-адмирала Элфинстона, командующего в Кронштадте.

По имянному Ее императорского величества приказу, мне сообщенному, которым велено эскадре, мною командованной, в совершенстве привести с наискорейшею поспешностью и не быть никакого недостатка в должности вас самого²⁵³, офицеров ваших и корабельных ваших служителей, того ради сим вам велено следующее наблюдать под опасением вашим за послушание, а имянно: быть вам на корабле при должности вашей каждое утро в пять часов или ранее того к смотру офицеров и служителей вашего корабля, а смотр сей учинить вам каждое утро в пять часов, об отсутствующих имянно и чинно мне репортовать, дабы их жалование и провианты зачислены были, как мною показано будет, сверх другого какого наказания, которое за такое послушание за благо разсудится наложить, ежели какая остановка учинена будет в поставке каких припасов или провиантов, то о тех офицерах имянно, учинающих такую остановку в службе Ее императорского величества, вам немедленно мне отрепортовать, дабы справиться, от неимения надлежащих приказов происходит ли та остановка или от инако чего, потом чтоб офицеры те наказаны были за их небрежение по надлежащему; по учинении смотра держать вам корабельных ваших служителей строго при должностях своих даже до полудни, тогда перестать им два часа, потом опять им на работу быть даже до захождения солнца, воскресных и праздничных дней не выключая. Ордер

---

²⁵⁰ Подробнее о карьере Джонсона Ньюмана, но без упоминания о службе при Элфинстоне см.: Cross A. Johnson Newman, A Little-known Englishman in Russian Service in the Second Half of the Eighteenth Century // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1993. Vol. 21 (режим доступа <http://www.sgcr.co.uk/1993-cross.html> свободный). Примечательно, что слух о непорядочности Ньюмана ходил за ним и в России, и в Британии. Между тем российскому правительству Ньюман служил исправно и, начав свою карьеру переводчиком Коллегии иностранных дел при контр-адмирале Элфинстоне в 1769 г., он дослужился до чина коллежского советника (1793), выполнял обязанности консула в Лиссабоне и Гулле; помимо дипломатической службы Ньюман занимался и переводами.

²⁵¹ Английская *фактория*, т. е. иностранная торговая колония в Санкт-Петербурге, располагалась на Галерной улице (в английских источниках весь район нередко назывался Galemnoff). О ней подробнее см.: Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век / авториз. пер. с англ. Юрия и Надежды Беспятых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

²⁵² Приказы Элфинстона переводил Джонсон Ньюман, здесь и далее мы приводим перевод по оригиналу: РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1 об.

²⁵³ В оригинале приказ был написан отдельно каждому капитану.

его высокопревосходительства господина контр-адмирала Джона Элфинстона перевел Иностранной коллегии переводчик Джонсон Нуман.

Дан в Кронштадте 20/31 августа 1769 г.

Капитанам кораблей Ее императорского величества, стоящим в Кронштадте.

На следующее утро после объявления этого приказа все капитаны пришли ко мне выразить свое сильное неудовольствие. Объявляя, что невозможно подготовить суда к плаванию до конца навигации этого года, они надеялись, что я смогу смягчить что-то в строгости приказа, что они не могут и подумать служить под таким приказом и должны послать его Императрице. После минутного размышления я осознал, что, если я не смогу настоять на своей власти и хоть немного пойду на попятную, я никогда впоследствии не добьюсь подчинения приказам, пока они их не одобряют, и буду последовательно сталкиваться с такими выражениями протеста. А потому я ответил, что впервые встречаюсь с тем, чтобы нижестоящие офицеры протестовали против приказа командира, что я ожидал, что они их будут исполнять, что я сам не вижу в своем приказе ничего, что могло бы их оскорбить, но раз они угрожают, что пошлют приказ Императрице, я, конечно, сделаю это сам, если они уже этого не сделали.

На этом они оставили меня. На следующий день я отправил следующее письмо его сиятельству графу Панину с копией вышеприведенного приказа²⁵⁴:

Monseigneur,

Вчера после моего прибытия в Кронштадт я к своей досаде нашел на всех кораблях задержку не только в оснащении такелажем, но, что более всего меня удивило: они не погрузили на борт припасы, хотя им был дан на это мой приказ еще седьмого числа сего месяца до того, как я покинул Кронштадт. Это вынудило меня издать каждому капитану повторный приказ, копию которого я имею честь здесь приложить. Я имею все основания сделать так, потому что все мои капитаны (за исключением капитана «Твери», который отсутствует без моего дозволения²⁵⁵) очень недовольны формулировками и строгостью приказа и, соответственно, мной. Необходимость столь строгого приказа абсолютно очевидна (особенно там, где выказывается так много упущений) ради службы Ее императорскому величеству, которую я взялся исполнять по мере сил и возможностей. И поскольку Императрица лично удостоила меня чести, дав свои распоряжения, я не премину исполнять все, что в моей власти, дабы обеспечить их выполнение. А потому я должен молить милости Вашего сиятельства оказать мне честь, положив к стопам Ее императорского величества это письмо и приказ. Имею честь оставаться с величайшим уважением самым преданным и обязанным слугой Вашего сиятельства

Д[жон] Э[лфинстон]

Кронштадт 21 августа/1 сентября 1769 г.

Его сиятельству графу Панину.

Несколько дней спустя я имел удовольствие получить следующее послание от его сиятельства графа Панина в ответ на мое:

Сэр,

---

²⁵⁴ Письмо, переведенное на французский с подписью Элфинстона, см.: РГА ВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 148. Л. 391–391 об.

²⁵⁵ Капитаном линейного корабля «Тверь» был *Петр Андреевич Игнатьев* (ок. 1731 – после 1784). После того как капитан Игнатьев не смог привести корабль «Тверь» в составе эскадры Элфинстона до Копенгагена и вернулся в Ревель, он был отдан под военный суд и вскоре, 3 апреля 1770 г., был исключен из службы (см.: ОМС. Ч. 2. С. 148–150; *Феофанов*. С. 66).

С превеликим удовольствием я исполнил Ваше желание, представив Ее величеству письмо, посланное Вами 21 августа, а также копию приказа, которая сопровождала письмо. Ее величество считает, что Вам необходимо, сэр, приложить все старания, настойчиво требуя в самых строгих выражениях, каковые, по Вашему мнению, могут быть употреблены, исполнения обязанностей, по Вашему мнению, надобных на благо службы под Вашим началом. Ее величество также повелела мне передать Вам ее высочайшую апробацию [Вашего приказа], что я и делаю этим письмом; а также со своей стороны от всего сердца желаю вскоре увидеть завершенными Ваши приготовления, и что Вы сможете вовремя отплыть ради достижения намеченной цели.

Я горячо желаю, чтобы ничто не было противно Вашему глубочайшему удовлетворению, и всеми силами всегда готов этому содействовать

Граф Н. Панин

Санкт-Петербург. 24 августа/4 сентября 1769 г.

Его превосходительству контр-адмиралу Элфинстону

Вскоре я почувствовал заметные перемены в поведении каждого, с кем вынужден был вести дела: и офицеров, и чиновников всех гражданских департаментов. Офицеры не протестовали против моих устных приказов, и ходили слухи, что их припугнули взысканием, если они тотчас же не станут исполнять моих распоряжений. Подготовка эскадры теперь начала продвигаться. Немало ободренный письмом графа Панина с императорской апробацией моего поведения, я использовал каждую минуту с великим старанием.

Примерно в это же время я получил письмо от его превосходительства графа Чернышева, посла Ее императорского величества при дворе Великобритании. Вместе с письмом был доставлен ящик, в котором находились модели блоков, сконструированных господином Тейлором в Саутгемптоне²⁵⁶. Этими блоками я снабдил мою эскадру, когда мы прибыли в Портсмут:

11 августа 1769 г.

С большим удовольствием из Вашего письма я узнал о Вашем благополучном прибытии в Санкт-Петербург, за которым последовал прием, благоприятный для Вас и соответствующий моим ожиданиям. Я надеюсь, что все будет сделано для Вашего удовлетворения в дальнейшем, и нет сомнения, что хорошо известные Ваши способности и возможности во всем, чем Вы занимались, подтвердят знаки отличий, которые Вы имели честь получить от нашей всемилостивейшей монархини. Со своей стороны я не упущу ни одной возможности доказать Вам, насколько я предан службе Вам. В приложении Вы найдете накладную на маленький ящичек, который я получил и приказал Вам отправить. Остаюсь с наилучшими пожеланиями, сэр, ваш преданный слуга

Граф Чернышев.

Его превосходительству Контр-адмиралу Элфинстону

Санкт Петербург.

Я всецело был занят спешными делами, но вопреки моей воле от их выполнения меня оторвало получение следующего письма:

Санкт-Петербург, 5/16 сентября 1769 г.

Сэр,

---

²⁵⁶ *Taylor Walter* (1734–1803), британский инженер, конструктор деревянных блоков и помп для британского флота. См. о нем.: *Dickinson H. W.* The Taylors of Southampton: Their Ships' Blocks, Circular Saw and Ships' Pumps // *Transactions of the Newcomen Society*. 1958. Vol. XXIX. P. 169–178.

Ее императорское величество только что сообщила мне о своем желании видеть Вас в Царском Селе. Так как я должен поехать туда в тот же день, я с превеликим удовольствием возьму Вас в мою карету. В семь утра я буду Вас ожидать в моих покоях, чтобы нам отправиться вместе. За сим остаюсь с чувствами особого расположения Ваш покорнейший слуга

граф Н. Панин.

PS Я прошу Вас – будьте добры взять с собой своего переводчика.

Его превосходительству контр-адмиралу Элфинстону.

Увидев это письмо, я сразу же отбыл в Санкт-Петербург. Я сопровождал графа Панина в Царское Село, и в девять утра мы прибыли во дворец. Около 11 меня сопровождали в небольшие апартаменты, где я нашел графа Панина, фельдмаршала графа Разумовского²⁵⁷, графа Григория Орлова²⁵⁸ и адмирала Мордвинова, которые показали мне чертеж корабля «Свято-слав» (84-пушечного, который был возвращен в Ревель) и задали несколько вопросов о его состоянии и его возможности отправиться в плавание. Я ответил, что, по моему личному мнению, судя по размерам корабля, он вполне может нести паруса, но корабль мог бы стать значительно лучше, если бы его ют²⁵⁹ был опущен и верхняя кормовая каюта (roundhouse) снята. Но главная причина жалоб на то, что судно не может нести парусов, была, по моим представлениям, в том, что на нем не были правильно размещены чугунный балласт (которым корабль был перегружен) и провизия²⁶⁰.

Адмиралу Нагаеву, лорду Адмиралтейства²⁶¹, было приказано отправить строителя корабля (англичанина)²⁶² в Ревель²⁶³, сделать необходимые исправления и подготовить корабль, чтобы он мог присоединиться ко мне у Наргена неподалеку от Ревеля. Позднее я слышал, что с бедным англичанином некоторое время очень плохо обращались, так как капитан-командор Барш повесил все обвинения на него²⁶⁴. Угрозы и влияние командора заставили его офи-

²⁵⁷ Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803), граф, генерал-фельдмаршал (с 1764 г.), член Совета при Высочайшем дворе.

²⁵⁸ Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783), граф (с 1762 г.), генерал-фельдцейхмейстер, генерал-аншеф (с 1765 г.), фаворит Екатерины II (с 1761 по 1772 г.), один из инициаторов посылки российского флота в Архипелаг. Об участии братьев Орловых в разработке проекта экспедиции см.: Смилянская И. М., Велижнев М. Б., Смилянская Е. Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011 (далее – Россия в Средиземноморье). С. 29–74.

²⁵⁹ Ют, «гют» (от нидерл. hut) – кормовая надстройка судна или кормовая часть верхней палубы.

²⁶⁰ Элфинстон был вызван в Царское Село и принял участие в заседании Совета при Высочайшем дворе, в отчете об этом заседании 7/18 сентября 1770 г. было записано решение: «снять гют и борты во все шканцы...» (АГС. Т. 1. С. 362). В указе Адмиралтейств-коллегии от 8/19 сентября 1769 г. было, по сути, повторено сформулированное на Совете: «По причине валкости корабля Свято-слав мы повелеваем Адмиралтейств коллегии снять ют и борты во все шканцы, мачты убавить футов на 4, или как коллегия рассудит, и сие поправление производить наискорейшим образом, дабы оный корабль еще в настоящее нынешнее время в назначенный ему путь отправиться мог» (МИРФ. Ч. 11. С. 392). Подробнее см.: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 257–259 и др.; Гребенщикова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб.: Наука, 2007. С. 214.

²⁶¹ Нагаев Алексей Иванович (1704–1781), русский гидрограф и картограф; адмирал (с 1769 г.). Член Адмиралтейств-коллегии с 1765 г.

²⁶² Строителем корабля «Свято-слав» был Иван Васильевич Ямес (Ламбе Ямес; около 1700 – 1787), опытный судостроитель, находившийся на русской службе с 1737 г. О нем см.: РБС. СПб., 1913. Т. 25. С. 129.

²⁶³ См. также в постановлениях Адмиралтейств-коллегии о том, что 19/30 августа было получено известие, что «Свято-слав» пришел в Ревель и принято решение отправить туда Ламбе Ямеса; 21 августа/1 сентября были получены приказания императрицы разобраться, кто и как виноват, и адмирал Нагаев был отправлен в Ревель следить за исправлениями на «Свято-славе» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 194–200). 24 августа/4 сентября 1769 г. последовал собственноручный указ Екатерины артиллерийскому полковнику Михаилу Ивановичу Мордвинову ехать в Ревель и осматривать «Свято-слав» (Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства Иностранных Дел // СИРИО. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. Т. 10. С. 356–357), а 3/14 сентября императрица приказала самому Н. И. Панину о «Свято-славе» советоваться с Элфинстоном» («Все несчастье корабля Свято-слава от того, что он слишком шаток; естли с Элфинстоном посоветовать, чаю, что его так обить можно, что не шаток будет». Там же. С. 361).

²⁶⁴ «Свято-слав» после обнаружившихся неполадок 11/22 августа вернулся в Ревель, 19/30 августа Ламбе Ямес, срочно прибыв в Ревель, созвал консилиум, и началось исправление корабля. Г. А. Гребенщикова считает, что Барш был ни при чем

церов подписать протест, доказывая, что этому кораблю невозможно продолжать плавание. Но правда заключалась в том, что г-н Барш не имел охоты отправляться, он тяжело страдал еще и потому, что не хотел встречаться с адмиралом Спиридовым, жена которого была замечена в излишней фамильярности с командором²⁶⁵.

Камергер двора вышел сообщить мне, что мне оказана честь быть приглашенным отобедать с императрицей²⁶⁶. Меня посадили между генерал-лейтенантом обер-гофмаршалом графом Сиверсом²⁶⁷ и бароном Черкасовым²⁶⁸, они оба говорили по-английски и могли переводить любой вопрос, который императрица составит мне честь задать, что она и делала несколько раз, особенно о климате в Квебеке²⁶⁹. Она послала мне тарелку винограда из Астрахани и другую с самым вкусным арбузом, какой я в жизни пробовал. Виноград был богат вкусом и ароматен, как тот, что выращивается на греческих островах Архипелага.

Я не ожидал найти столько простоты и свободы за столом столь великого суверена. Ее императорское величество восседала как хозяйка частного семейства со своими фрейлинами и с теми, кого приказала пригласить, всего за столом были, наверное, 22 человека, и императрица говорила почти со всеми за столом с величайшей приветливостью и живостью. Разные блюда подавались на английский, немецкий или французский вкус (*taste*)²⁷⁰.

За одну-две минуты до того, как императрице подали воду, наступила глубокая тишина, и я увидел, что все положили свои салфетки на стол. В момент, когда камергер поднес воду императрице, все вдруг встали и стояли, пока императрица ополаскивала руки и рот. После этого каждый произнес молитву и перекрестился, мы все поклонились, и императрица ушла. Фрейлины и остальные, кто присутствовал за столом, удалились в большие покои, где для их развлечения стояли бильiardные, карточные столы и столы для игры в кости, всем был предложен кофе, а также чай. Никто из сопровождавших императрицу не носил оружия, не было и стражи, и, если она проходила через какие-либо покои, все знали, что они не должны обращать на это внимания, отвечая поклонами или другими знаками почтения. Никто не прибывает в этот дворец, если за ним не посылают, даже его императорское высочество великий князь. Императрица обычно здесь проводит шесть недель и много гуляет.

Из бильiardной и других комнат я проследовал за обществом в те апартаменты, где был утром, и в это время граф Панин, едва переводя дыхание, подошел ко мне сообщить, что императрица просит меня к себе и чтобы я захватил своего переводчика. С императрицей был только генерал-майор Стрекалов. Первый вопрос, который мне был задан, – сможет ли,

---

и попал под горячую руку, когда Екатерина хотела его «повесить» (Гребеницкова Г. А. Балтийский флот. С. 213–215).

²⁶⁵ В Адмиралтейств-коллегии по получении известия о выходе «Святослава» из Ревеля 22 октября/3 ноября 1769 г. обсуждали, что перед походом у командора Барша на борту возник конфликт с офицерами «и одного из них, мичмана Сукова, он арестовал» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 281–282). О романтических отношениях Барша и Анны Матвеевны Спиридовой (урожд. Нестеровой) из других источников нам неизвестно.

²⁶⁶ В камер-фурьерском журнале 1769 г. за 6/17 сентября отмечается, что прибывший из Санкт-Петербурга в этот день генералитет был пожалован к руке, а обед был накрыт на 43 персоны (КФЖ 1769. С. 179–180).

²⁶⁷ *Сиверс Карл Ефимович* (1710 – 1774), из остзейских немцев, граф, генерал-майор, обер-гофмаршал российского двора.

²⁶⁸ Александр Иванович или Иван Иванович, бароны; оба брата Черкасовы владели английским, так как обучались в Кембридже. Хотя Иван Иванович с 1777 г. был членом Адмиралтейств-коллегии, здесь, скорее всего, речь идет о его старшем брате *Александре Ивановиче Черкасове* (1728–1788), с 1763 г. действительном камергере и президенте Медицинской коллегии.

²⁶⁹ Тема Квебека стала актуальной для обсуждения после того, как британские силы захватили город Квебек в 1759 г. Битва при Квебеке была решающей во Франко-индейской войне (как называли Семилетнюю войну в колониях). Монреаль сдался в 1760 г., и с ним французская колония в Канаде перешла в британские руки. Парижский договор 1763 г. закрепил британское владычество на территории Новой Франции. См.: *Stacey C. P. Quebec, 1759: The siege and the battle. Toronto: Macmillan, 1959; Baugh D. A. The Global Seven Years War 1754–1763. London: Routledge, 2014.* Элфинстон участвовал в военных действиях Британии в Квебеке на р. Св. Лаврентия в 1760 г. на корабле «Richmond».

²⁷⁰ Ср., например, с описанием обеда в Царском Селе у графа де Сегюра в 1785 г. (Россия XVIII в. глазами иностранцев / подг. текста, вступ. статья и коммент. Ю. А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1989. С. 361–363); баронессы Димсдейл (*An English Lady at the Court of Catherine the Great: The Journal of Baroness Elizabeth Dimsdale, 1781 / ed., with an introduction and notes, by A. G. Cross. Cambridge: Crest, 1989*) и др.

по моему мнению, эскадра отплыть в этом году. Я ответил, что, если все будет продвигаться так, как на момент моего отъезда из Кронштадта, я бы мог сказать, что ко Дню Коронации²⁷¹ мы отправимся в путь. Ее величество, кажется, была весьма этим довольна, но сказала: «Возможно, в это время уже может пригнать ветром лед». Я ответил, что, если я буду готов, тот же ветер, который может принести лед вниз по Неве, будет мне попутным и что я не вижу никакой опасности плавания с первым льдом. Этим императрица была так удовлетворена, что от радости захлопала в ладоши.

Затем разговор зашел о «Святославе». Мне сказали, что будут отправлены приказы, дабы корабль присоединился ко мне; было также выражено пожелание, чтобы я об этом корабле особенно позаботился и что этот корабль нельзя оставить (судя по тому, что произошло, весь успех экспедиции сводился к тому, войдет в нее «Святослав» или нет). Если бы императрица не желала столь сильно того, о чем она могла просто приказать, я бы не стал беспокоиться об этом корабле, поскольку я до этого с сожалением говорил графу Панину, что этот корабль задержит мое плавание. Как я полагаю, это и стало причиной, почему императрица высказала свое пожелание столь особенным образом.

Пока мы беседовали, дважды заходил фаворит граф [Григорий] Григорьевич Орлов, он подходил к окну, но каждый раз не задерживался ни на минуту. Я был с императрицей около 20 минут, и когда вышел, весь двор был в приемной в ожидании императрицы. Пока я шел через толпу, придворные, казалось, смотрели на меня с величайшим уважением за честь, которой я удостоился во время столь частной аудиенции; они кланялись, когда я проходил мимо.

Я вернулся с графом Паниным во дворец в Санкт-Петербург в апартаменты великого князя, который обнял графа с такой любовью, как будто тот был ему отцом, и я верю, что и граф испытывал к нему отцовские чувства. Очень редко бывает, чтобы они расставались на целый день²⁷².

На следующий день я прибыл в Кронштадт и расстроился, когда мне сказали, что таке-лаж, по поводу которого адмирал Мордвинов уверял, что он уже отправлен, все еще не прибыл. Я также нашел паруса в великом беспорядке: мне пришлось поменять паруса для всей эскадры, но когда их прислали на суда, многие пришлось вернуть на берег для замены. Люди, которых принудили шить паруса, были прежде крестьянами, никогда до того не видевшими ни корабля, ни паруса, а их заставляли работать каждый день по 20 часов²⁷³.

Мою эскадру пополнили небольшим фрегатом, который нужно было подготовить и отправить вместе с английским транспортным судном. Мне дали слишком много артиллерии и боевых припасов для армии, а также посадили больше военных, чем корабли могли перевезти за столь долгое плавание. Я сделал пробный вояж с этими двумя английскими судами.

Ранее фрегат был оснащен и совершил плавание для исследования северо-восточного прохода в Финском заливе, но был признан негодным. Я наткнулся на него, отправившись

---

²⁷¹ Государственный праздник, отмечавшийся в правление Екатерины II в честь ее коронации 22 сентября/1 октября.

²⁷² О роли графа Н. И. Панина в воспитании вел. князя Павла Петровича в биографиях Павла I написано немало, прежде всего на основании: *Панин Н. И.* Всеподданнейшее предьявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. / Сообщ. Т. А. Сосновский // *Русская старина*, 1882. Т. 35. № 11. С. 313–320; *Порошин С. А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича [подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент., именной указ. Н. Ю. Бахарева, В. А. Семенова]. М.: Кучково поле, 2015.

²⁷³ Жалобы Элфинстона на плохое качество такелажа рассматривались в Адмиралтейств-коллегии неоднократно (см., например: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 203–205 и др). Через год, когда снаряжалась третья эскадра, ее командующий контр-адмирал И. Арф, датчанин, также ругал не только плотников, но и парусных мастеров: «У нас есть люди, долженствующие заменять плотников и почти ничего не умеющие делать <...> так же как и парусных мастеров, потому что находящиеся на кораблях не в состоянии ни скроить, ни шить паруса, будучи обучены лишь портняжному делу» (МИРФ. Ч. 11. С. 765). О ситуации в мастерских Кронштадта весьма критически писал адмирал Ноулс, немало потрудившийся в 1771–1774 гг., чтобы усовершенствовать службы главной российской морской базы (см., например: *Clendenning Ph. H.* Admiral Sir Charles Knowles and Russia, 1771–1774 // *Mariner's Mirror*. 1975. Vol. 61. No. 1. P. 39–49).

однажды днем из любопытства посмотреть на одно первостатейное судно, и мне показалось, что этот фрегат крепок и подходит для моих целей, поэтому я тотчас распорядился вывести его из разряда списанных и прогнивших и привести к пристани, чтобы килевать. Однако суперинтендант мне сообщил, что ничего нельзя делать или перемещать, пока не будет получен приказ от Ее императорского величества. Поэтому я вынужден был писать к его светлости графу Панину:

Monseigneur,

По случайности я обнаружил фрегат «Чичагов», принадлежащий Ее императорскому величеству, который сможет взять на борт не только много артиллерийских запасов, но и некоторое число солдат. Этот фрегат будет не только в настоящее время полезен как транспорт, его позднее можно превратить в очень хороший военный шлюп. Чтобы сэкономить время, я приказал капитану над портом перевести этот фрегат к одному из мест для кренгования, чтобы повалить, поскольку он уже был обшит. Но будет необходимо, чтобы Ваша светлость прислала для этой цели приказы²⁷⁴. Я также молю Вас оставить для представления мое мнение о линейном судне первого класса Ее императорского величества «Димитрий Ростовский»; если его сочтут надежным, оно может стать хорошим военным кораблем, по меньшей мере 84-пушечным, но нужно только уменьшить на нем число палуб. Судя по его возрасту, корабль этот был сделан из дуба и только однажды был в море, поэтому я полагаю, что он не мог прогнить; его все еще можно килевать до ухода моей эскадры и затем отправить ко мне весной, поскольку я был бы рад поднять мой флаг на этом корабле.

Предложения шкипера (*master*) бермудского брига слишком хорошо просчитаны в его пользу и в пользу владельцев судна, но поскольку это судно, не имея достаточного расстояния между палубами, не годится для службы в качестве транспортного, я как честный человек не могу дать добро принять этот корабль на службу императрице^{*275}.

Я сделал все возможные запросы относительно найма кораблей, подходящих в качестве транспортных, и понял, что в высшей степени трудно найти корабли на любых условиях, в особенности нанять на них команды, поскольку иностранные моряки неразумны в своих требованиях и напрасных опасениях попасть в рабство. Однако я нашел капитана, с которым договорился, и если его люди согласятся, то я надеюсь завтра с этим покончить. Хотя это только 260-тонный корабль²⁷⁶, если мы его заполучим, я предприиму все, чтобы он послужил, если не будет других судов. Для этого придется втиснуть на линейные суда на месяц больше провизии, но это позволит Ее величеству сэкономить 4000 рублей, чему я буду очень доволен, и не потребуется платить 10 000 рублей за вояж судну, о котором ранее договорились^{*277}.

---

²⁷⁴ Высочайший указ Адмиралтейств-коллегии от 24 августа/4 сентября 1769 г.: «По требованию нашего контр-адмирала Элфинстона повелеваем <...> судно, именуемое Чичагов, приведя в настоящее состояние, вооружить и отпустить оное в эскадру помянутого контр-адмирала без потерянния ни малейшаго времени!» (МИРФ. Ч. 11. С. 391). Обсуждение состояния «Чичагова» см. также: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 215–218, 229–231, 325 и др.

²⁷⁵ С этого места и до конца с некоторыми разночтениями и изъятиями письмо издано: МИРФ. Ч. 11. С. 391–392.

²⁷⁶ Речь, очевидно, идет о грузоподъемности судна.

²⁷⁷ В опубликованном переводе: «К тому же судно, о котором идет речь, лучше построенного в Англии и не старше двух лет» (МИРФ. Ч. 11. С. 391).

[На поле приписано:] *Это был бриг, построенный на Бермудских островах, который принадлежал придворным агентам, они хотели получить за него много денег из собственного интереса, хотя этот бриг не годится как шлюп, так как был построен с расстоянием едва ли в 3 фута между палубами и с маленьким трюмом*.

Мы ожидаем наши паруса, канаты и завершения плотницкой работы. Новые паруса не были правильно сшиты, и большинство из-за чьей-то нерадивости пришлось отправить на берег для замены.

Мачты «Чичагова» оказались очень хороши. Прибыла полевая артиллерия, и я распределил ее по линейным кораблям, кроме свинца, который послужит балластом для пинка «Св. Павел». Я молю Ваше сиятельство, чтобы соизволили поторопить с доставкой оставшейся артиллерии и припасов. Они должны здесь быть согласно обещанию генерал-майора Мюллера²⁷⁸. Если я не буду иметь чести целовать руки Вашего сиятельства в воскресенье, то соблаговолите извинить это одной лишь необходимостью моего присутствия здесь.

Осмелюсь напомнить Вашему сиятельству, насколько важно для меня будет получить полные инструкции относительно того, как я должен себя вести при встрече с кораблями других стран; инструкции должны быть полными и дающими установки, особенно на случай встречи с кораблями моей страны, а также в иностранных портах, и на случай встречи с Барбарийскими кораблями: как мне относиться к ним – как к дружественным или как к неприятельским?²⁷⁹ Я был бы также рад по возможности иметь при себе человека, понимающего греческий язык.

Соблаговолите, Ваше сиятельство, сделать мне честь уведомить Ее императорское величество, что к 12-му числу этого месяца [сентября] я надеюсь видеть на кронштадтском рейде два, если не три корабля²⁸⁰ для возбуждения соревнования в других.

Сожалею, что я вынужден просить о высылке мне моего флага, который, как мне сказали, следовало мне доставить в тот же час, как удостоили меня званием флагмана.

Имею честь быть с величайшим почтением к Вашему сиятельству Ваш преданнейший слуга

Д. Э.

Его сиятельству графу Панину

Кронштадт. 3/14 сентября 1769 г.

Заклучив соглашение с мастером английского судна «Providence & Nancy», я приложил это соглашение к следующему письму, адресованному графу Панину:

Monseigneur,

---

²⁷⁸ В переводе: «она должна была быть здесь к 1 числу этого месяца согласно обещаниям *майора* Мюллера» (МИРФ. Ч. 11. С. 392; выделено нами).

²⁷⁹ Барбарийские (североафриканские) государства, официально входившие в состав Османской империи, ко второй половине XVIII в. вели свою вполне самостоятельную политику, прежде всего на море. Отношение с кораблями «барбарийцев» в дальнейшем будет определено в Инструкции, выданной Элфинстону Екатериной II (см. ниже). После некоторых дискуссий английское правительство решило дать Османской империи гарантию того, что англичане, воюющие в Русско-турецкую войну под российским флагом, не будут иметь защиты британской короны в случае их захвата (TNA. SP 97/46. Fol. 127–131o; см.: Anderson M. S. Great Britain and the Russian Fleet, 1769–70 // Slavonic and East European Review. 1952. Vol. 31. No. 76 (Dec.). P. 162).

²⁸⁰ В опубликованном русском переводе добавлено: «так как я их вытолкаю (так сказать) из гавани» (МИРФ. Ч. 11. С. 392).

Имею честь отправить Вашему сиятельству копию контракта по найму транспортного судна, о котором я писал Вам вчера. Этот контракт я заключил от имени Ее императорского величества. Все матросы желают отправиться в плавание, но если в случае противных ветров мы будем вынуждены зайти в какой-либо порт Великобритании, они могут, если пожелают, оставить нас, но мастер²⁸¹ должен заменить их другими.

Так как я не думаю, чтобы можно было в нынешнем году найти другое судно, то постараюсь распорядиться людьми, военным снаряжением и припасами, и я льщу себя надеждой, что удовлетворю ожидания Ее императорского величества и не допущу дополнительных затрат на транспортировку.

Вашего сиятельства покорнейший и признательный слуга

Д. Э.

Его сиятельству графу Панину, Кронштадт 4/15 сентября 1769 г.²⁸²

Из-за того что мастер английского судна [в России стало пинком «Св. Павел»] не желал сдавать его в аренду, пришлось это судно купить. Я договорился с английскими моряками провести судно в Англию, но российский офицер, которого с моряками той нации [т. е. русскими] я послал на борт, чтобы подготовить судно, думал, что можно обращаться с английским помощником капитана и моряками так, как обращается со своими собственными людьми. Он [ниже указано, что это Н. С. Скуратов²⁸³] довел дело до ссоры и арестовал помощника капитана. Из-за дурного отношения к помощнику капитана и команде все английские моряки сошли на берег, и теперь никакими уговорами нельзя их заставить вернуться.

Это мгновенно стало известно и английским морякам с наемного транспорта «Providence and Nancy»; они покинули его, говоря, что предполагали, когда вступили на борт, что [русские] сухопутные офицеры²⁸⁴ так будут к ним относиться, однако и шкипер, и я побороли их предубеждения, так что они вернулись к своим обязанностям.

Это привело меня в сильное замешательство, особенно в это время. Русский лейтенант, который был бы повышен в звании, став командиром «Св. Павла», теперь, когда английские моряки покинули судно, отказался от командования. Его мне рекомендовали как хорошего моряка, совершившего на английском судне поход в Китай и способного изъясняться по-английски, – причины, по которым я и назначил его туда, предпочтя любому из моих лейтенантов, которые должны были иметь возможность получить повышение. Он изрядно пострадал от своих же собратьев-офицеров, когда заявил, что не способен командовать судном после того, как англичане покинули его. Мне ничего не оставалось, как пообещать одному англичанину, что он возьмет на себя обязанности лоцмана на этом судне [пинке «Св. Павел»], а это было весьма непросто сделать, так как мастера английских судов²⁸⁵, принимавших грузы в Крон-

---

²⁸¹ Т. е. хозяин торгового судна.

²⁸² Частично опубликовано: МИРФ. Ч. 11. С. 392.

²⁸³ Скуратов Николай Сергеевич (1741–1812), выпускник Морского шляхетского кадетского корпуса, проходил стажировку на Мальте (с 1762 или 1766 по февраль 1769 г.), с началом Русско-турецкой войны мичман Н. Скуратов вместе с другими русскими стажерами был затребован в Россию; вероятно, тогда же Скуратов был произведен в лейтенанты; в 1772 г. он все еще был лейтенантом и командовал в Архипелаге фрегатом «Делос» (МИРФ. Ч. 11. С. 450–451; МИРФ. Ч. 12. С. 49). О его службе на английском судне и походе в Китай сведений не обнаружено. Н. С. Скуратов к 1797 г. дослужился до вице-адмирала (см. также: ОМС. Ч. 2. С. 391–393).

²⁸⁴ Сухопутные части, отправлявшиеся на кораблях эскадры Элфинстона, включали «морских солдат» («солдатскую команду») под командой капитанов Николая Нижегородова и Якова Ханина, кирасиров под командой майора Ивана Алексеевича фон дер Палена, инженер-офицеров флота под командой инженер-полковника Семена Борисова и капитана Карла Реана, а также артиллеристов (см. списки офицеров: РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 3).

²⁸⁵ При переводе следует различать *мастеров* (*masters*) на коммерческих кораблях, которые ближе всего к российским *шкиперам* (в русском нет более точного эквивалента), и *мастеров* на боевых судах, где это должность и ранг профессионального офицера (в России этот ранг существовал с 1733 по 1741 г. по английской системе).

штадте, не хотели расставаться со своими помощниками и моряками, даже если бы те того пожелали.

За хорошую плату я нанял английского боцмана с одного из кораблей (этот боцман немного знал русские термины) и поставил на это судно другого лейтенанта при достаточном количестве русских моряков, которые должны были управлять этим пинком в море.

Однако из-за того, что ссора на «Св. Павле» наделала среди англичан много шума, я думал, что будет правильно ознакомить графа Панина с тем, что я знал, и написал ему следующее письмо²⁸⁶:

Monseigneur,

Мне прискорбно сообщить Вашему сиятельству, что я попал в крайне неприятное положение в связи с опрометчивостью лейтенанта Скуратова с корабля «Тверь», который во время ссоры схватил главного после командира офицера «Св. Павла», связал ему назад руки, подвергнув оскорбительному обращению, и прогнал с судна, отправив в караульную тюрьму, как пожаловался один из русских моряков, который работал на этом судне. Не сумею сделать должной оценки ссоре, удары в ней были нанесены с обеих сторон, но насколько могу судить, зачинщиком был русский моряк, однако если предположить, что зачинщиком был англичанин, то о проступке его как офицера следовало донести мне, прежде чем употреблять над ним насилие. Подобное обращение так подействовало на капитана и его команду, что никакие мои предложения и убеждения не заставят команду теперь вернуться на корабль. Я приказал капитан-лейтенанту Кривцову²⁸⁷ с достаточным числом матросов перейти на это судно для подготовки его и погрузки провианта для сухопутных войск, но не знаю, кто поведет судно на море.

Моряки с нанятого транспорта, услышав о том, как поступили с их земляком, также покинули свое судно, но я убедил их вернуться.

«Саратов» и «Надежда» получили мои приказы выйти на Кронштадтский рейд, как только позволят ветер и погода; и я надеюсь, что если я не буду долго ожидать погрузки запасов, то очень скоро за ними последуют и остальные три корабля.

Я должен просить Ваше сиятельство, чтобы были предприняты некоторые меры для обеспечения эскадры бочками, в которые будут загружены мука и крупа, так как эту провизию невозможно сохранить от порчи в тех гнилых солодовых кадках, которые не выдержат перевозки, и помимо грязи в трюме это приведет к очевидным потерям. Подойдут бочки из-под старого бренди или вина.

Для меня было очевидно, что такого рода провизия должна храниться в бочонках, иначе я бы, конечно, раньше поднял об этом вопрос. Корабли также получили мои приказы взять большую пропорцию муки, чем это было приказано в начале, так как русские сухари занимают очень много места и людям полагается их давать на половину фунта больше, чем британским морякам, поэтому я буду вынужден выдавать часть муки с частью сухарей [в русском переводе: *крупы*]²⁸⁸. Можно положить муку и крупу в бочки прямо

---

²⁸⁶ Письмо почти полностью издано: МИРФ. Ч. 11. С. 393–394.

²⁸⁷ В тексте, опубликованном в МИРФ (Ч. 11. С. 393), вместо капитана Семена Захаровича Кривцова (1737–1777) появляется, вероятно ошибочно, фамилия капитана Степана Жемчужникова. О С. З. Кривцове см.: ОМС. Ч. 2. С. 209–210; Феофанов. С. 91. Правда, в ОМС ошибочно указано, что в 1769 г. Кривцов, командуя пинком «Св. Павел», имел плавание с эскадрой адмирала Спиридова от Кронштадта до Портсмута.

²⁸⁸ Согласно Морскому уставу (книга 4, глава 3, «О раздаче провианта на кораблях») русским морякам выдавалось на

на судне, на это не потребуется много времени, поскольку не будет никакой нужды опять выгружать муку и крупы на берег, если нам пришлют эти бочки.

Я также прошу все ко мне отправляемое посылать из Санкт-Петербурга скорейшим образом на малых шлюпках, ибо большие из-за недостаточной глубины не могут перейти бара, и это случается слишком часто.

Имею честь быть со всем возможным почтением Вашего сиятельства преданный слуга

Д. Э.

Его сиятельству графу Панину [9/20 сентября 1769 г.²⁸⁹]

Вдобавок к прочим делам тех военных, которых должны были погрузить на мои суда, отправили в Ораниенбаум, о чем я получил известие от вице-президента Военной коллегии графа Захара Чернышева²⁹⁰. Их оставили на меня, чтобы я обеспечивал им ежедневное содержание, – до этого они 24 часа без какой-либо провизии пробыли в Ораниенбауме, пока их командир [секунд-]майор барон фон дер Пален²⁹¹ не явился ко мне, чтобы сообщить о ситуации и узнать, когда я прибуду для проведения им смотра.

Из дальнейших расспросов я узнал, что они переведены под мою опеку для их снабжения провиантом и для будущих денежных выплат. Эти силы состояли из 500 пеших и 100 кирасиров, все кирасиры были волонтерами, служившими в последнюю войну против прусского короля, и едва ли не все они имели медали в петлицах и отметины пуль на их кирасах²⁹². Всего, включая офицеров, их было 648 человек.

Санкт-Петербург 5/16 сентября 1769 г.

Сэр, я получил оба письма, написанные Вами 3-го и 4-го настоящего месяца. В последнем письме я с большим удовольствием прочитал о том, что Вы, наконец, нашли судно. Я желаю и уполномочиваю Вас заключить и подписать от имени императрицы этот контракт на условиях, которые Вы мне сообщили, и я перед Вами несу ответственность за апробацию Ее императорским величеством.

Что касается Инструкций, сэр, о которых Вы упоминаете в первом письме, как только я буду иметь честь видеть Вас, мы договоримся относительно их содержания и условий, которые Вы потребуете, и сделаем первый набросок [этих инструкций].

Имею честь оставаться с чувствами полнейшего удовлетворения, сэр, Ваш верный и преданный слуга

28 дней 45 фунтов сухарей (примерно 655 г в день из учета, что русский фунт составляет 400,9 г). Ср. стандартный рацион в Англии в 1750-е гг. (во время Семилетней войны), по ведомостям провиантской экспедиции (Victualling Board): на человека в неделю выдавалось 7 фунтов хлеба и 7 галлонов пива (450 г хлеба и 4,5 л в день), 4 фунта говядины, 2 фунта свинины, 2 пинты гороха, 3 пинты каши, 6 унций масла, 12 унций сыра (Rodger N. A. M. The Wooden World. P. 82–83).

²⁸⁹ Восстановлено по публикации: МИРФ. Ч. 11. С. 393.

²⁹⁰ Чернышев Захар Григорьевич (1722–1784), граф, с 1762 г. генерал-аншеф, с 1763 по 1773 г. вице-президент, а с 1773 по 1774 г. президент Военной коллегии. Брат Ивана Григорьевича Чернышева. В оригинале Элфинстона его имя, соединившись с отчеством, упоминается как *Zacarich*.

²⁹¹ Пален Иван Алексеевич (фон дер Пален, 1740–1817), барон, до Архипелагской экспедиции участвовал в походах в Пруссию в 1760–1761 гг. (Марков М. И. История лейб-гвардии Кирасирского Ея величества полка. СПб.: Гос. тип., 1884. С. 87 прилож.). С 13 августа 1769 г. он произведен в секунд-майоры 3-го кирасирского полка и командирован в «некоторую секретную экспедицию». Был тяжело ранен в Чесменском сражении. Вышел в отставку 31 декабря 1773 г. в чине подполковника и служил на статских должностях в Ревеле (его биографию см.: Сборник биографий кавалергардов. 1762–1801 / сост. под ред. С. Панчулидзева. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1904. Т. 2. С. 83–84; сведения, приводимые Элфинстоном, позволяют внести коррективы в известные биографические свидетельства об И. А. Палене).

²⁹² Об участии кирасирского полка в Семилетней войне см., например: Марков М. И. История лейб-гвардии Кирасирского Ея величества полка. С. 83–97. Поименный список (из 21 имени) офицеров и унтер-офицеров кирасирского полка на 1 января 1770 г. см.: РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Граф Панин

Его превосходительству контр-адмиралу Элфинстону.

Несмотря на трудности и отсрочки, с которыми я продолжал сталкиваться, капитаны и офицеры, понимая, что они все-таки должны вскорости отправляться, пришли ко мне с жалобами на то, что все очень задолжали, и хотели, чтобы я походатайствовал за них перед графом Паниным или императрицей, так как у них не было денег, чтобы экипироваться самим или чтобы оставить деньги семьям. Я пообещал это сделать и был очень рад получить возможность их убедить в том, что я достоин их уважения и доверия.

Я уже получил по 500 рублей²⁹³ для капитанов двух фрегатов Поливанова²⁹⁴ и Клеопина²⁹⁵ в счет некоторых потерь, как они это мне представили, понесенных ими из-за необходимости перенести свое имущество во время пожара, за неделю до того произошедшего в Кронштадте.

Положение моряков было действительно плачевным, так как им давали только хлеб, крупу и соль. Обычный паек на берегу не учитывал того, что матросы и низшие чины делали десятикратно больше работы теперь по сравнению с обычным временем, а многие еще имели и семьи. Поэтому когда я получил командование, я доложил об их положении и просил выдавать им паек по меркам морского похода, что тут же было удовлетворено. Однако вместо свежего мяса они стали получать старые соленые припасы. Для них и это стало большим приобретением, так как тем они могли сэкономить часть мучного пайка, чтобы оставить своим семьям. При этом из-за необходимости вымачивать соленое мясо некоторые заболели цингой, и каждый день по 8–10 человек с каждого корабля нужно было отправлять в госпиталь. Я сделал выговор относительно недопустимости выдачи соленой провизии людям, которые вскоре ничего иного и получать не будут, после чего свежее мясо было им обещано, но так как такого не было ранее заведено, потребовались две недели, чтобы люди наконец получили свежее мясо²⁹⁶. Это значительно увеличило почтение ко мне матросов и нижних чинов (*under-officers*)²⁹⁷.

Осень быстро начинала заявлять о себе, и, все еще встречая отсрочки и неприятности, я вынужден был написать графу Панину:

Monseigneur,

К моему крайнему огорчению и нежеланию все время жаловаться на службы и здешних мастеров, а также на недостаток ряда материалов (которые, как мне говорят, должны быть отправлены из Санкт-Петербурга), я принужден со всей серьезностью заявить, что почти все, что было для меня сделано, потребовалось возвращать на берег и переделывать. Был ли на то умысел или все происходило по незнанию или нерадению, но в равной степени это

---

²⁹³ 500 рублей – сумма очень большая: годовое жалованье капитана первого ранга в период правления Екатерины II составляло 600 рублей, а капитана второго ранга – 480 рублей (см.: Гребеницкова Г. А. Балтийский флот. С. 111).

²⁹⁴ Поливанов Афанасий Тимофеевич (род. ок. 1732 – после 1783), обучался в Морской академии и Московской школе математических и навигацких наук, уже в 1746 г. стал гардемаринном, в 1751 г. – мичманом, с 1764 г. капитан-лейтенант; капитан второго ранга – с 5 июня 1769 г., капитаном первого ранга становится по указу от 1 марта 1770 г. В 1769–1770 гг. командовал фрегатом «Надежда»; затем капитан флагманского корабля «Европа». Уволен от службы 29 апреля 1776 г. с награждением бригадирским рангом (ОМС. Ч. 2. С. 330–332; Феофанов. С. 135).

²⁹⁵ Клеопин Михаил Андреевич (род. ок. 1731 – ум. после 1775), ученик Морской академии (1746), лейтенант (1762), 30 июля 1769 г. капитан второго ранга, а в 1770–1771 гг. капитан фрегата «Африка»; в 1773–1774 гг. плавал на Балтике. В январе 1775 г. уволен от службы с рангом бригадира и пенсией (ОМС. Ч. 2. С. 178–179; Феофанов. С. 80).

²⁹⁶ В решении Адмиралтейств-коллегии от 31 августа 1769 г. было записано: «По самотрудной их при том работе для лутчаго в здоровье их подкрепления доколе пробудут при порте и на рейде производить в порцию свежее мясо и, покупая оное настоящими ценами бес передачи, отпускать»; по просьбе Элфинстона здесь же записано требование выдавать на эскадру свечи не из плохого свиного, а из «хорошаго говяжья сала» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 219 об.), 1 сентября в Адмиралтейств-коллегии было принято решение кормить свежим мясом также работающих на погрузке (Там же. Л. 222, 223, 226).

²⁹⁷ В Морском уставе: «ундер офицеров».

задерживает службу. Прошло уже больше недели, как капитан над портом заверил меня, что все паруса будут закончены, но не закончены ни паруса, ни станки для пушек. Медные единороги и оставшиеся артиллерийские припасы все еще не доставлены. Все шлюпки еще остаются в Санкт-Петербурге без мачт, парусов или весел, изготовленных для них, хотя все это было давно обещано. Также остается большая нужда в стекле для каютных окон (*cabin windows*), а те стекла, что стоят, ни за что не выдержат пушечной пальбы, так как сделаны из тонкого зеленого стекла²⁹⁸.

Капитан над портом постоянно донимает меня рапортами и протестами, для ответа на которые потребовалась бы дюжина секретарей; я никогда не выпускаю из рук пера, тогда как мое присутствие необходимо в каждой части порта, где идет работа.

Также от *генерал*[!]-майора Мюллера я получил список, в котором значится больше артиллерии и припасов, нежели в списке, данном Вашим сиятельством. Их, как я опасаясь, невозможно принять на борт без того, чтобы заново не разобрать уже погруженное на корабли, а лафеты полевой артиллерии занимают очень много места.

Господин Мюллер также сообщает мне, что еще [нужно принять] 40 инженеров²⁹⁹ и офицеров морской артиллерии³⁰⁰ с одиннадцатью слугами, которые вместе с тридцатью восемью прочими из сухопутных сил на 80 человек превышают количество, о котором я вначале был предупрежден³⁰¹.

Со всем этим корабли будут слишком перегружены, если учитывать их состояние, и Ваше сиятельство знает, что я предпринял ради экономии, чтобы уменьшить число корабельных служб в сравнении с предлагавшимися мною изначально. Я начинаю испытывать тревогу относительно всего, что касается сухопутных сил, обоза или артиллерии, а также того, сможет ли эскадра отправиться в такое позднее [осеннее] время при недостатке компетентных офицеров. Вместе с медлительностью всех офицеров, которые нуждаются в деньгах, чтобы экипироваться к походу, капитаны Бешенцев³⁰² и Игнатьев³⁰³

---

²⁹⁸ Решение Адмиралтейств-коллегии «о переменах в каютах во всех окнах стекол толстыми стеклами» вскоре последовало (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 297).

²⁹⁹ С эскадрой были отправлены офицеры инженерного корпуса: инженер-полковник Семен Борисов, капитан Карл Реан, поручик Михаил Можаров, прапорщик Петр фон Толь (РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 3. Л. 81; см. журналы этих инженер-офицеров: РГВИА. Ф. ВУА846. Оп. 16. Д. 1860, 1948).

³⁰⁰ Из нижних чинов морской артиллерии в ведомости по эскадре Элфинстона попали имена унтер-лейтенанта Ивана Ершова, констателей Дмитрия Карпова и Тимофея Хадыкина, сержанта Василия Возницына, а также морской артиллерии лейтенанта Ивана Иванова (РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 3. Л. 35).

³⁰¹ В связи с увеличением личного состава на судах Элфинстону пришлось издавать приказ: «Понеже на кораблях Ея императорского величества <...> теснота велика от сухопутного войска, от аммуниции и протчаго, видя же, что благополучие секретной экспедиции требует и чтоб здравие всех служителей сохранено было по возможности, того ради, дабы более место было полезнейшим служителем, сим велено определить число каждому офицеру слуг <...>, а затем оставших числом слуг отсылать на берег». Положено было для капитана первого ранга – 3 слуги; для капитан-лейтенанта – 2 слуги; лейтенантам, мичманам, шкиперам – по 1 слуге (РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 3. Л. 79).

³⁰² *Бешенцев Петр Федорович* (род. ок. 1729 – 1797?), из кашинских дворян, в 1743 г. поступил в Морскую академию, с 1745 г. имел большой опыт плавания от Архангельска в Кронштадт и по Балтике, с 1766 г. – капитан первого ранга. В 1770–1771 гг. командовал кораблем «Саратов», в 1772 г. – кораблем «Ростислав»; вернулся в Санкт-Петербург из Архипелага в начале 1773 г. За участие в Чесменской битве награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Уволен со службы в 1782 г. в чине капитана бригадирского ранга. Похоронен в с. Григорково Кашинского уезда. В 1766 г. за ним было 160 душ крепостных (ОМС. Ч. 2. С. 66–68; *Феофанов*. С. 23; *Шереметевский В.* Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914).

³⁰³ *Игнатьев Петр Андреевич* (род. ок. 1731), выпускник Морской академии и с 1766 г. капитан первого ранга, был, кажется, небогат и владел 50 душами (ОМС. Ч. 2. С. 148–150; *Феофанов*. С. 66).

говорят, что они оказались в долгах, а при этом имеют семьи, которые оставляют в свое отсутствие без пропитания.

Таким образом, если через Ваше сиятельство можно что-то для них получить, это нужно сделать поскорее, дабы у них было время потратить средства на необходимое для похода. В этом случае они попросят увольнительную, чтобы отправиться в Санкт-Петербург и распорядиться с деньгами; с моей стороны будет жестоко в этом им отказать, однако на благо службы я должен это сделать.

Для меня будет невозможно вопреки Вашим приказаниям иметь честь предстать перед Вашей светлостью до тех пор, пока я не получу при большем старании некоторые вещи, чтобы не рисковать с отправкой флота в этом году. А я должен, если возможно, исполнить обещание быть готовым к выходу из гавани к годовщине коронации Ее императорского величества, хотя при всех моих величайших усилиях многое заставляет меня в этом сомневаться.

Имею честь оставаться с величайшим почтением и привязанностью преданнейший и покорнейший слуга Вашего сиятельства

Д. Э.

Его сиятельству графу Панину

Кронштадт, 15/26 сентября 1769 г.

Для того чтобы дисциплинировать офицеров и команды, я составил следующий приказ, направленный на то, чтобы они не выходили на рейд, потому что офицерам и рядовым не разрешают ночевать на кораблях, пока не будет дано сигналов о несении службы в гавани, ни в день, когда адмиралы поднимают свои флаги, ни когда капитаны – свои вымпелы. Это является одной из причин задержек, так как все приказы следует отправлять через старшего сержанта на квартиры соответствующих капитанов, которые затем должны отправлять их своим капитан-лейтенантам и от них далее нижестоящим до боцмана, который является исполняющим офицером. Все это причиняет им дополнительное беспокойство, так что приказ, провозглашенный утром командующим офицером, редко принимается к исполнению в течение 24 часов.

Я попробовал показать сигнал «для начатия службы в гавани», но так как это противоречило законам порта, я не мог привести этот приказ в исполнение:

От его превосходительства контр-адмирала Элфинстона, главнокомандующего эскадрой кораблей и судов, участвующих в секретной экспедиции

Понеже большая часть афицеров и матрозов порученной мне эскадры должности морского человека практиков не понимает и не знакомы с зарубежными походами, настоящим вам велено после того, как вы встанете на якорь на рейде Кронштадта или на другом рейде, где вы можете оказаться впоследствии, приучитца всякой части должности морского человека, во-первых, особливо рифованию и убиранию парусов по марсельному и брамсельному, также и киданию лота³⁰⁴, пока всякой человек в должности своей не будет совершенным, приказать же вам мичманам и ундер офицерам вашим, чтобы они были на реях и на марсах с матросами для ободрения и показания, а будучи на море, всякому человеку учиться компасу и правлению кораблем, и во всех способных случаях людям вашим

---

³⁰⁴ В варианте, приведенном Элфинстоном, – «чтобы вы ежедневно обучали обязанностям моряка несведущих из любого класса, в особенности установке и сборке парусов, до тех пор, пока каждый человек не станет превосходно исполнять свои обязанности».

велеть вам учитьца действовать малыми орудиями и ружьями, зачиная каждой день десятью человекам и продолжая так попеременно, пока черед первых десяти не придет, разделят[ь] же вам число людей ваших на разные части в состоящих пятидесяти или в шестидесяти человеках с определенными к ним офицерами, тем строго смотреть, чтобы они не токмо приучены по вышеписанному, но чисте, опрятне и з своих мундиров бережливе были, а понеже от исполнения вышеписанного порядку честь флага Ее императорского величества и польза Российского императорского флота зависит. В том господину командующему мне monthly репортовать, как кто из афицеров и матрозов ваших в предписанной своей должности успевает, дабы возмет не учинять им по их достоинству и недостоинству.

Для лутчаго порядку сухопутнаго воиска, кои принято будет на корабль и для збережения здравия всех служителей, сим вам велено разделять оное воиско яко морские служители по вахтам, так, чтоб денно и ночно и с афицерами своими на верхней палубе была, а всегда во время хорошей погоды в 9-м часу по утру койки все на верхнюю палубу вынести, тогда меж палубы выскресть скрипками и вымыть, а умывание сие велеть вам учинить, хотя б сухопутное воиско и не было когда на корабле, койки в свои места они повесят не ранее пятого часа на море и не ранее захождения солнца при портах, курение табаку между палубами запрещать вам строго, також запрещать вам хождение с огнем в нижней палубы или под оным без фонаря; [чтобы вы под своим попечением хранили] у себя ключи от пороховых и припасных магазинов, никому не пустить в припасные магазины без мичмана, а во оных спать отнюдь никому не позволять.

И когда эскадра Ее императорского величества будет в каком-либо порте и на рейде, шлюпка с лейтенантом и гардемаринном для караула должна идти на веслах от одного корабля эскадры к другому, начиная с младшего капитана, и грести вокруг и между кораблями, чтобы предотвратить любую неожиданность, и держать офицеров в готовности исполнять свои обязанности. Если офицера в сторожевой шлюпке не окликнет офицер на судне, мимо которого он проходит, он должен отметить название корабля и вахтенного офицера. Рапорты охраны должны направляться мне каждое утро в 8 часов, что является приказом.

Дано в Кронштадте 15/26 сентября 1769 г.

Д. Э.

Капитанам кораблей и судов, находящихся под моим командованием³⁰⁵.

Представление, которое я сделал его сиятельству графу Панину относительно ситуации с моими капитанами и офицерами, способствовало получению пожалования в тысячу рублей капитанами Бешенцевым и Игнатьевым, которые были женаты. Все офицеры получили свои выплаты. У них появилось теперь ко мне больше доверия, и я с удовлетворением получил их похвалы за то, что я сделал.

За три дня до того времени, когда, как я обещал императрице, я завершу подготовку эскадры, корабли вытянулись из Кронштадского порта и встали на рейд³⁰⁶. Поскольку день рождения его императорского высочества великого князя предшествовал дню коронации, я вос-

---

³⁰⁵ См. этот приказ в сборнике приказов по эскадре Д. Элфинстона: РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 9. Л. 8 об. – 9.

³⁰⁶ 13–15/24–26 сентября 1769 г. корабли «Тверь», «Саратов» и фрегаты «Надежда» и «Африка» «вытянулись на Кронштадтский рейд»; 19/30 сентября корабль «Не Тронь Меня» «вытянулся на Кронштадтский рейд». На корабле «Саратов» подняли брейд-вымпел. 20 сентября/1 октября контр-адмирал Элфинстон поднял свой флаг на корабле «Не Тронь Меня». Вытянулось из гавани судно «Чичагов» (МИРФ. Ч. 11. С. 443–444).

пользовался этой возможностью, чтобы на рассвете поднять свой флаг, и мне салютовали все корабли моей эскадры³⁰⁷. Я вовремя явился в Санкт-Петербург, дабы поздравить великого князя.

После обеда я умолял графа Панина о том, чтобы отправиться как можно раньше, и к началу октября был готов к отплытию. Он уверял меня, что так и будет, как только закончатся государственные праздники, которые продлятся три дня.

Каждый вечер [при дворе] давали большой бал, ужин и оперу³⁰⁸. В последний день, день именин³⁰⁹ великого князя, машинерия и другие расходы на одну только ночь стоили императрице 1500 фунтов стерлингов, помимо ежегодных расходов, так как танцоры, певцы и музыканты оплачиваются из частных расходов императрицы от 1500 фунтов стерлингов в год до 200 фунтов стерлингов каждому. Оперный дом³¹⁰ находится в одном из крыльев нового дворца [Зимнего], он очень большой с четырьмя рядами [ярусами] лож и партером, разделенным посередине проходом для офицеров и их семей: они сидели согласно их чинам. Дамы в партере сидели справа, но в ложах дамы и господа сидят вместе. В оперном доме нет первого и второго ярусов, но на месте нашего первого яруса (бельэтажа) находится комната или большая передняя ложа для императрицы, в которой она редко проводит все время, так как имеет другую ложу на том месте, где наша [в Англии] ложа при сцене (*stage box*)³¹¹, напротив ложи великого князя, в которой были два кресла – одно для Его императорского высочества, другое для графа Панина.

Я был приглашен расположиться позади кресла великого князя, а мои два сына по обеим сторонам от него. Представление было очень большим и продолжалось около трех часов³¹². Когда мы вернулись с императрицей в ее покои, великий князь, недолго пробыв со своей матерью, вернулся в комнату, где ожидала его свита, и, ничего не говоря, обнял моего младшего сына и выразил ему радость в связи с получением офицерского чина³¹³ – чина мичмана, что соответствует офицеру ранга лейтенанта в пехоте³¹⁴.

На следующий вечер, когда я был в апартаментах императрицы, куда меня привели великий князь и граф Панин, императрица поднялась от карт и подошла в ту часть комнаты, где

³⁰⁷ 19/30 сентября 1769 г. Элфинстон отдал приказ капитану С. П. Хметевскому: «Завтешняго числа при восхождении солнца поднять вам на корабле Ея императорского величества, называемом Не Тронь Меня, под вашей командой флаг контр адмиралской Ея императорского величества флота на крiос-стенге, а иметь вам на корабле в готовности довольно число, чтоб салютование отвечать, с которых кораблей учинены будут» (РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 9. Л. 11).

³⁰⁸ В Камер-фурьерском журнале 1769 г. отмечались «поздравление» «музыкаю и барабанным боем», во время обеда в Адмиралтейской крепости была пушечная пальба – 51 выстрел, ужин «на 110 кувертах», «в продолжение стола играла италиянская инструментальная и вокальная музыка с хором певчих» (КФЖ 1769. С. 197).

³⁰⁹ Элфинстон ошибается: 20 сентября/1 октября – день рождения великого князя Павла Петровича; в 1769 г. ему исполнилось 15 лет; *именины* же Павел Петрович праздновал на день памяти свв. апостолов Петра и Павла 29 июня/10 июля.

³¹⁰ Об Оперном доме, построенном по проекту Растрелли, написано немало. «В зрительном зале были партер и 4 яруса лож. В партере размещались трон, 5 стульев и 53 больших и малых деревянных скамьи, обитые красным сукном. В ярусах имелось по 14–19 лож с двумя, как правило, скамейками каждая. Ложа императрицы находилась на 2-м ярусе напротив сцены (в ней – изразцовая печь, позади три покоя), на том же ярусе имелась ее вторая, боковая, ложа» (Петровская И., Сомина В. Театральный Петербург, нач. XVIII в. – окт. 1917 г.: Обзорение-путеводитель / Под общ. ред. И. Ф. Петровской; Рос. ин-т истории искусств. СПб.: РИИИ, 1994. С. 53). См. также: Комелова Г. Н., Побединская А. Г. «Оперный Дом» Зимнего дворца // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. СПб., 2000.

³¹¹ Это ближайшая ложа к сцене, находящаяся на уровне сцены (совр. первая ложа бенуара). Возможно, Элфинстон имел в виду *state box*, или *king's box*, королевскую ложу в Ковент-Гарден, ближайшую к сцене.

³¹² 22 сентября (ст. ст.) 1769 г. давали премьеру героического балета-пантомимы «*Armide et Renauld*» («Армида и Ренольд») на музыку Г. Ф. Райпаха в постановке Г. Анджелини (см.: Огаркова Н. А. Церемонии, празднества, музыка русского двора XVIII – начала XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 245).

³¹³ Элфинстон Самьюэл Уильям (род. 11 марта 1758 г.) стал мичманом 1 октября 1769 г. одиннадцати лет от роду (МИРФ. Ч. 11. С. 605). В «Общем Морском Списке» ошибочно указана дата получения мичманского чина 5 февраля 1770 г. (ОМС. Ч. 5. С. 401–402). Подробнее о Самьюэле Уильяме см. выше с. 25.

³¹⁴ Мичман, согласно Табели о рангах, относился к 14-му классу, в 1769 г. чин мичмана соответствовал чину прапорщика в пехоте.

я стоял. Заметив мое внимание к одной [даме] из ее свиты, игравшей на инструменте, похожем на дульцимер (*dulcimer*), она спросила меня, люблю ли я музыку. Я ответил: «Да». – «Очень хорошо, – сказала императрица, – но я надеюсь, что вскоре у Вас будет другая музыка». Вскоре она поговорила с графом Паниным и, вынув из своего кармана бумагу, отдала ее графу, который принес бумагу мне, сказав никогда не выпускать ее из рук. Около 10 часов я поцеловал руку императрицы, а она мне пожелала успеха и благополучного плавания³¹⁵.

Ниже приводится перевод бумаги, переданной мне графом Паниным. Он показывает, с каким высоким уважением ко мне тогда относились, а равно демонстрирует и щедрость императрицы, так как я и в мыслях не имел получить больше, чем значилось в моем договоре.

Приказ нашему контр-адмиралу Элфинстону

Всемиловейше жалуем Вам самому на снаряжение к экспедиции 3000 рублей (600 фунтов стерлингов)³¹⁶ и от настоящей даты в дальнейшем 400 рублей в месяц (80 фунтов стерлингов), также всем морским офицерам от капитана до мичмана, кто находится в Вашем ведении в экспедиции и кто поэтому подчиняется Вашим командам, не в зачет одну треть годового жалованья. Мы повелеваем, чтобы названные деньги на экипировку Вы получили немедленно, а столовые деньги отныне ежемесячно, также платите означенным офицерам вышеозначенные вознаграждения из средств, которые выдаются Вам на экстраординарные расходы.

Подписано: *Екатерина*.

В Санкт-Петербурге 22 сентября 1769 г. (ст. ст.)

Два дня мы спорили о способе получения денег на расходы во время похода, так как я отказывался распоряжаться государственными деньгами и хотел, чтобы для этого определили казначея. Я согласился только на то, чтобы нести ответственность за деньги, но чтобы один из офицеров моего корабля и мой секретарь получили деньги, имели каждый по ключу и составляли совместные отчеты [о расходах] казначейству. Деньги на служебные нужды будут выдаваться по моему приказу. Капитан Козлянинов³¹⁷ и мистер Ньюман отправились в казначейство и получили деньги все в новых голландских дукатах, а также 40 000 дукатов для графа Алексея Орлова.

Мои инструкции были прочитаны мне по-французски перед графом Паниным, чтобы знать, правильно ли я понял их. Но я пожелал иметь заверенный перевод на английский, что мне и было пожаловано, но по этой причине меня на три дня дольше продержали в городе. Вот содержание инструкций³¹⁸:

³¹⁵ В камер-фурьерском журнале за 23 сентября 1769 г. записано: «В вечеру Ея величество и Его высочество покоями изволили проходить в оперный дом смотреть представленной там комедии при одном балете, по сем изволили возвратиться в апартаменты свои, и в парадной комнате Ея величество всемиловейше изволила жаловать к руке отъезжающего в море контр-адмирала господина Елфинстона и сыновей его от флота господ офицеров» (КФЖ 1769. С. 199).

³¹⁶ Эти суммы были зафиксированы в решениях Совета при Высочайшем дворе от 24 сентября 1769 г. (АГС. Т. 1. С. 362).

³¹⁷ *Козлянинов Тимофей Гаврилович* (1739–1798) с 1756 г. учился в Морском шляхетском кадетском корпусе; в 1763–1768 гг. стажировался в Англии, Голландии и на Мальте, участвовал в походах в Ост-Индию и Америку. Очевидно, выбор Элфинстона пал на Козлянинова не случайно, т. к. Т. Г. Козлянинов должен был владеть английским. В 1769–1775 гг. Козлянинов участвовал в Архипелагской экспедиции (с 1775 г. капитан второго ранга). Он дослужился до вице-адмирального звания (1789) и был главным командиром Архангельского порта (1797), умер в Архангельске (ОМС. Ч. 2. С. 184–187; *Лурье*. С. 121; *Феофанов*. С. 82).

³¹⁸ Рескрипт, данный контр-адмиралу Джону Элфинстону 25 сентября 1769 г., см. в бумагах Кабинета Екатерины II: РГА ВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 147. Л. 2–16 об.; Там же. Д. 148. Л. 280–310 (на русском и на французском с подписями Екатерины и с печатями), л. 367–380 на английском в переводе Джонсона Ньюмана. Текст рескрипта был частично издан в кн.: МИРФ. Ч. 11. С. 402–405. Здесь мы приводим Рескрипт полностью по русскому оригиналу, сверив с текстом, приводимым Элфинстоном в английском переводе. К рескрипту был приложен список необходимых бумаг, передаваемых в распоряжение Элфинстона и упомянутых в рескрипте, включая выписки из инструкции Г. А. Спиридову, обращение к Великому магистру Мальтийского ордена, торговый договор с Британией, шифры, обращение Екатерины II к единоверным в Османской империи (РГА

Божьею милостию мы Екатерина Вторая императрица и самодержица всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему контр-адмиралу Элфинстону

По причине настоящей у нас с Портою Отоманскою войны, которая с ея стороны толь вероломно начата, разсудили мы за нужно для учинения ей диверсии в чувствительнейшем месте воспользоваться известною склонностию греческих и славянских народов, от части ей подвластных, а от части еще за вольность свою доныне мужественно поборающих; сие же на сухом пути предприятие поручено там на месте от Нас Нашему генералу порутчику графу Алексею Орлову, в подкрепление чего между архипелагскими островами с стороны морской отправлена отсюда особливая эскадра под командою Нашего адмирала Спиридова.

В полной доверенности на приобретенное Вами в военных морских операциях искусство и на ту верность, коею Вы обязались нам при вступлении Вашем в службу Нашу, восхотели Мы поручить Вам особливую в той же стороне экспедицию, как сим нашим рескриптом Вам всемилостивейше и поручаем в главную команду приготовленную в Кронштадте под собственным Вашим смотрением эскадру.

Главной предмет сей вашей экспедиции должен состоять в том, чтоб воспрепятствовать и пресекать весь подвоз хлебного пропитания в Царьград из Египта и других турецких мест, как и всю собственную турецкую и под турецким флагом производимую навигацию и морскую торговлю на тех проходах, где вы находится будете.

Каким образом поступать Вам в лучшем на месте исполнения сего Нашего предмета, в том оставляя Вам с беспредельною поверенностию свободныя руки и полагаясь совершенно на собственное Ваше благоразумие и знание, равномерно не хотим Мы ничего предписывать здесь и к управлению в сей Вашей навигации до неприятельских вод, но почитаем единственно за необходимое снабдить Вас здесь нужными изъяснениями о политическом положении двора Нашего с теми державами, в близости которых вам проходить надобно будет, дабы Вы на основании оных верно и надежно поступки Ваши размерять могли, в рассуждении их гаваней, естли б в которую по необходимости зайти надлежало, и навигации, как военной, так и комерческой.

Прежде всего иметь Вам главным и непременною правилом служить, чтоб во все время плаванья вашего отнюдь не останавливать и не осматривать никаких христианским державам принадлежащих торговых судов, но паче по колику то от вас зависеть может, показывать им всякую помощь и приязнь, а особливо датским, прусским и аглинским, ибо намерение Наше весьма удалено и от самого малейшаго утеснения чьей либо комерции. Уверения о том зделаны уже всем дворам при учинении им чрез наших министров сообщения о посылке в Средиземное море обеих ваших эскадр, как Вы то из приложеннаго здесь экстракта усмотрите. Вы имеете непременно пещись о точном исполнении их, дабы никому никакого не причинствовать неудовольствия, да и персонально не подать повода к неудобствам, кои бы плавание Ваше затруднять могли, а чтоб сверх того еще привести Вас в состояние размерять степени атенции или осторожности, кои Вы в рассуждении всех держав наблюдать имеете.

Приступим Мы теперь к обещанному Вам описанию политических наших сопряжений с другими державами.

На походе представится вам первую Дания. Относительно к сей короне можете вы на нея совершенно надежны быть, и если б паче чаяния в такой еще близости заставила крайняя нужда, смело входить в ея гавани, ибо Мы находимся с Его датским величеством в теснейшем союзе, по чему и во владениях его эскадре вашей, конечно, всякая помочь с охотою и поспешностию оказываема будет.

За Данию рядом почти следуют Республика Голандская, Англия и Франция.

С первую мы находимся в добром согласии и дружбе, следовательно же, и надобно вам будет почитать встречающихся ея эскадры дружественными и обходиться с ними по общим морским обрядам, ибо голландцы со своей стороны в рассуждении салютации не прихотливы; гавани же голландския будут, конечно, для вас отверсты, если б необходимость к ним повлекла.

Об Англии справедливо можем мы сказать, что она нам прямо доброжелательна и одна из дружественнейших наших держав, потому что политические наши виды и интересы весьма тесно между собою связаны и одним путем к одинаковой цели идут; кроме того имеем Мы с Великобританскою короною трактат дружбы и комерции, которым взаимная наша навигация в землях и владениях обеих сторон поставлена в совершенной свободе. Довольно, кажется, было бы сих двух оснований к совершенному Нашему удостоверению, что порты Его британского величества будут отверсты эскадре вашей, но и за тем еще по откровенном через посла нашего в Лондоне изъяснении, имели мы новое удовольствие точно и совершенно обнадежиться с стороны его, что обе наши в Средиземное море назначенные эскадры, как под команду адмирала Спиридова, так и Вам собственно вверенная, будут принимаемы во всех пристанях Его величества за самыя дружественныя, и как таковыя снабжены всякою им по востребованию обстоятельств нужною помочью. Не меньше согласенность между нами скромным образом, чтобы с обеих сторон заблаговременно приняты были надлежащия меры к упреждению всяких о салютации требований и споров между взаимными эскадрами и кораблями. Вследствие того долг звания Вашего будет в проходе через Канал и чрез Гибралтарский пролив не подавать с своей стороны повода к требованию, обращаясь в сторону или инако как по способности, удаляясь от встречи с аглинскими военными судами, подобно как и они с другой, чаятельно, оной миновать стараться будут. Может быть, не излишно еще и то, чтобы Вы прежде вступления в канал и в Гибралтарской пролив снимали совсем прочь заранее вымпел и флаг адмиральской и проходили тут без оных, дабы тем с большею удобностию избежать требования о спущении оных. Мы надежно ожидаем от благоразумия и осмотрительности Вашей, что Вы в сем случае будете уметь согласоваться пристойным образом взаимному Нашему и Его британского величества желанию.

Положение Наше с Франциею может равномерно присвоено быть Гиспани и королевству Обеих Сицилий. Во Франции имеем Мы поверенного в делах советника посольства Хотинскаго³¹⁹, в Мадриде чрезвычайнаго

---

³¹⁹ Хотинский Николай Константинович (1727–1811) в 1767–1773/1774 гг. находился в Париже в качестве советника российского посольства.

посланника барона Штакельберга³²⁰, а в Неаполе никого. Со всеми сими Бурбонскими дворами имеем мы только наружное согласие, и можем, конечно, без ошибки полагать, что они Нам и оружию Нашему добра не желают, но, с другой стороны, нельзя же и того ожидать³²¹, чтоб они шествию вашему явно и вооруженною рукою сопротивляться стали, не имея к тому ни только законной причины, ниже казистаго предлога, которой бы предосудительное покушение сколько ни есть покрыть мог.

Сие описание образа мыслей Бурбонских домов долженствует решить Ваше к ним поведение и показать, что Вам с встречающимися их кораблями, хотя дружелюбно, но осторожно однако ж обходиться, а гавани их, кроме самой крайней нужды, обегать надобно, разве когда к спасению другого пути оставаться не будет.

Португальской двор совсем вне всяких с нами сопряжений, но как при всем том существо естественного положения и интересов его требует от него непременно быть в противных Гишпанскому политических правилах, то и можно не без основания полагать, что в пристанях его свободу и вспомоществование находить будете.

Что здесь о Португалии говорено, может справедливо относиться к владениям короля Сардинскаго, ибо он по настоящей его заботливой позиции между венским и версальским дворами, которых соперничество дому его толь надобно, а прежде и толь полезно было, со мноюю вероятностию не не [так!] рад будет видеть флаг наш в Средиземном море, яко новаго бурбонскому пакту соперника, тем более, что он по коммерции не имеет нужды менажировать турков.

По миновании португальских берегов и Гибралтарскаго пролива, вошед в Средиземное море, представится вам первою пристанью остров Мальта. Сама институция ордена сего имени, будучи основана на защищении Креста Святого и поборников его противу неверных, может, по-видимому, верным служить залогом, что порт Мальтийской не будет возбранен и эскадре Вашей, яко назначенной противу врага имяни христианскаго, которой тем самым есть и пребудет всегда равномерным врагом Ордена, и что по тому без затруднения найдете вы в оном за деньги всякую нужную помощь, естли паче чаяния необходимость какая привлечет вас туда. На всякой случай, для вящаго Ордену поощрения прилагается здесь с копиею для известия и руководства Вашего собственное Наше письмо к великому магистру онаго.

Когда понудят Вас обстоятельства искать пристанища в мальтийском порту, в таком случае при входе туда имеете Вы доставить ему оное с пристойным от себя приветствием, а естли не случится Вам такой нужды, не для чего уже будет и посылать сего писма, ибо оно инако было бы бесполезно.

Кроме вышеозаглавленных италийских владений представляются еще там Великое герцогство Тосканское с вольным онаго портом Ливорною, республики: Генуеская, Венецианская и Рагузская, которая состоит под протекциею турков и им дань платит.

---

³²⁰ У Элфинстона: *Plenipotentiary Minister*. Барон Отто Магнус Штакельберг с 1766 по 1771 г. был в Мадриде в ранге посланника. О нем см.: Российские дипломаты в Испании 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016. С. 66–76.

³²¹ Об отношениях с Бурбонскими домами см., например: Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М.: Наука, 1995; Черкасов П. П. Франция и русско-турецкая война, 1768–1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 50–76.

Ливорна, будучи вольным для всех портом, не может натурально и для вас затворена быть, поелику военные эскадры могут участвовать в неограниченной свободе и преимуществах вольного порта. Примеров тому множество в последних войнах между Англиею и Франциею. Они могут и Вам служить за правило.

С Республикою Генуэзскую не имели Мы непосредственного сношения, но хотя она в политике своей и привязана к Бурбонским домам, а особливо к Франции, которой недавно подвластной ей остров Корсику совсем уступила, но тем не менее, однако же можно надеяться, что она по образу вольного своего правления не откажет эскадре Нашей в нужном пристанище, ибо такой отказ был бы противен самой конституции ея.

В рассуждении Республики Венецианской настоят другие уважения. Она издавна желает ближайшего с Нами соединения, но по робости, от соседства с турками присходящей, не смеет еще податься на явные к тому способы. Без сумнения, будут нам венециане внутренно желать добра по существительнейшему их интересу в ущербе и упадке турецких сил, но извне, чаятельно, будут руководствоваться правилами вышеупомянутой робости, разве успехи наши скоростию и важностию своею заставят их снять маску. Вам надобно будет на сем основании распорядить поступки ваши в рассуждении республики, сносясь и требуя совета, когда время допустит, от Нашего в Венеции пребывающего поверенным в делах действительного статского советника маркиза Маруция³²², который между тем не оставит с своей стороны подавать Вам все нужные сведения.

О республике Рагузинской, которая сама по себе гораздо не важна, примечено выше, что она состоит под протекциею турков и платит им дань³²³. Правда, отрекается она от сего качества подданной и стороною забегала уже ко двору нашему с просьбою, чтобы ее навигация от неприятельской отличена была; Вы имеете по тому, если бы паче чаяния нужда заставила вас искать прибежища в портах сей Республики, сначала отозваться и обходиться с ней дружелюбно, полагая, что она с своей стороны не отречется от допущения каравелл Наших и от учинения им за деньги всякой потребной помочи, в противном же случае можете Вы оное себе по необходимости и силою доставить, трактуя тогда рагузские земли и кораблеплавание неприятельскими, по обыкновенным, однако ж, порядком между цивилизованными нациями, токмо чтобы сие сделано было с согласия графа Орлова.

Что касается до африканских в Средиземном море корсаров (*privateers*), выходящих из Туниса, Алжира и других мест, то хотя считаются они в турецком подданстве, однако ж, тем не меньше, оставляйте их на пути в покое, если только они сами вам пакостей делать не станут, и если опять не случится вам застать их в нападении на какое либо христианское судно, ибо тут, не разбирая нации, которой бы оно ни было, имеете вы их бить

---

³²² Пано (Павел) Маруцци (1730? – 10.07.1801 или 1799), маркиз. В Санкт-Петербурге 10 марта 1768 г. было официально объявлено о назначении Маруцци российским поверенным в делах при Венецианской Республике и при других торговых городах Италии. О нем подробнее: Россия в Средиземноморье. С. 56–62, 227–273 и др.; Фадеева Т. М. Отношения Россия – Венеция в конце XVIII века и маркиз Пано Маруцци (1730–1799), венецианский «грек» на службе России. Материалы к биографии // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. М.: Ин-т славяноведения, 2018. С. 130–149.

³²³ См.: Макушев В. В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1865.

и христиан от плена освобождать, позволяя и в прочем всем христианским судам протекцию Нашу, поколику они ею от Вас на проходе пользоваться могут.

Сверх сего, если вы во время крейсирования в неприятельских водах³²⁴ по каким-либо собственным Вашим усмотрениям за нужно найдете отозваться от себя манифестом или инако, как к тем варварским республикам для различения их флага от турецкаго, дабы Нам тем, естли можно будет, ослабить силы неприятельския, в оном Вы как главнокомандующий эскадрю свободныя руки от Нас получаете.

Вот Вам точное и обстоятельное описание тех политических сопряжений и интересов, в коих Мы находимся относительно ко всем европейским державам. Оно долженствует Вас служить запасным правилом, как, где обходится и чего от кого ожидать.

Независимо от главного предмета порученной Вам экспедиции, которой выше сего точно изображен и имеет состоять в воспрепятствовании и пресечении всего в Царьград из Египта и других турецких мест подвоза хлебного пропитания, равно как и всей собственной турецкой и под турецким флагом производимой навигации и морской торговли, и котораго предмета лучшее исполнение предали Мы единственно и с полною доверенностию Вашей к Нам верности и Вашему в мореплавании дознанному искусству, отправляются с вами сухопутные войска и разные военные снаряды в подкрепление сухопутных операций Нашего генерал порутчика графа Орлова.

Прежде всего, надобно Вам будет стараться высадить те войска и снаряды на берег в назначенных к тому от онаго генерал порутчика местах, а именно: в Майне, что в Морее, а особливо в порте, называемом на карте Песно, а по тамошнему Маротонизи, почему и имеете вы по приближении вашем в Архипелагу немедленно искать тех мест.

Мы надеемся, что к тому времени будут в них уже находиться поверенные его графа Орлова люди для скорейшаго приема и людей, и тягостей; но из благоразумной осторожности, которой Вам никогда из глаз выпускать не должно, не оставите Вы однако ж в приближение ваше к назначенным для выгрузки местам остановиться на некотором от них расстоянии, и искать наперед тем или другим образом прямо спознать и увериться, есль ли уж там поверенныя графа Орлова или другие какия от него посланныя службы Нашей офицеры, ибо как в сем случае и не будет Вам никакого более оставатся сомнения к безопасному входу в те места для высажения на берег войск и тягостей³²⁵.

Выше уже сказано, что адмирал Спиридов с эскадрю его назначен в подкрепление с морской стороны между Архипелагскими островами сухопутных операций Нашего генерала порутчика (в англ. версии: *генерал-*

---

³²⁴ Из этого можно заключить, что в 1769 г. Россия признавала значительную часть Средиземного моря как «Турецкие воды». Османская империя добивалась того же от Англии, Франции и других держав. Об этом см.: *Talbot M. Ottoman Seas and British Privateers // Well-Connected Domains: Towards an Entangled Ottoman History / ed. Pascal W. Firges et al. Leiden: Brill, 2014. P. 54–70.*

³²⁵ В русском оригинале к этому предложению добавлено: «так, с другой стороны, в противном случае, то есть: когда еще никого тут нет, надобно будет, удаляясь несколько от оных, стараться узнать место пребывания самого графа Орлова и возиметь с ним непосредственное сношение, где и как учинить вам высаживание и выгрузку на берег всего, к нему назначеннаго» (РГА ВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 147. Л. 12; МИРФ. Ч. 11. С. 404). Можно предположить, что Элфинстон намеренно исключил эту часть, так как не выполнил ее и за то обвинялся А. Г. Орловым.

лейтенанта) графа Орлова, и хотя таким образом цель и намерение наше в его и вашей экспедициях весьма разны и одни от других нимало не зависимы, но тем не менее, обстоятельства дел, польза службы Нашей, которая обоим вам всегда равный предмет, и временная иногда деликатность взаимных ваших позиций, требуя непрестанного между вами сношения, могут также в случаях нужды требовать и согласнаго вашего на время к одному концу действия, и взаимной друг другу помощи.

Мы твердо надеемся, что Вы во всем том сами собою ничего упускать не будете.

Равномерно не можем иметь ни малейшаго сомнения, чтоб и адмирал Спиридов не соответствовал Вам, как ему о сем по следующему здесь для известия и руководства Вашего экстракту инструкции его и точное повеление Наше дано.

В осмотре плавающих в неприятельских водах судов³²⁶, когда вы уже будете в действительном крейсировании к сему, по мнению Нашему, удобное место будет между Дарданеллами, имеете Вы поступать в разсуждении всех нейтральных наций по общенародным правам и обыкновениям, а что касается до контрабанды, по точной силе Нашего с Англиею комерческого трактата³²⁷, которой для Вашего сведения в печатном экземпляре при сем прилагается, конфискуя все то, что в оном оружием и военными снарядами имянно оглавлено и везется прямо к неприятелю, также и все ему собственно принадлежащее, но не забирая однако ж самых судов какой бы они христианской нации ни были, хотя турецких подданных, дабы инако не произвести жалоб посторонних держав, ниже огорчать тех самых христиан, на освобождение и подкрепление которых подьемлим Мы толь великий подвиг, следовательно же, и не разделявать одною рукою то, что другою сооружаемо будет на твердой земле, ибо успех и поспешествование сухопутных операций почитаем мы, да и долженствуют они неотменно пребыть первым и главным предметом всех других предприятий, исключая токмо те, между ими роды и уезды, о коих от графа Орлова вам знать дано будет, потому что случится может, что и христианския под державою турецкою находящияся суда³²⁸

---

³²⁶ Европейские державы XVIII в. долго не могли прийти к единому пониманию «доброго приза». Воюющие державы приписывали себе право досмотра нейтральных судов не только в неприятельских территориальных водах, но и в «открытых морях» («открытое море» считалось по дальности пушечного выстрела). Досмотр проводился, чтобы убедиться, что нейтральное судно не везет запрещенные боеприпасы или (в некоторых случаях) груз врага, или даже что судно действительно принадлежит нейтральной стране, а не маскируется нейтральным флагом. Поскольку досмотр часто замедлял торговое судно и в случае, когда на нем находился сомнительный груз, вообще мог спровоцировать судебное разбирательство, практика досмотра часто приводила к жалобам нейтральных держав. См.: *Kulsrud Carl J. Maritime Neutrality to 1780: A History of the Main Principles Governing Neutrality and Belligerency to 1780*. Boston: Little, Brown, & Co., 1936. P. 156–202. «Неприятельские воды», указанные Екатериной, – это не только территориальные воды османских владений, но и все Эгейское море. Согласно договоренностям и обещаниям Османской империи европейским державам (Британии и Франции), Российское государство считало воды Восточного Средиземноморья османскими территориальными водами и, соответственно, в военное время открытые воды здесь не отличались от «неприятельских». О понятиях османских территориальных вод см.: *Talbot M. Ottoman Seas and British Privateers* P. 54–70. О российских интерпретациях см.: *Leikin J. Prize law, maritime neutrality, and the law of nations in imperial Russia, 1768–1856*. P. 112–113.

³²⁷ Условия торгового трактата с Англией 1766 г. установили, какие грузы считались контрабандными; эти определения Екатерина II сочла возможным применить к грузам нейтральных стран.

³²⁸ Т. е. суда, принадлежащие христианским подданным Османской империи. Действительно, «греческие» суда доставляли немало проблем регулярным силам флота в Архипелаге в 1769–1774 гг.; в продолжение войны в адмиралтейском суде проводились весьма тщательные разбирательства того, какие из греческих судов исполняли «противные действия». Не случайно Екатерина написала А. Г. Орлову в своем рескрипте еще 6 мая 1769 г.: «опасаюсь, что они в грабеже своем не сделают различия между единовѣрных и Наших и прочих турецких подданных; большое же число кораблей, кои ходят в Архипелагии, все суть греческие, а турецких гораздо меньше» (Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа

должны таковым же образом, как и неверные, трактованы быть по мере их противных нам действий.

Суда же и товары магометан должны всегда добрыми призами почитаемы и как таковыя в пользу употребляемы быть.

В заключение всего вышеписанного объявляем Мы здесь последней, но в то же время и важнейшей пункт соизволений Наших.

Свойство экспедиции Вашей не таково, чтобы на разные степени и обороты оной можно было предписать точные положения, и для того, с одной стороны, с доверенностию на искусство и верность Вашу оставляя Вам совершенно свободные руки действовать в порученной Вам части поисков над неприятелем по лутчему Вашему уразумению и, таким образом, как когда обстоятельства и самоличныя Ваши усмотрения позволять будут, хотим однако ж, с другой, определить здесь к будущему Вашему руководству одно генеральное: но, тем не менее, неперменное и всем другим уважениям предшествующее правило.

В самом начале сей инструкции видели уже Вы, что главная всему нашему плану цель состоит в поднятии на турков подвластных им греческих и славянских народов, следовательно же, и должны уступать оной первое место все другия побочныя предприятия, а как экспедиция ваша принадлежит натурально в число сих последних, первым же предметом есть и всегда должны пребывать операции нашего генерал порутчика графа Орлова при подкреплении с моря эскадры адмирала Спиридова, которая единственно к тому назначена, то и можете вы из того далее заключать, что, когда ему с своей стороны в произведении главного предмета надобно будет по временам употреблять ласку, увещевания и другие скромныя способы, Вам, напротив, не надобно будет ничего такого предпринимать, чтобы его мерам сколько ни есть опорствовать и препятствовать могло. Мы в сем случае особливо разумеем всякое от Вас иногда где либо на твердой земле с берегу или же на котором либо из Архипелагских островов удобным и возможным усматриваемое скорое и сильное предприятие и покушения по опасению, дабы разным с двух сторон поведением там, где одинакому быть надобно, не умножать самим себе напрасных трудов и забот, и не останавливать сухопутных операций, чего ради и рекомендуем Вам единожды навсегда содержать с графом Орловым частое и точное сношение, дабы Вы его мерам по возможности содействовать могли, а особливо по незнанию видов его и положения дел на сухом пути не предприняли чего оным противного и предосудительного.

Употребление арматоров или корсаров противу мореплавания неприятеля, относясь к пользе и вреде от онаго происходящих к христианским народам тамошней стороны, потому самому и касается до тех мер и распоряжений, которые от Нас поручены нашему генералу порутчику графу Орлову, а вследствие того по пункту действительного употребления оных и надобно Вам будет поступать и следовать по его советам и требованиям.

Для надежности корреспонденции Вашей с нами, с графом Орловым, с адмиралом Спиридовым и с поверенным в делах в Венеции маркизом Маруцием, которая неотменно требует сохранения непроницаемой тайны, прилагаются здесь цифирные ключи, кои Вы всегда в собственном Вашем хранении содержать имаете, не выпуская их из рук, как только для нужного употребления под собственными Вашими глазами.

Для исправления при Вас корреспонденции, дел и переводов повелели Мы Нашей Коллегии иностранных дел определить к Вам переводчика ея [с] аглинского и французского языков Джонсона Ньюмана, которому имеете Вы производить жалованья в год по шести сот рублей, да покуда он у вас пробудет, сверх онаго по пятидесяти рублей на месяц из вверенной вам суммы.

На чрезвычайные расходы определяем Мы Вам двести тысяч рублей (40 тысяч фунтов стерлингов), которые имеете Вы принять здесь на месте в червонных от Нашего генерала прокурора князя Вяземскаго, считая каждый червонной по 2 рубли и по 65 копеек³²⁹.

Употребление оных на нужные службы Нашей чрезвычайные расходы и содержание самых экипажей Мы вверяем с полною доверенностию Вашему собственному разбору и благоусмотрению, полагая твердо, что Вы, предпочитая всему и везде пользу дел Наших, будете в том руководствоваться Вашею верностию и разумною бережливостию.

Сверх того посылается еще с Вами в червонных же сто тысяч рублей в диспозицию Нашего генерал порутчика графа Орлова, которая Вы ему по первому требованию отпустить имеете, или в случае, если бы Вы прежде сношения с графом Орловым соидитесь с адмиралом Спиридовым, то тогда все сии деньги для скорейшаго доставления отдать оному адмиралу.

Для известия Вашего прилагается здесь один экземпляр копии того манифеста, которой в турецких областях от графа Орлова в свое время опубликован быть имеет³³⁰. А в прочем, испрашивая благословения Бога Вседержителя на предприемлемый Вами путь и на будущия Ваши военные операции к славе флага Нашего, пребываем Мы Вам императорскою Нашею милостию благосклонны. Дан в Санкт Петербурге сентября 25 дня 1769 года.

Подписано: *Екатерина*

Redimé³³¹ граф Панин

Collationné avec l'Original ³³²*Andre Nabocov* ³³³

Вследствие короткого *мемориала*, который я некоторое время назад отправил императрице, выражая мое нежелание находиться под командованием вышестоящего офицера в службе или в противность моему договору, и чтобы удовлетворить меня в этой части, мне был дан следующий экстракт из инструкции адмиралу Спиридову вместе с самыми серьезными уверениями графа Панина от имени императрицы, что никто не будет мною командовать.

Экстракт из Инструкций, данных адмиралу Спиридову³³⁴:

По выступлении Вашем с эскадрою отправится отсюда другая [эскадра] в трех линейных кораблях и двух фрегатах под командою контр-адмирала Элфинстона. Он будет иметь повеление идти как наискорее к Дарданеллам и занять там в канале выгодную позицию для пресечения всего водяного в Царьград из Египта и других мест подвоза. Хотя таким образом цель экспедиции его будет совсем другая от порученного Вам предмета и общих

---

³²⁹ Ср.: Адмирал Г. А. Спиридов на эскадру получил наличными 20 тыс. ефимков [серебряных талеров], 18 тыс. рублей и 22 137 голландских гульденов. Снабдили его и векселями (*Гребенищикова Г. А. Балтийский флот. С. 210*).

³³⁰ О нем см.: Россия в Средиземноморье. С. 76–78.

³³¹ Вероятно, ошибочно от «*redessiné*» или «*redissé*» – передано, сообщено.

³³² Франц.: «Сличено с подлинником».

³³³ *Набоков Андрей Иванович*, советник канцелярии коллегии иностранных дел.

³³⁴ Издано: МИРФ. Ч. 11. С. 374.

Ваших с графом Орловым операций на твердой земле и в Архипелаге, однако, тем не менее, держась каждый из вас своего особенного вида и не смешивая их вместе, взаимные ваши действия могут поблизости быть друг другу не малую помощью и облегчением, чего ради и не оставите вы по востребованию обстоятельств содержать и производить между собою частное и полезное для дел наших сношение.

Все теперь было закончено в Санкт-Петербурге, и я с моими сыновьями самым нежным образом попрощался с Его императорским высочеством великим князем и графом Паниным, который казался равным образом тронут при расставании. Я поднялся с деньгами на яхту, которая всегда ожидала меня для отъезда в Кронштадт, и немедленно приказал выплатить офицерам подаренную императрицей треть жалованья, чтобы у них была возможность ее потратить или оставить своим семьям. Это дало офицерам свежий пример моего внимания к их потребностям, тогда как адмирал Спиридов отплыл, не распределив денег, к великому страданию семей и кредиторов. Я разрешил определенному числу офицеров с каждого судна получить 48-часовую увольнительную, чтобы отправиться в Санкт-Петербург приобрести то, что им нужно.

10/21 октября³³⁵ мы отправились с рейда Кронштадта. Под моей командой были следующие корабли и прочие суда:

«Не Тронь Меня», на котором я имел свой флаг, капитан Хметевский – 66-пушечный – 512 человек команды.

«Саратов» – капитан Бешенцов, 66-пушечный, 512 чел.

«Тверь» – капитан Игнатьев, 66-пушечный, 512 чел.

«Надежда» – капитан Поливанов, 32-пушечный, 220 чел.

«Африка» – капитан Клеопин, 32-пушечный, 220 чел.

«Чичагов» – 14-пушечный, 60 чел.

«Св. Павел», пинк, используемый как транспортное судно, 6-пушечный, 25 чел.³³⁶

«The Providence and Nancy», английский транспорт.

Когда мы все, кроме «Твери», подняли паруса, форт острова Кроншлот и сторожевые корабли салютовали моему флагу одиннадцатью выстрелами, и мы ответили равным количеством. Я стоял только под марселем в ожидании «Твери», но обнаружив, что [корабль] «Тверь» не снялся, тоже повернулся против ветра, чтобы остановиться, и послал офицера на «Тверь» с приказом взять над ним команду, если он не поднимет паруса в 20 минут после того, как офицер вступит на борт. Это возымело должный эффект.

Мы шли под малыми парусами всю ночь и на следующий день в полдень прошли остров Гогланд. Ветер усилился, пошел очень густой снег, так что мы едва могли видеть конец бушприта, волны били прямо в правый борт так, что кормовая галерея была полна воды. В 10 часов ночи ветер переменялся на северо-западный, и ночь была замечательно ясная. Мы были вынуждены остановиться, так как шведский берег был не более чем на румб от направления ветра (даже при том, что у нас были взяты рифы марселей). В 12 часов все корабли были близко от нас, однако на следующее утро «Чичагов» и «Африка» с нами разлучились, и хотя ветер продолжал быть попутным, я не мог продвигаться при нем так же хорошо, как если бы эти корабли не исчезли. Не желая их покидать, я продолжал идти под малыми парусами, иногда поворачивая против ветра, в надежде в любой момент увидеть их. Из поведения остальных я понял, что и они бы разлучились, если бы могли.

---

³³⁵ Официальной датой ухода эскадры принято считать 9/20 октября.

³³⁶ На пинке «Св. Павел» изначально было 12 орудий (далее Элфинстон указал, что 9 орудий). Из Кронштадта этот пинк шел под командой капитана Семена Кривцова, а уже из Портсмута под командой британца Джеймса Престона. Летом 1770 г. в Архипелаг пришел еще и английский *фрегат* «Св. Павел» (будем для ясности фрегат называть далее «St. Paul»); о нем подробнее см. ниже. Пинк «Св. Павел» был размонтирован в 1772 г. в Аузе на Паросе.

Адмиралтейств-коллегия сообщила мне, что «Святослав» имел приказ присоединиться при острове Нарген, к которому я подошел близко, но и следа этого корабля не было видно, поэтому я поспешил продолжить мой поход, желая выйти из Финского залива, пока продолжал дуть попутный ветер, но мы едва вышли на 10 лиг из этого опасного залива, как ветер стал встречным, что заставило нас взять марсели, а фрегатам лавировать под нижними парусами.

13/24 [октября] я с трудом заставил один из их [российских] военных кораблей подойти ко мне. Это оказался корабль «Архангел»³³⁷, идущий в Ревель. Я приказал капитану поискать пропавшие корабли, а также «Святослав» и сообщить командору Баршу, капитану «Свято-слава», чтобы следовал за мною к Эльсинору, где он найдет следующие приказы, если я к этому времени уже уйду оттуда. На следующий день встречный ветер усилился и поднял волну выше, чем наши новички (*freshwater sailors*) когда-либо видели, у многих из них случилась морская болезнь. Офицеры не могли говорить ни о чем ином, кроме того, как сменить курс, и предлагали мне направиться в Ревель, но для этого нужно было вернуться назад в Финский залив, и я мало принимал во внимание их мольбы, однако они весьма скоро заставили меня изменить свое решение.

Незадолго до обеда мой капитан [С. П. Хметевский] поднялся снизу на квартердек с таким выражением лица, будто произошло что-то страшное – пожар был первым, что я мог себе вообразить (а рядом не было переводчика), однако мне сказали, что у корабля открылась течь и что в трюме 4 фута³³⁸ воды. Я приказал лейтенанту Макензи³³⁹ самому туда отправиться, измерить воду, и до того, как он вернулся, первый капитан-лейтенант Жемчужников (второй веселый толстяк, второй Фальстаф³⁴⁰) пришел, тяжело дыша и бранясь, с футштоком³⁴¹ и линейкой в руке. После его измерений оказалось, что в трюме было уже 65 дюймов воды; при двух работающих цепных помпах, когда Макензи измерил воду в трюме, то там было только 54 дюйма воды. В это самое время команда корабля вся была в растерянности, из рапорта, который мне сделали, я узнал, что один из подветренных пушечных портов открылся, что трюм полон воды и что на нижней палубе воды по колено³⁴². Времени на выяснение, так ли обстоит дело, не было, если была открыта крышка пушечного порта с подветренной стороны, поэтому я отдал приказ сменить курс или повернуть судно носом против ветра, чтобы вывести пушечный порт из воды, но капитан, или испугавшись, или по незнанию, или по обоим причинам, приказал отпустить фокашкот и держать гротшкот натянутым, соответственно нос корабля подняло ветром, он потерял управление и казалось, будто он залит водой. Я имел все основания так и думать по отчетам, что мне доставляли. В этот момент, хотя я уже был сильно обеспокоен, я услышал крик: «Пожар!» и, повернув голову, увидел языки пламени, вырывающиеся из трубы офицерской кают-компании, этот огонь почти поджег бизань-мачту, которую ставили, чтобы повернуть корабль. Все это усилило замешательство и помешало на время поворачивать корабль, что было сделано, как только пламя удалось погасить. Так как у нас не было времени дать сигнал приводиться к ветру, это теперь было сделано, и вскоре моя тревога улеглась, когда мне сказали, что все порты были задраены.

³³⁷ Если судить по шканечным журналам, это был корабль «№ 1 Всеволод» эскадры вице-адмирала П. П. Андерсона, и этот корабль Элфинстон встретил на два дня раньше – 11/22 октября (МИРФ. Ч. 11. С. 444).

³³⁸ Или 48 дюймов, т. е. примерно 120 см!

³³⁹ Макензи Томас (Фома Фомич) (Мак Кензи, Мекензи, MacKenzie, Thomas) род. в Архангельске в 1740 г., умер в Севастополе 10/21 января 1786 г.), шотланец (его отец был приглашен на российскую службу и стал контр-адмиралом). Мичман российского флота (с 1765 г.), дослужился до контр-адмирала (1783 г.). О нем см.: Усольцев В. С. Фома Фомич Мекензи. Севастополь: Арт-Принт, 2001.

³⁴⁰ Первый «толстяк», очевидно, капитан С. П. Хметевский.

³⁴¹ Палка для промера глубины.

³⁴² Донесение капитана Хметевского об этом случае от 18 ноября 1769 г. с комментариями Элфинстона издано: МИРФ. Ч. 11. С. 410–411.

Я спросил моего капитана, кто ему сказал, что порт был открыт, на что он ответил, что не может сказать точно, кто это был из нижних чинов. Это было тем примечательней, что все время, когда мы думали, что потонем или сгорим, я ни разу не подумал о своих детях [двух сыновьях], до того момента, пока огонь не был потушен. Пока мы поворачивали и шли по ветру, я понял, что грот-мачта была готова завалиться набок из-за слабого крепления, и поскольку течь быстро уменьшалась, я приказал повернуть корабль под ветер, чтобы защитить мачту, укрепив такелаж, намереваясь на следующий день еще предпринять попытку продолжить плавание, если ветер уменьшится. Как только корабль был остановлен и вода была помпами откачана, я обнаружил, что течи на нем нет, затем я дал приказ крепить такелаж фок- и грот-мачт, что, я думал, они должны были бы сделать для своей собственной безопасности, но, поднявшись на палубу через два часа и ожидая увидеть их за работой, к моему величайшему удивлению, я нашел вахтенных офицеров спокойно сидящими, так как этот случай, я предполагаю, наполнил их надеждой оказаться в безопасности в Ревеле на следующий день и закончить плавание. Я вызвал капитана, которому я отдавал приказы, но мне сказали, что он в постели, я спросил, почему они не крепят такелаж, на это они ответили, что собирались заняться этим при свете дня. Я послал за моим капитаном и, отчитав его, приказал зажечь огни, и не находя ни в ком подчинения, счел необходимым не ложиться до двух часов ночи, чтобы закончить с этим. Как раз в тот момент, когда ветер переменялся на крепкий северный, к их большому разочарованию, я приказал дать сигнал к отправке и продвижению на всех парусах вперед в нашем плавании. При свете дня с нами оставался только «Саратов», и я предположил, что офицеры остальной части моей эскадры ожидали рассвета, чтобы подчиниться сигналу.

На следующий вечер мы увидели остров Готланд.

То ли из-за последних неприятностей с кораблем, то ли из-за плохо прикрепленной медной обшивки кирпичная кладка [печи] рассыпалась, так что бедные люди, промокшие и голодные, не могли получить горячего.

18 [октября] «Надежда» и транспорт «Providence & Nancy» присоединились к нам при Фальстербу, и 20-го мы встали на якорь на рейде Эльсинора. Я послал своего секретаря в Копенгаген с письмами к графу Панину и генерал-майору Философову³⁴³, посланнику Ее величества при датском дворе. Письмо Философову было только повторением того, что описано выше с того момента, как я покинул Кронштадт³⁴⁴, но его сиятельству графу Панину я написал следующее:

«Не Тронь Меня». Эльсинор, 19/30 октября 1769 г.

Его сиятельству графу Панину³⁴⁵

Monseigneur,

Я льстил себя надеждой, что я прибуду сюда с небольшой эскадрой кораблей Ее императорского величества под моим командованием, но с сожалением сообщаю, что при мне в настоящее время только «Саратов», «Надежда» и английский транспорт. «Африка» и «Чичагов» разлучились с нами 11-го ночью к западу от Готланда при попутном ветре и хорошей ясной

---

³⁴³ Философов Михаил Михайлович (1732–1811), служил в армии в Семилетнюю войну, затем выполнял отдельные дипломатические поручения Н. И. Панина в Европе; в 1766 г. возглавил Сухопутный шляхетский корпус. В 1768 г. направлен посланником в Данию. Пользовался расположением датского премьер-министра графа Бернсторфа, по после отставки Бернсторфа в 1770 г. вернулся в Россию. С 1774 по 1796 г. в отставке, жил уединенно. В конце 1796 г. Павел I произвел М. М. Философова в генералы от инфантерии и назначил его военным губернатором смоленским и псковским.

³⁴⁴ Это письмо с рейда Эльсинора, датированное 21 октября/1 ноября 1769 г., сохранилось (АВПРИ. Ф. Копенгагенская миссия. Оп. 54/1. Д. 214. 2 л.).

³⁴⁵ Письмо опубликовано, но с сокращениями и разночтениями (МИРФ. Ч. 11. С. 413–414). Здесь публикуется перевод текста, приведенного в «Повествовании» Д. Элфинстона.

погоде. Было замечено, что «Чичагов» шел так же, как и «Не Тронь Меня», который шел всего лишь со взятыми рифами марселей.

Я, не меняя курса, ожидал их на следующий день до полудня, но не увидел их, не увидел я и никаких следов «Святослава». Я имел переговоры с новым кораблем Ее императорского величества № 1 из Архангельска и приказал его капитану высматривать «Святослав» и потерявшиеся корабли моей эскадры, и сообщить их капитанам, когда и где с нами встретиться. На следующий день вблизи Финского залива мы говорили с другим кораблем Ее императорского величества «Архангел» и дали ему те же приказы. Поскольку ветер был попутный, я думаю, они вскоре нагонят нас. Мы встретили сильный ветер от WSW, и после того, как у «Не Тронь Меня», судя по рапорту капитана, открылась течь, я отправился в 2 часа пополудни с флотом, но к девяти часам той же ночью уменьшилась вода до 30 дюймов. Ветер вскоре после этого переменялся на крепкий северный, я направился к острову Готланд, чтобы продолжать плавание, но с этого времени я не видел ни «Тверь», ни «Св. Павел», однако предполагаю, что они не могут сильно отстать, так как шли хорошо и казались в хорошем состоянии.

Я как можно скорее хочу осмотреть «Не Тронь Меня» и заделать швы, чтобы привести его в состояние продолжить плавание, как только остальные суда смогут присоединиться ко мне, но из-за того, что я должен взять «Святослав» под мое командование, я не знаю, как мне быть, если я буду вынужден его ожидать, если остальные суда моей эскадры присоединятся ко мне и я буду готов к отбытию. Как Ваше сиятельство мне говорили, если я встречу «Святослав», то должен только позаботиться о нем, но этот корабль не должен стать для меня никакой помехой. В этом случае я отважусь не ожидать его, если буду готов к отходу.

Я прошу дозволения обратить внимание Вашего сиятельства на то, что из-за ветров и непогоды, которые были в течение нашего плавания, я не вижу никакой причины отставшим судам входить в порт. Мы при попутном ветре ожидали при Драго лоцманов и разрешения на заход в Копенгаген 36 часов³⁴⁶.

Я не могу не выразить удивления поведением моего капитана и главных офицеров «Не Тронь Меня», которые постоянно жалуются на то, что корабль прогнил и ветхий. Я имею честь передать Вашему сиятельству донесение от капитанов кораблей, которые находятся при мне, если следовать этому донесению, то этого было бы достаточно, чтобы положить конец всей экспедиции. Я также приложил мои собственные замечания против этого донесения³⁴⁷, которые, как я надеюсь, только докажут различие в наших желаниях: моем – двигаться вперед, а их – зимовать здесь.

Что-то действительно может быть отнесено на счет погоды и времени года, с которыми офицеры и матросы никогда не были знакомы* ([на поле приписано:] *они только заняты в крейсировании в разгар лета в течение месяца, и то в основном вынуждены стоять на якоре или приводя новые корабли из Архангельска, но тоже только в эту пору года, если ничего не произойдет, как случилось в этом году, и им только разрешают участвовать в четырех кампаниях*). Они испытывают большую нужду в плотниках для

---

³⁴⁶ В изданном в МИРФ тексте предложение продолжено: «В этот промежуток времени суда могли бы сделать 60 немецких миль».

³⁴⁷ Донесение капитана С. Хметевского и Замечания на него изд.: МИРФ. Ч. 11. С. 410–411.

морских судов, чтобы следить за всеми частями корабля, особенно пушечными портами в плохую погоду, а это и было причиной течи и такого количества воды [в трюме]. Здесь же Ваше сиятельство получит отчет о состоянии кораблей Ее императорского величества, находящихся при мне.

Я прошу сделать мне честь заверить императрицу в том, что я буду выполнять ее приказы с величайшей быстротой и сделаю все, что в моих силах³⁴⁸.

Имею честь быть
Д. Э.

Господин Философов обратился к датскому министру за конопатчиками, и мастер-строитель и конопатчики были присланы в Эльсинор осмотреть корабли моей эскадры; они были англичанами³⁴⁹. Они доложили мне с изумлением, что течь на «Не Тронь Меня» происходила потому, что носовая часть корабля не была законопачена, что многие швы были покрыты смолой совсем без пакли и один новый кусок доски в 2 фута длиной был положен в носовую часть, но никогда не был законопачен.

Пока были наняты конопатчики, я дал указание на все корабли, которые следовали со мной, налиться водой и установить две дополнительные ручные помпы в носовом люке.

26 октября³⁵⁰ к нам присоединился Ее императорского величества транспортный пинк «Св. Павел», но не привез никаких сведений о потерявшихся судах. В тот же день я удостоился чести принимать нашего посланника его превосходительство господина Философова. Он почел своей обязанностью сделать выговор капитанам и офицерам за их малодушие. Никогда в жизни я не видел людей столь покорных, он говорил с ними в таком тоне, который их унижал, а они шутили, будто я не мог обходиться с ними так, как это бы делали их командиры³⁵¹.

---

³⁴⁸ Ответом на это стала записка императрицы графу Панину: «Напишите Элфинстону, что он может ожидать „Африку“ и „Святослава“, но что его любезный „Чичагов“ погиб, а „Тверь“ вернулся в Ревель, за что командир будет примерно наказан, что за поздним временем он придет к нему только весною, что, если он чувствует себя очень слабым, то посоветуйте ему приискивать, где только возможно, арматоров, и что граф Орлов имеет мои приказания относительно патентов» (МИРФ. Ч. 11. С. 417).

³⁴⁹ В Дании большая помощь незадолго до того уже была оказана эскадре Спиридова. О приеме эскадры Спиридова в Копенгагене см.: Гребенищикова Г. А. Балтийский флот. С. 216–219.

³⁵⁰ В шканечных журналах стоит дата 27 октября.

³⁵¹ М. М. Философов, вероятно весьма удрученный состоянием, в котором пришла в сентябре эскадра Спиридова, в своем донесении от 24 октября/4 ноября 1769 г. расхваливал Элфинстона и сообщал о том, как по согласию с Элфинстоном он делал выговор капитанам: «Из поездки моей в Гелсинор вчера возвратился. Нашол контр адмирала Элфинстона эскадры находящиеся при нем карабли генерально говоря в исправном состоянии, служба исправляется с порядком и точностию, и руския пословицы *ну как нибудь и через пень колоду валить*, кажется, что уже в команде ево истребляются, словом сказать <...> от сей эскадры е. и. в. успехов ожидать, конечно, может, а та полезность уже и очевидна, что наши офицеры и матрозы прямо морскую службу узнают, и что не гораздо авантажных в теснении в пользу наших морских знаний и разрядов, произведенная проходом и пребыванием здесь прежней эскадры, полезнейший переворот в разгласке публики получают. Даккие лучшие морские офицеры уверяют, что сия эскадра в таком исправном состоянии, что они никогда лучшего в своих ожидать не могут. Проворство в переворотах судов, легкость в плавании, а особливо оснастку весьма хвалят, чистота на судах и все меры к збережению здоровья людей строго наблюдают, больных почти нет, и все в том устройстве, что всегда готово к бою. А те суда, которые или курс не по порядку держат, или медлительно испущением сигналами повеленное отправляют, наказываются выстрелом по ним ядром, что сперва казалось многим из наших удивительно, однако, наконец, из того польза службы роптания пресечением послужила. По несчастию, наши мореплаватели в таком невежестве и в таком ослабном порядке отправлять своя службы приобвыкли быть, что контр адмирал весьма большия трудности в негодованиях, роптаниях и в беспрестанных ссылах от офицеров на Регламент находит, а больше всего с огорчением видит, что желание большей части офицеров к возврату, а не к продолжению экспедиции клонится, и что безпрестанно делается ему в том представлении аб непрочности судов и тому подобном, единственно из сего приметы производят, а из того тот большей вред следует, что нижние служители и весь экипаж теряют бодрственную надежность, столь нужную при столь трудной экспедиции. К отвращению сего по общему совету с контр-адмиралом я за нужно признал, собрав капитанов, им от имени е. и. в. строгое увещевание зделать и притом объявил, что Ея и. в. в полную власть контр-адмирала препоручила их без всаго суда не только отрешать <...>, но и чинов лишать, а напротив и всякое такое награждение за отличную ревность к службе, которое им от контр адмирала обещано будет, от них действительно признаваемо бывало, как буде бы и оно из собственных уст ея получали. А как из всех капитанов господин Хметевской с сей стороны наибольше погрешил, то и весь вид к его точному разжалованию зделан, и по усмотрению в нем

Я воспользовался возможностью написать графу Панину, обратившись к посланнику, чтобы он отправил письмо:

Его сиятельству графу Панину³⁵²

«Не Тронь Меня». Эльсинор 26 октября 1769 г.

Monseigneur,

С тех пор как я имел честь писать 19-го числа настоящего месяца, мы были заняты конопаченьем «Не Тронь Меня», у которого некоторые носовые части вовсе не были конопачены перед тем, как он вышел из Кронштадта, как о том заявил датский мастер в присутствии г. Философова. Господин Философов по прибытии моем удостоил меня посещением и оказал огромную услугу, справедливо укоряя в особенности моего капитана.

Что касается плохого качества конопаченья всех кораблей или отсутствия его, я очень опасался это обнаружить, так как все, что было сделано с «Не Тронь Меня», было сделано плохо или вовсе в некоторых местах корабль не был конопачен, потому что все делалось кое-как и переделывалось, чтобы затянуть с нашим отправлением так, чтобы стало совсем поздно уходить, что почти и удалось.

Теперь капитаны говорят, что, когда они жаловались на дурное состояние или недостаток чего-либо, адмиралы Мордвинов и Назимов имели обыкновение угрожать им понижением по службе, что было слабым извинением, если оно было правдивым, так как они состояли под моим началом и я приказывал давать мне знать, как только они сталкиваются с препятствиями в исполнении их обязанностей.

Хотя я приказал, чтобы суда были снабжены провизией для известного числа людей на 6 месяцев, и определил число людей для каждого судна, однако на «Не Тронь Меня» людей больше, чем на «Саратове», на 50 человек, которые должны были войти в комплект корабля, именно в число 512 человек. Этот излишек притом на флагманском корабле с двойным количеством офицеров заставляет нас очень тесниться³⁵³.

Уже 9 дней, как мы стоим у Драго, не имея никаких сведений об остальных кораблях, а ввиду незначительности моих сил нельзя многого ожидать, уйдя без них. Если же они придут после моего ухода, то никогда отсюда не выйдут. Поэтому я рассуждаю, что лучше всего ждать до того, как я получу о них достоверные сведения.

Я с удовлетворением сообщаю Вашему сиятельству, что капитан «Надежды» нашел способы без посторонней помощи остановить свою предполагаемую течь, ему намекнули, что я не захочу, чтобы он рисковал жизнью, и если он изберет это, я позволю ему вернуться по суше и поставлю другого капитана, но он был в неуверенности, с каким приемом столкнется.

Имею честь оставаться и проч.

Д. Э.

большаго о том утешения и раскаяния, он на прежнее восстановлен» (АВПРИ. Ф. Копенгагенская миссия. Оп. 54/1. Д. 152. Л. 179–179 об.).

³⁵² Опубликовано: МИРФ. Ч. 11. С. 414–415.

³⁵³ Здесь, вероятно, намеренно Элфинстон выпустил все технические детали, которые между тем имеются в опубликованном послании (см.: там же).

Организовав все работы по экипировке и наливанию кораблей водой, я отправился в Копенгаген ожидать прибытия отставших кораблей или достоверных сведений о них³⁵⁴. Я был принят его превосходительством [Философовым], предоставившим мне с величайшей вежливостью и гостеприимством свой дом, лошадей, карету и слуг, чем я и мои сыновья воспользовались со всей душой, и он искал любого случая, чтобы наше время протекало наилучшим образом³⁵⁵. Я был представлен королю³⁵⁶, который принял меня и моих сыновей очень милостиво. Там нет обычая целовать руки. Камергер Его величества подошел ко мне и от имени короля пригласил к обеду, и когда дворцовый прием закончился, король, вдовствующая королева и принц³⁵⁷ удалились в большую комнату, где стоял подковообразный стол, накрытый на 30 кувертов. Знать и прочие, кто был при дворе, последовали за королевской семьей и оставались до тех пор, пока резчик мяса (*carver*) помогал королю, затем все поклонились и удалились, а те, кто был приглашен или имел право обедать за гофмейстерским столом, последовали в большой зал, где стоял стол, накрытый примерно на 60 кувертов для зарубежных министров, 50 вельмож и прочих. Такое происходит только по четвергам, которые считаются Приемными днями (*Public Days*)³⁵⁸.

Ее величество была нездорова и не присутствовала на официальном приеме, но она так пожелала увидеть своего «соотечественника»³⁵⁹ (если использовать выражение ее гофмейстера), что я и мои сыновья имели честь быть представленными королеве по ее приказу в 8 часов вечера. Когда она всемилостивейше приняла нас и мы имели честь поцеловать ее руку, она с удовольствием задала мне несколько вопросов о российском дворе; мы удалились через 10 или 15 минут.

В то время, пока был в Копенгагене, я вновь получил отменные знаки королевской благосклонности и имел честь танцевать на балу с фрейлиной третьей парой за королем и королевой. Бал был дан в честь дня рождения вдовствующей королевы³⁶⁰, и после бала я ужинал за

³⁵⁴ Всего в Копенгагене были проведены работы на сумму 2058.38 ½ *Dannish current Rix dollars* (ригсдаллеров). Отчет о проведенных работах см.: РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–25 об.

³⁵⁵ 31 октября/11 ноября 1769 г. М. М. Философов писал в Петербург: «Вчера на куртаге представлен был от меня королю контр адмирал [Элфинстон], и принят от Его величества и от всего здешнего двора с отличностию» (АВПРИ. Ф. Копенгагенская миссия. Оп. 54/1. Д. 152. Л. 181). Ранее в своих сентябрьских посланиях Философов также отмечал, что во время пребывания в Дании эскадры Спиридова «Елманов и командующия кораблями капитаны были на куртаге представлены их дацким величествам и, как от короля, так и от королевы весьма милостиво приняты, и от всего здешнего двора весьма учтиво обласканы», но адмирал Спиридов «за болезнию» королю так и не был представлен и, кажется, на берег не сходил (Там же. Л. 91 об.). Британский посол в Копенгагене Роберт Ганнинг сообщал 11 ноября 1769 г. в реляции о прибытии Элфинстона и о милостивом приеме, оказанном ему при дворе («Admiral Elphinston being obliged to wait for the remaining part of his squadron, came here a few days ago from Elseneur. He was yesterday presented at Court, and has received the highest Marks of attention from every body here» – TNA. SP. 75/122. Fol. 236).

³⁵⁶ Кристиан VII (дат. Christian VII; 1749–1808), король Дании и Норвегии с 14 января 1766 г., официально до смерти в 1808 г. Когда он взошел на трон, обнаружилась его психическая нестабильность. В 1770 г. была совершена первая попытка переворота и Кристиана отстранили от власти, по сути с 1770 по 1772 г. страной управлял доктор Йохан Фридрих Струенсе. – *Oakley S. P. Christian VII // Dictionary of Scandinavian History / ed. Byron J. Nordstrom. Westport, CT: Greenwood Press, 1986. P. 69–70, 562–564.*

³⁵⁷ Вдовствующая королева София Магдалена Бранденбург-Кульмбахская (1700–1770), жена Кристиана VI, бабушка Кристиана VII. При этом, очевидно, Элфинстон называет Фредерика, сына короля Фредерика V и его второй супруги Юлианы Марии. Впрочем, к этому времени у Кристиана VII и его супруги Каролины Матильды уже родился сын Фредерик, который в 1808 г., после смерти его отца, стал королем Дании Фредериком VI.

³⁵⁸ Как сообщал другой очевидец политических интриг в Дании, вдовствующая королева появлялась при Дворе только в так называемые *Public Days* (*Consett M. A Tour Through Sweden, Swedish-Lapland, Finland and Denmark In a Series of Letters. London: J. Johnson, 1789. P. 141*).

³⁵⁹ Каролина Матильда Великобританская (англ. Caroline Matilda of Great Britain, дат. Caroline Mathilde; 22 июля 1751, Лондон – 10 мая 1775, Целле), сестра британского короля Георга III, супруга датского короля Кристиана VII и мать короля Фредерика VI. Действительно, судя по депешам Роберта Ганнинга и другим свидетельствам, в это время Каролина Матильда серьезно болела.

³⁶⁰ София Магдалена Бранденбург-Кульмбахская родилась 28 ноября 1700 г. В депеше Роберта Ганнинга из Копенгагена 28 ноября 1769 г. сообщается: «This being the Birth Day of the Queen Mother who enters into her 70th Year, it is to be observed as usual at Court» (TNA. SP 75/122. Fol. 246).

одним столом с королевской семьей. Везде я имел военные почести, которые мне оказывали как главнокомандующему, но я не мог не заметить большого различия в великолепии дворов России и Дании, первый значительно превосходил по величии.

«Святослав» наконец прибыл, но лоцманы заявили, что ему нельзя идти дальше, так как не хватало глубины, чтобы провести его за буй. Настали морозы и вокруг было много льда, так что ситуация со «Святославом» действительно вызывала беспокойство, поскольку он находился в месте небезопасном. Вследствие этого через господина Философова я обратился за шлюпками, на которые можно было бы выгрузить с корабля бочки, облегчить корабль и привести его к такой осадке, какой требовали лоцманы. Это было разрешено. Я должен признаться, что они [т. е. датчане] никогда не отказывали в какой-либо помощи или в необходимых припасах, когда я об этом просил. Затем я написал графу Панину:

Копенгаген. 9/20 ноября 1769 г.³⁶¹

Monseigneur,

Я не имею того удовлетворения, с которым должен был бы донести Вашему сиятельству о прибытии сюда «Святослава» и «Африки», если бы нашел, что первый в состоянии продолжить со мной поход. Но по нынешнему состоянию «Святослава» и по рапортам капитана я не могу подумать, чтобы подвергнуть жизни 700 человек подданных Ее императорского величества и столь преизрядный корабль опасности потопления; я того же нахожусь мнения, о котором и представлял, когда я сначала помянутый корабль в Кронштадте видел, что на оном нет ни одного такого офицера, который бы был моряком, да и корма с оного не сбавлена, как я советовал, когда императрица сделала мне честь послать за мной в Царское Село, но корма и верхняя галерея корабля остаются столь же высоки, как и были, они только сняли верхнюю каюту³⁶², что никакой перемены не делает в высоте корабля, и между многими другими жалобами командор [Барш] предъявляет, что адмирал Нагаев заставил его отправиться с сотней пустых бочек, не дав возможности остаться, чтобы их наполнить водой, и отнюдь не хотел принимать от него никаких жалоб³⁶³. Что касается до такелажа, которого не хватает; бакштаги, которые держат стены, не больше, чем у английского фрегата; пушки на его средней и нижней палубах стоят так высоко, что ежели корабль будет раскачиваться, то из них будет невозможно ударить по врагу. Короче говоря, никогда не было корабля так плохо оснащенного: ни такелаж, ни паруса не подходят для корабля этого класса и величины, и также

---

³⁶¹ Ср. с переводом Джонсона Ньюмана (РГА ВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 148. Л. 421–428 с датой «21 ноября 1769 г.»; МИРФ. Ч. 11. С. 419–421).

³⁶² В оригинале: «ground house cabin»; переведено Ньюманом как «капитанский кают». В сентябре – ноябре 1769 г. к обсуждению работ на «Святославе» Адмиралтейств-коллегия возвращалась неоднократно; адмирал Нагаев предлагал «снять гюль и борты во все шканцы и мачты убавить фута на четыре или как коллегия разсудит» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 276–277); после того как были произведены «снятие гюта и бортов во все шканцы и убавление мачт и протчия поправления учинены, фор и грот руст опущена ниже на пять фут», Адмиралтейств-коллегия 5/16 ноября 1769 г. постановила, что «преждебывшая в том корабле валкость истреблена» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 276–277 и др.). Однако, как покажет дальше повествование Элфинстона, проблемы с кораблем все еще оставались, и их пришлось вновь решать в Портсмуте.

³⁶³ Подготовка «Святослава» в Ревеле не напрасно вызывала беспокойство Адмиралтейств-коллегии. 21 сентября/2 октября 1769 г. в Ревель был отправлен курьер и строжайше приказано «Святослав» к 1 октября вывести (Л. 254); 25 сентября Адмиралтейств-коллегия рассматривала рапорт адмирала Нагаева о том, что все, кто должен был работать на «Святославе», начиная с Ламбе Ямеса до командиров Барша и Степанова, «сказались больны», и Адмиралтейств-коллегия приказывает заменить Барша и Степанова, если они больны, а корабль скорейшим образом все-таки закончить; 28 сентября последовал новый приказ: закончить «Святослав» и выходить с Элфинстоном, а если Барш и Степанов все еще «больны», назначить на корабль командиром капитана Мусина-Пушкина, а Барша и Степанова прислать в Санкт-Петербург в коллегия; напомним, что выше указывалось, что у Барша на борту возник конфликт с офицерами (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 57. Л. 254, 261, 276–277, 282). Словом, корабль, без сомнения, выходил из Ревеля в большой спешке!

у меня есть основания предполагать, что на корабле слишком много чугунного балласта, который был положен бездумно. Как скоро помянутый корабль до 23 футов воды привести можно будет³⁶⁴, то лоцманы обещают провести его в Эльсинор. Тогда я поднимусь на борт и испробую, можно ли будет с ним что-нибудь сделать, чтобы и его не оставлять позади, но и не рисковать моим плаванием с остальной частью эскадры.

[Фрегат] «Африка» потерял два якоря и 2 каната, его капитан рапортует, что новые канаты гнилы. Это обстоятельство меня встревожило в отношении всех кораблей*. [На поле приписано:] *Кабели были в большинстве сделаны по контракту, и таких не было на берегу, но русские кабели такелажа в целом хорошо сделаны*. Я прикажу дать на «Африку» один канат и один якорь с «Надежды». Потерю «Чичагова» не могу я чему-либо другому приписать, как крайнему небрежению, так как они наверняка видели курс, по которому мы шли, а если нет, то они видели Гогланд, или, если бы они непрерывно глубину свинцом измеряли, как и было должно, то и не могли бы сесть на мель у берега, с которого был ветер.

Его превосходительство господин Философов сообщил Вам о полученных им из Швеции известиях, что «Тверь» находится в бедствии у Гогланда. С самого начала нашего похода этот корабль всегда держался от нас на большой дистанции, а также не принимал во внимание мои сигналы, однажды я вынужден был даже дважды выстрелить в его сторону*, но так как он был вне досягаемости и наступала ночь, они не обратили на это внимания. [На поле приписано:] *Капитан не стерпел бы, чтобы стреляли по своему кораблю, пока я сам этого не сделал, и они все всплеснули руками, поразившись и крестясь, что я мог палить по их собственному кораблю*.

Я весьма расстроен из-за положения со «Святославом» и позора, который российские военно-морские силы могут иметь в иноземном порту. Если я оставлю «Святослав» здесь, то, как сказал мне командор, когда поднимался вчера на борт, он будет протестовать против того, чтобы отправляться самостоятельно. Если бы время года позволяло ему вернуться, я бы не колебался ни минуты и дал бы ему приказ возвращаться в Ревель, однако я не могу и подумать потерять первую благоприятную возможность отправиться с теми кораблями, что при мне, или отдаться на волю случая и быть остановленным льдами, если «Святослав» потребует много времени для налития водой и оснащения. На нем нужно заполнить 300 бочек водой, и я оставлю на нем толкового лоцмана с таким приказанием, чтобы он следовал за мной к Портсмуту или Плимуту и привел бы к тому порту в Великобритании, о котором услышат, что я в этом британском порту. Но если нет [т. е. если сведений о пребывании Элфинстона в Британии командор Барш не получит], то продолжит следование до Гибралтара для получения дальнейших приказов.

Имею честь оставаться с величайшим почтением
Д. Э.

---

³⁶⁴ Т. е. корабль будет разгружен и его осадка станет не более 23 футов. О том же доносил в Петербург из Копенгагена М. М. Философов 14/25 ноября: «Корабль Святослав, будучи уравнен на 23 фута глубины, еще до здешней рейды доведен быть не может за противными и крепкими ветрами да сильными течениями и болшим убавлением воды»; российский посланник также добавлял, что на «бригадира Баржа никакой надежности полагать не можно», да и весь «экипаж» корабля доведен «в робость» (АВПРИ. Ф. Копенгагенская миссия. Оп. 54/1. Д. 152. Л. 182).

Пока на «Святославе» были заняты разгрузкой, чтобы привести корабль к требуемой осадке, командор [Барш], недовольный выговором о плохом состоянии корабля и его неготовности следовать далее в поход, отправил мне рапорт и длинный список необходимых снастей и припасов, часть которых, в особенности грот, нельзя было не доставить. Я был удивлен, что новый корабль был отправлен в море без хороших парусов, особенно из страны, где делают лучшую парусину. Я предполагаю, что императрицу, как и всех других правителей, обманывали, утверждая, что у них ничего нет в запасе ни в Кронштадте, ни в Ревеле. Времени, чтобы достать хорошие паруса, сшитые на датских верфях, не было. А потому я нашел нижние прямые паруса 90-пушечного корабля и уменьшил их до размеров, пригодных для «Святослава», но после того, как он был облегчен до нужной осадки, ветер не позволял ему пройти к Эльсинору до 23 ноября/4 декабря.

У меня было 300 водяных бочек для того, чтобы погрузить на «Святослав» его припасы и прочее; все нужно было переместить, и в этом мне очень помогли датчане.

Пока я был в Копенгагене, моя эскадра благополучно перенесла крепкий ветер, но я получил сообщение, что «Не Тронь Меня» 14 раз ударился в это время о грунт, что он сорвался с одного якоря и на нем разбили другой. Теперь я думал, что я напрасно боролся с судьбой и что экспедиция закончится [или задержится] по меньшей мере до весны. У меня уже не было иных мыслей, только бы зазимовать в Эльсиноре и поставить «Не Тронь Меня» со временем в док.

В соответствии с этим я просил через его превосходительство господина Философова разрешения поставить «Не Тронь Меня» в док, а остальную часть моей эскадры – ввести внутри боновых заграждений, где стояли датские военные корабли, чтобы защититься ото льда. На это мне не только было дано разрешение, но были назначены даже казармы для размещения корабельных команд, так как на судах нельзя было организовать для них камбузов, пока они находились внутри бассейна с боновыми заграждениями. Когда все это было улажено, я поспешил в Эльсинор и тем самым спас якорный трос, который был спущен. Я приказал выдать запасной якорь. Русские всегда возят в трюме запасной становой якорь и на один канат больше, чем англичане или, возможно, любая другая нация. Они в этом действительно нуждаются, так как если бывает крепкий ветер или во время приливов и отливов никогда не снимают свои реи и стеньги или не опускают брам-реи. Они готовы потерять все свои якоря и совершенно незнакомы с принципами безопасной швартовки кораблей. Вода не поднимается и не опускается в их морях.

Мой капитан и офицеры, а также мой секретарь пришли ко мне с вытянутыми лицами и, крестясь, молили Бога ради, чтобы я не рисковал жизнями стольких людей, так как было невозможно безопасно продолжать путь, пока днище корабля не будет осмотрено, а это можно было сделать только в доке. Находя, что корабль не стал ничуть слабее, чем он был до галса [до ветра и волнения], я заподозрил, что это был их обычный трюк, но в то же время и мой секретарь объявил, что его [от ударов корабля днищем о грунт] дважды сбрасывало со стула. Я мог прекратить их жалобы и подавить их страхи, только убедив, что, если я доверяю кораблю свою жизнь и жизни двоих моих сыновей, они не имеют причин бояться. Это уменьшило их страх, так как они предполагали, что я пойду на другом корабле, однако они меня не убедили в том, что корабль действительно ударился о грунт³⁶⁵, так как он стоял на глубине большей на 11 футов, чем он имел осадку, у него был глухой кормовой подзор и он имел очень низкую осадку по корме, поэтому я подумал, что море било по его подзору. Когда сильно ударяет волна, то корабль сотрясается и возникает ощущение, как будто судно ударяется о дно, ибо, если бы корабль ударился о дно, его руль бы повредился или разрушился из-за большого веса и лет,

---

³⁶⁵ Капитан «Не Тронь Меня» С. П. Хметевский оставил скупой рассказ об этом случае: «16-го числа великим NW крепким ветром и волнением корабль, стоя на глубине 5 сажень <...> доставал рулем до земли, да и килем весьма чувствительно, лишней воды в корабль от тех ударов не прибавилось, для чего, выпустя один канат с якорем, отошли ближе Ельцыннорского берега, на глубине 9 сажень легли на якорь» (Россия в Средиземноморье. С. 575).

прошедших в переходах по Балтике³⁶⁶. Я утвердился в своем мнении, когда ветер поменялся и большая волна захлестнула корабль с кормы, как это было, когда он и раньше стоял на якоре. Лица всех на квартердеке казались бледными, и шкипер (*master*) тотчас бросил за борт диплот [свинец на лотлине]. Я спросил, зачем они бросили лот, ибо никогда не слышал о каком-либо промере глубин, производимом в этой части гавани. Они ответили, что это потому, что корабль ударился о дно. Затем я спросил, был ли этот удар такой же, как они почувствовали при Эльсиноре, они подтвердили, что удар был похож, однако они были убеждены, что теперь они *не* ударились. Для меня это стало удачным обстоятельством, так как я намеревался на основании сказанного обследовать дно корабля, когда мы доберемся до Англии.

Корабли были набиты людьми. Естественная медлительность и невежество людей, не привыкших к сырости, привели к тому, что на большинстве кораблей, особенно на «Саратове» и «Святославе», стали распространяться болезни. Я рассудил, что причиной болезней было то, что люди пили свою норму водки, не смешивая водку с водой, а мешать воду со столь плохим и жгучим спиртом они не хотели. Их паек состоит из трех глотков (*drams*) в день, то есть около чарки каждому. Первый раз им дают выпить рано утром, остальное в полдень и вечером. Также у них нет хороших лекарей, а те, что есть, в большинстве своем немцы, не приспособленные к морю, лекарств на судах совсем мало. С самого начала, как мы пришли в Эльсинор, я сделал так, чтобы людей обеспечивали свежим мясом, которое давали в похлебках, и купил много рома, заплатив меньше, чем три с половиной золотых [гульдена].

Ром я распределил на каждый корабль, приказав смешивать его с водой в той же пропорции, как на английском флоте, и чтобы пили его перед обедом и вечером. Они приняли это не без труда, да и то поначалу только больные, здоровые же настаивали на своем глотке утром. Для того чтобы умирить их и заставить их полюбить английский грог, я приказал, чтобы они получали свой глоток утром в дополнение к грогу, но только те, кто выполнял свои обязанности³⁶⁷.

У меня еще были помехи, которые нужно было устранить, – жалобы всех английских лоцманов. Они заявили, что не возьмутся за управление кораблем, если не будут предприняты меры, чтобы заставить русских офицеров слушаться их приказов и, когда необходимо, ставить и уменьшать паруса, так как они не хотят отвечать за последствия. Чтобы объяснить это – а русские не обращают никакого внимания на дисциплину, когда кораблю и их жизням что-то угрожает, а вахтенный офицер ночью не сделает даже малейшей перемены и добавления парусов, не сообщив капитан-лейтенанту, которому полагалось дожидаться сигналов и обо всем давать отчет капитану, отправляя каждое утро письменный рапорт, – я приказал дать сигнал [съехаться] всем капитанам и объяснил им суть навигации. Им следовало принимать с величайшим вниманием все, чего требуют лоцманы, и немедленно это исполнять; что лоцманы несут ответственность за корабли и на них ложится вся вина в случае беды, но эту ответственность они на себя не возьмут, если их требования не будут исполняться наискорейшим образом.

[Приказ, касающийся исполнения требований лоцманов]³⁶⁸:

От контр-адмирала Джона Элфинстона при мысе Колл [в проливе Зунд]

---

³⁶⁶ «Не Тронь Меня» был спущен на воду в 1763 г., т. е. кораблю было всего шесть лет. Корабль до конца был на плаву в Архипелагской экспедиции, только в 1775 г. его за ветхостью продали на слом в Ливорно.

³⁶⁷ Приказ Джона Элфинстона от 26 ноября 1769 г. гласил, в частности: «приказать болным поносом страждущим отпустить каждому человеку всякой день по две чарки рома смешено с осми чарками воды, а все здоровыми всякого чина служителям, порционных денег не получаемым, отпустить по одной чарки рома смешено с четырьмя чарками воды, а сию выдачу учинить им перед обедом, сверх того им, здоровым (а отнюдь не больным), велеть вам отпустить всякой день по одной чарке русского вина, как скоро, что все русское вино издержено будет, тогда выдавать всем вышеписанным здоровым так, как болным всякой день по две чарки рома, смешено с осми чарками воды. А сие питье им выдавать уже смешено, а отнюдь не разделно, ниже, чтоб они сами смесь сей составляли» (РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–19 об.).

³⁶⁸ Текст приводится по: РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.

Понеже безопасность караблей Ее императорского величества в морях, им итить назначенных, зависит от немедленного исполнения лоцмановых приказов, на общаи объявлении спервво вышнему офицеру не взирая, того ради сим велено вам немедленно исполнять всякой лоцмановой приказ, касающийся до отправления их должности, как то при убавлении или прибавлении парусов, а особливо при снятии и лежании на якорь; в сем приказе ни вам, ниже офицерам вашим не быть ослушным, ибо при первом пренебрежении или отказе преступающий офицер наказан будет примернейшим образом и в первом порте без мундира выслан на берег будет.

Всем командующим кораблей 1/[12] декабря 1770 г.

Дано на борту корабля Ее императорского величества «Не Тронь Меня»

Д. Э.

По приказу адмирала [перевел] Д. Ньюман

Но вернемся к прибывшему в Эльсинор «Святославу». Это случилось на именины императрицы³⁶⁹, и по этому случаю мои корабли были украшены флагами, и с каждого корабля салютовали по 21 выстрелу. Капитаны и командный состав сухопутных сил обедали со мной.

Все шлюпки были отправлены для того, чтобы пополнить запас воды на «Святославе». Трудности сначала обнаружились потому, что команды на берегу напились пьяны, а офицеры по небрежению думали, что ниже их достоинства выполнять подобные обязанности.

Поэтому я выпустил следующий приказ³⁷⁰:

От Его превосходительства контр-адмирала Элфинстона

Когда корабли Ее императорского величества под моею командою в каком-нибудь порте или рейде на якоре будут, естли сигнал делан будет, чтоб на двух якорях стать, то сим велено вам на обеих якорях стать с целым канатом, по обеим сторонам привязать же вам стенинтрёпы³⁷¹ ваши наготове, чтоб в готовности быть в день или ночью опустить реи и марзы; точно примечать, как что делается на том корабле, на котором флагман находится, и по тому поступать, и вам поднять на корабль все боты и прочия мелкия суда всякой ночь прежде, как темно бывает, выключая того судно, которое дозором ходить имеет, велить вам людям вашим проворно и скоро суда поднять на корабль, а не ленивым образом по прежнему им тому талью всю по надлежащему изготавливать; во всех прочих случаях сохранить вам боты и суда ваши от худой погоды, ибо ежели от вашего несмотрения им что вредительно приключится, то на вас взыскано будет платежом; всегда, будучи в чужих местах для налития водою, послать лейтенанта с людьми на берег, чтоб та должность по надлежащему отправлена была и чтобы мичманы и ундер-офицеры и матрозы не шатались по местам, оставя свою должность, и чтоб они, не дозволено были итить в домах, где крепких вод продается, ибо ежели люди в чужих местах учинят какие нибудь непорядки, то на того лейтенанта взыщется, под чею командою они тогда находились, а старшему лейтенанту смотреть, чтоб прочия должность по сему свою исполняли.

Подписано на корабле Ее величества «Не Тронь Меня»

26 ноября 1769 г.

Д. Э.

По приказу адмирала перевел Джонсон Ньюман.

---

³⁶⁹ Именины императрицы праздновались в день памяти св. Екатерины Александрийской 24 ноября/5 декабря.

³⁷⁰ Текст приводится по: РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–17 об.

³⁷¹ Стень-вынтрёпы – снасти, с помощью которых опускается и поднимается стеньга на мачту.

Всем капитанам кораблей и прочих судов Ее императорского величества.

«Не Тронь Меня». Эльсинор 25 ноября/5 декабря 1769 г.

Его превосходительству господину Философову.

С того момента, как я имел честь Вам писать, я получил ряд требований от командора Барша, большинство из которых просты в исполнении, кроме одного, касающегося двух кат-блоков³⁷², которых я не могу здесь достать. Их можно получить, если Ваше превосходительство соизволит попросить их в датском адмиралтействе. Они должны быть такого же размера, как на 90-пушечный корабль. Если Ваше превосходительство соизволит послать к капитану [sic!] Элфинстону³⁷³, он объяснит, какими они должны быть. Я милостиво прошу Вас переслать его сиятельству графу Панину письмо с ближайшей почтой. Имею честь оставаться и проч.

Д. Э.

Его сиятельству графу Панину

«Не Тронь Меня». Эльсинор, 26 ноября/6 декабря 1769 г.³⁷⁴

Monseigneur,

Имею честь известить Ваше сиятельство, что «Святослав» наконец попал ко мне, это случилось на здешнем рейде вчера вечером. Я наблюдал за его ходом, и мне он вовсе не показался валким, как о том постоянно сообщалось. Несмотря на то что 300 [в изданном варианте: 370] из находящихся на нем водяных бочек были пусты.

Я сделаю все возможное, дабы скорейшим образом налить его водой. С ожидаемой мною помощью датского адмиралтейства я надеюсь подготовить его за несколько дней, чтобы воспользоваться первым благоприятным ветром и не потерять времени, так как английские торговые суда были задержаны здесь противными ветрами на 25 дней.

Во время сильного ветра в тот день, когда я имел честь извещать Ваше сиятельство, морская волна поднялась так сильно, что «Не Тронь Меня», согласно рапортам ее капитана, 14 раз ударялся о грунт, пока стоял на якоре, поставить его в док невозможно, разве что оставив здесь зимовать, но куда корабль не имеет вовсе течи, я надеюсь, что и не случилось сильного повреждения, о котором доносят.

Я надеюсь вскоре на попутный ветер, с которым мы войдем в Ла-Манш. На эскадре, кроме «Саратова» и «Святослава», состояние людей в настоящее время сносное, а на «Святославе» уже похоронили 17 человек. На «Не Тронь Меня» только один человек умер вследствие болезни, и один утонул, желая спасти датскую шлюпку с брантвахтенного судна³⁷⁵.

Имею честь оставаться

Д. Э.

Его превосходительству генерал-майору Философову

«Не Тронь Меня» 1/12 декабря 1769 г.

---

³⁷² Кат-блоки – снасти для поднятия якоря из воды.

³⁷³ Не ясно, какого «капитана» имел здесь в виду Д. Элфинстон – себя, контр-адмирала, или своего сына Джона, лейтенанта.

³⁷⁴ Издано с разночтениями: МИРФ. Ч. 11. С. 421.

³⁷⁵ Этот эпизод с разбитой шлюпкой описан у С. П. Хметевского. См.: Россия в Средиземноморье. С. 575.

После отъезда Вашего превосходительства из Эльсинора не прошло и часа, как я спустился на берег, чтобы повыгонять народ из лавок со спиртным, которые оказались так близко от мест забора воды, что стали для людей сильным искушением. Командор Барш отправил мне рапорт о том, что у него имеется не более 174 наполненных [водой] бочек, это меня удивило, так как Вашему превосходительству в субботу он говорил, что у него есть 200 бочек. Пока ветер попутный, я приказал продолжить наливаться водой только этот день и поднять все на борт, имея воды из расчета по две кварты на человека, что на этот сезон будет достаточно, а пустующие бочки все наполнить соленой водой.

Флот снимается с якоря. Я сказал всем своим капитанам, что я, безусловно, отхожу завтра, если Бог даст и ветер не переменится, но должен дожидаться, пока прибудет мистер Гордон³⁷⁶, лоцман «Святослава», так как без него обойтись невозможно. Зная обо всех стараниях, которые Ваше превосходительство выказали, и при попутном ветре Вы, наверное, его уже выслали. Я послал капитан-лейтенанта Козлянинова с приказом вернуться на корабли всем шлюпкам, нагруженными или пустыми.

Дружба, которой Ваше превосходительство меня вдохновили, будет, я надеюсь, сохраняться до нашей смерти. Большая спешка, в которой мы пребываем, боюсь, не позволит мне писать столько, сколько я бы желал писать для уведомления Ее императорского величества, но, как Вы знаете до некоторой степени ситуацию с моей эскадрой, я молю Ваше превосходительство сообщить все, что Вы сочтете необходимым, чем я уже премного Вам, сэр, обязан. Пребываю весьма обязанным

Ваш

Д. Э.

Его сиятельству графу Панину

«Не Тронь Меня». Эльсинор 1/12 декабря 1769 г. [в оригинале ошибочно: 1770 г.]

Наконец ветер, слава Богу, стал попутным, и я должен был сняться прошлой ночью, но железные [кузнечные] работы, которые выполняли для починки «Святослава», не были завершены, и половины бочек с водой не было на борту. Я перешил датские паруса и его [«Святослава»] собственные, которые в этом нуждались. Я привел корабль в настолько приличное состояние, насколько позволило нынешнее наше положение. Я надеюсь, что он безопасно придет в один из портов Великобритании.

Я принял англичанина, капитана датского Вест-Индского корабля. Этого человека хорошо рекомендуют, он вырос на британском флоте, его имя Гордон. Он взялся провести «Святослав» в Англию и оттуда в Средиземноморье. Он жаждет стать офицером на службе Ее императорскому величеству, ему назначено жалованье, как у лоцмана, я соответственно присвоил ему ранг лейтенанта в надежде получить на это апробацию императрицы, чтобы он мог командовать нашими младшими по чину офицерами и матросами. Я нахожу абсолютно необходимым, чтобы по одному

---

³⁷⁶ Гордон Джон, британский моряк. Элфинстон взял Гордона лоцманом на «Святослав», так как был осведомлен, что ранее Гордон служил в британском флоте и ходил в Средиземном море. «Чтобы придать вес на его посту», Элфинстон присвоил ему ранг лейтенанта (АВПРИ. Ф. Лондонская миссия. Оп. 36/1. Д. 308. Л. 5–5 об.). В 1770–1771 гг. после потери «Святослава» Гордон предстал перед военным судом (об этом см. ниже с. 476–477).

столь же способному человеку было на каждом корабле на случай разлучения с эскадрой, так как из того, что я видел, [у нас] нет офицеров, способных вести корабли в назначенные места, не смогут они продолжать следовать и без хороших лоцманов³⁷⁷.

Так как я близко к сердцу принимаю службу Ее императорскому величеству, я надеюсь, что этот и любой другой шкипер, которого я смогу взять, будет одобрен императрицей. Если попутный ветер продолжится, я надеюсь иметь полное удовлетворение сообщить Вашему сиятельству о моем прибытии в Портсмут или Плимут, где в одном из этих портов я намерен разгрузить «Святослав» и привести его и все прочие суда в наилучшее состояние.

«Святослав» доставил мне много больше тревог и неприятностей, нежели все прочие суда эскадры, но так как я знал, насколько Ее императорское величество желала, чтобы «Святослав» шел с нами и не был оставлен позади, я полностью вознагражден, чувствуя удовлетворение от возможности следовать малейшим пожеланиям и приказаниям императрицы. Имею честь оставаться

Д. Э.

PS Я имею честь сообщить Вашему сиятельству, что с большими трудностями я провел эскадру Ее величества, отойдя на три лиги ниже замка в Эльсиноре.

В полдень был дан сигнал сниматься, забрать всех с берега и, если возможно, принять на борт ниже замка Эльсинор. Имея много доказательств нежелания командора следовать дальше, я послал ему приказ встать под паруса, не ожидая моего отправления, так как хотел видеть все корабли под парусами и замыкать эскадру. Он два часа стоял, изготавившись, но не отходил, между тем приближалась ночь. Я послал капитан-лейтенанта Козлянинова сообщить ему, что, если он тотчас не встанет под паруса, у меня есть на баке две длинные медные 9-фунтовые пушки, и я буду в него стрелять до тех пор, пока он не встанет под паруса. Послание имело должный эффект, и в тот момент, когда они проходили мимо нас, мы тоже подняли паруса. Мы салютовали замку Кроненберг на шведском берегу семью выстрелами, и они ответили тем же количеством, но не вывесили никаких флагов. В 5 часов пополудни мы встали на якорь в трех лигах ниже Эльсинорского замка, но не простояли и получаса, как ветер изменился, что могло бы положить конец экспедиции. Почти месяц назад мне сказали, что ветер может утянуть меня ниже замка, в это время лед пришел из Балтики и потянул два датских Ост-Индских корабля в море, а два фрегата вынесло на шведский берег, так что было положено много средств и трудов, чтобы их стянуть оттуда. Погода ухудшалась, и лоцманы советовали мне сниматься и бросить якорь ближе к замку, что мы и сделали.

«Не Тронь Меня», под замком Эльсинор, 1/12 декабря 1769 г.

Его превосходительству господину Философову.

У меня появилось немного времени, чтобы только сообщить Вашему превосходительству, что вчера мы подняли паруса и, чтобы не ожидать более, поставили моего мастера и лоцмана на «Святослав». Я приказал мистеру Уэсли³⁷⁸, чтобы в том случае, если днем не прибудет мистер Гордон,

---

³⁷⁷ 1/12 декабря М. М. Философов писал в Петербург: «Здесь адмирал принял на суда трех надежных пилотов англичан для проводу эскадры через канал [Ла-Манш], да одного в офицерской чин весьма искуснаго пилота и мореплавателя, которой последней определен на Святослав, где еще к ево распяткам совсем не привычны, а господин Барж [Барш], по несчастию, весьма слаб, а больше всего робок» (АВПРИ. Ф. Копенгагенская миссия. Оп. 54/1. Д. 152. Л. 185–185 об.).

³⁷⁸ Westley William (Весли) 2 декабря 1769 г. был принят обер-боцманом на эскадру Элфинстона и находился на корабле

«Африка» [шла] без лоцмана. Ветер, как я надеюсь, продолжит дуть с востока при полной луне. С большими трудностями я смог заставить «Святослав» двинуться.

Да благословит Вас Бог, мой дорогой генерал
Ваш Д. Э.

Мы продолжали ожидать ветра, с которым должны были пройти очень опасный пролив Каттегат при длинной ночи с неумелыми рулевыми (*navigators*), однако мистер Гордон поднялся на борт «Святослава», а другой лоцман вернулся на «Африку», и 6/17 декабря мы снялись при очень легком бризе – «Не Тронь Меня», «Святослав», «Саратов», «Африка», «Надежда», пинк «Св. Павел», транспорт «Providence & Nancy». Течение нам сопутствовало. В 3 часа пополудни уменьшили паруса, чтобы «Святослав» мог нас догнать, что он сделал только к темноте, когда я продолжал следовать под малыми парусами, чтобы пройти через Каттегат. Я назначил двум моим фрегатам идти по сторонам [от меня], а пинку «Св. Павел» справа впереди, чтобы высматривать огни, но они были совершенно бесполезны, не держали своих постов, предпочтя, чтобы их адмирал первым сел на мель. Однако мы все прошли благополучно и к шести утра увидели первые лучи прямо с подветренной стороны. Наш попутный ветер поставил нас в очень опасное положение, так как у нас было очень мало места для маневра и едва ли 5 часов светлого времени (из 24 часов!). С 7-го до 12/23 [декабря] мы продолжали маневрировать к наветренной стороне между Сконе и берегом Норвегии, не продвигаясь вперед ни на дюйм, в связи с тем, что на «Святославе» плохо управляли кораблем при боковом ветре и это заставляло меня каждый вечер возвращаться на 2/3 лиги из опасения потерять его, так как мне казалось, что командор может ускользнуть от меня, чтобы остаться зимовать в Норвегии. Я и сам желал бы оказаться с моей эскадрой в каком-нибудь безопасном порту и взял лоцмана с собой, но «Святослав» не смог бы пристать при таком встречном ветре ни в одном порту.

13/24 ночью мы потеряли «Святослав» из вида, хотя до него от нас не было и мили. Когда мы повернули на фордевинд после сигнала, что с северо-востока идет попутный ветер с мокрым снегом, мы взяли рифы марселей, следуя вдоль побережья Норвегии, и в полдень берег был виден, а ветер ослаб и сильные волны пошли с северо-запада. В 2 часа пополудни [фрегат] «Африка» подал сигнал бедствия и свернул все паруса. Я тотчас устремился ему на помощь, но из-за продолжающихся переменных ветров и волны, брасавшей нас в разные стороны, мы смогли говорить с «Африкой» только к пяти часам. Из переговоров мы узнали, что они сломали румпель в оголовке руля, но раздобыли другой и будут готовы следовать за нами. Ветер стал восточным. Раз в час давая пушечный выстрел, я шел на малых парусах и в половине восьмого утра увидел берег Ютландии, чего мы не ожидали. Это могло произойти из-за течений или из-за того, что мы шли на таких малых парусах. Я продолжал давать сигналы, чтобы остальные прибавили парусов, но бесполезно. Я был весьма раздражен таким поведением – мне пришлось гнать их перед собой, как стадо баранов. Поэтому я дал сигнал всем двигаться вперед и сказал им, когда они проходили мимо, что если кто-нибудь из них от меня отстанет, то они могут пенять на себя, когда я стану по ним палить из пушки. Ветер крепчал, и мы спустили наш грот и марсели (что удивило русских, так как они думали, что можно только брать паруса на гитовы) и оставили только фок поднятым; при скорости 7 миль в час мы шли при очень густом снеге. Когда мы спустили наши марсели, все корабли были видны достаточно близко. При свете дня мы видели всех, за исключением английского транспорта; взятые на гитовы, их марсели рвались в клочья.

«Не Тронь Меня»; 26 февраля 1770 г. был произведен Элфинстоном в лейтенанты; в 1771 г. ушел из российской службы «по состоянию здоровья» и вернулся в Англию (см.: РГА ВМФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4. Л. 3, 4; Ф. 190. Оп. 1. Д. 5. Л. 55 об.). Переводчик на русский *Authentic Narrative*, как представляется, ошибочно считал именно Уэстли автором этого сочинения (Весли В. Воспоминания участника Архипелагской экспедиции / перевод В. С. // Морской сборник. 1914. Т. 382. № 5. С. 1–53).

В 8 утра мы слышали два пушечных выстрела, палили прямо за нами, и это был сигнал о том, что открылась течь. Течь обнаружилась на «Саратове», шедшем с нижними прямыми парусами и с марселями на гитовых. Мы не могли никак им помочь, так как дул сильный ветер, а с таким количеством распущенных парусов они шли вровень с нами. Когда они увидели, что мы не сократили наши паруса и не замедлили ход, они также развернули фок. Снег был настолько густой, что наши палубы и кормовая часть корабля были им полны, и из-за этого палубы были такими скользкими, что даже лучший моряк не мог удержаться на ногах. Бедные кирасиры выписывали забавные фигуры, в своих длинных плащах они перекатывались с одной стороны палубы на другую; так как из-за большого веса артиллерии и припасов корабль очень сильно качало и в подошвах волн он скрипел, нужно было установить грот.

Снег усиливался, в полдень мы потеряли из вида все наши корабли. Мы палили из пушки каждые полчаса, ветер и море все сильнее бушевали, и мы зачерпывали довольно много воды, что заставляло все время держать помпы в работе. На следующее утро ветер переменился на южный, когда мы стояли в направлении на северо-восток в надежде найти хоть часть эскадры. Мы остановились на 3 часа, чтобы крепить такелаж.

15/26 декабря был сильный ветер с *SbW*, и через несколько часов все стихло, корабль лежал никак не управляемый, его кормовой подзор сильно и часто ударялся о волну. Офицеры и матросы поняли теперь разницу между тем, как корабль ударяется о грунт и о волну, и признали, что это похоже на то, что было в Эльсинаре.

Мы продолжали палить ночью из пушки, а наутро увидели впереди парус корабля, у них слышали выстрелы наших пушек, а когда они заметили нас, то легли в дрейф. Приблизившись, мы поняли, что то был [фрегат] «Африка». Они нам сказали со шлюпки, что из-за поломки руля все их хлебные запасы испортились [вероятно, вымокли]. Мы держались вместе до 18/29 [декабря]. В полдень перед нами открылся залив Леостофт³⁷⁹, и мы тотчас же подняли паруса в надежде увидеть землю, что и случилось через несколько минут после захода солнца. Мы уменьшили паруса и до шести шли по направлению к берегу, потом легли в дрейф, чтобы дожидаться «Африку», и этот фрегат мог бы к нам присоединиться. В 10 вечера я приказал сделать сигнал ставить паруса и повернуться другим бортом под ветер, думая, что мне ответят пушкой на мой сигнал. Я часто посылал узнать причину, почему не было сигнала. Мне отвечали, что скоро все будет сделано, однако прежде чем выстрелили, прошли 50 минут, и это было причиной того, что [фрегат] «Африка» потерял нас из вида.

Я был так недоволен поведением моего капитана, который продолжал жаловаться на гнилость корабля, часто приносил мне куски гнилого дерева в руках, показывая его офицерам и матросам, он также мешал выполнению всяческих обязанностей, поэтому то, что не были даны сигналы, случилось по его небрежению. Я приказал ему прекратить исполнение обязанностей капитана до момента, когда корабль прибудет в порт, он выслушал это с величайшим спокойствием, только попросил разрешения поблагодарить меня. Сделав это, он отправился спать, думая, что ему посчастливилось освободиться от своих обязанностей³⁸⁰.

На следующее утро «Африки» уже не было видно³⁸¹. В 3 часа пополудни мы были вблизи Дувра и легли в дрейф, чтобы к нам могла подойти лодка, с которой я отправил письмо его

³⁷⁹ Залив при входе в Ярмут (Yarmouth). В английских географических словарях даются вариации: Leostoff, Lestoff, Lowestoff; в русских – упоминается как *Лоутофские маяки*. Далее Элфинстон указывает ориентир «Leostoff Church».

³⁸⁰ Примечательно, что С. П. Хметевский в своих Записках этот эпизод опускает вовсе, однако в Материалах для истории флота на основании судовых журналов отмечается, что 17 декабря (ст. ст.) «По приказу контр-адмирала командир корабля капитан Хметевский арестован в каюте с постановкою при ней часового, а командование поручено капитан-лейтенанту Козлянинову словесным приказом» (МИРФ. Ч. 11. С. 445). Однако уже 22 декабря по прибытии на Портсмутский рейд Хметевскому будет возвращено право командовать кораблем. Хметевский считал, что Элфинстону наговаривали на него «небылицы» и неправильно переводили его слова (см.: Россия в Средиземноморье. С. 580).

³⁸¹ 18 декабря фрегат «Африка» получил повреждение руля и отстал. 21 декабря он стал на якорь у острова Норд-Фольма, где находился по январь 1770 г. (МИРФ. Ч. 11. С. 445).

превосх. господину Мусину-Пушкину³⁸², чтобы сообщить ему о своем прибытии и о том, что я разлучился с эскадрой и что я должен как можно скорее прибыть в Плимут, который был назначен местом randevу эскадры на случай разлучения.

При попутном ветре мы проследовали через пролив и на следующий день были рядом с Бичи-Хед³⁸³, а день спустя увидели остров Уайт. Ветер переменялся на западный. Я попробовал идти к Спитхеду, но ветер поменялся на северо-восточный, я сделал еще попытку направиться в Плимут и дошел до Портленда, когда ветер опять поменялся и начал дуть на WSW. Мы дрейфовали всю ночь, и на следующее утро ушли к острову Уайт. В 8 утра увидели мыс Данноуз³⁸⁴ на расстоянии от нас в 5 лиг. В 6 вечера того же дня мы встали на якорь в Спитхede.

21/1 января 1770 г. На следующее утро я как раз собирался спуститься на берег и ожидать адмирала, когда капитан английского военного корабля встал почти у моего борта, я вышел на мостик, когда офицер заговорил со мной и сказал, что он прибыл сообщить мне, что адмирала нет в Спитхede, но что он оставил приказы обращаться с нами со всем почтением так, как с его военными кораблями, он также хотел узнать, собираюсь ли я салютовать. Я ответил, что я собирался сойти на берег выразить свое почтение командующему офицеру и договориться о количестве выстрелов [салюта], которые должен получить в ответ. Капитан Филдинг ответил, что согласно отданным приказам надо отвечать на 2 выстрела меньше. Я повторил его слова: «на два выстрела меньше», и капитан Филдинг ответил: «Да, на два выстрела меньше». С самого начала я пригласил его подняться на борт*, ([на поле приписано:] *намереваясь салютовать ему как капитану девятью выстрелами*), но он вежливо отказался, так как считал, что это задержит мой спуск на берег. Он увидел мою шлюпку, которую я приказал привязать к кораблю.

В соответствии с моей инструкцией я спустил свой флаг, как только мы вошли в Северные моря (*N. seas*) и корабли моей эскадры также спустили вымпелы.

Я поэтому имел установленными только флаг (*ensign*) и гюйс. Я тотчас же приказал, чтобы, как только корабль разблокирует мой бот, салютовать вице-адмиральскому флагу 13 выстрелами, что и было сделано, а в ответ были выпущены 11.

Как только я спустился на берег, я отправил следующее письмо его превосходительству Мусину-Пушкину:

«Не Тронь Меня», Спитхед, 22/2 января 1770 г.

Сэр,

Ветер, на котором мы понеслись после Дувра, продолжался не достаточно долго, чтобы можно было достичь Плимута, поэтому мы вернулись к этому порту [якорной стоянке Спитхед] прошлой ночью, и я опасаюсь, что нам будет необходимо войти в гавань, чтобы осмотреть днище корабля. Офицеры и нижние чины все еще предполагают, что корабль действительно ударился о песчаное дно при Эльсиноре, это противоречит моему мнению, но, если что-то серьезное произойдет по другой причине, винить будут меня. Так как, по всей видимости, нам придется ждать остальных судов эскадры, это можно сделать без потери времени. Кроме того, если «Святослав» прибудет,

³⁸² Мусин-Пушкин Алексей Семенович (1730–1817). С конца декабря 1765 г. по июль 1768 г. – посланник (полномочный министр) в Великобритании, затем на короткое время (1768–1769) полномочным министром в Лондон был прислан граф Иван Григорьевич Чернышев, заключавший соглашение с Элфинстоном об условиях его приглашения на русскую службу, однако в августе 1769 г. Чернышев был назначен вице-президентом Адмиралтейств-коллегии и отозван из Лондона, и Алексей Семенович Мусин-Пушкин, формально переведенный на время в Гаагу, вновь стал полномочным министром в Великобритании на десятилетие (указ о назначении 12/23 августа 1769 г.; указ об отзыве 5/16 мая 1779 г.). Подробнее о роли А. С. Мусина-Пушкина в Лондоне см.: Кросс Э. Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб.: Академический проект, 1996. С. 34–35 и др.; Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1897. Ч. 2. С. 41–42, 387–390 и др.

³⁸³ Beachy Head, Истборн – мыс на южном побережье Великобритании.

³⁸⁴ Dunnose – мыс на южном берегу острова Уайт.

на нем необходимо будет разгрузить чугунный балласт и переместить его по моим указаниям, чтобы он лучше шел под парусами. Я с сожалением сообщаю Вашему превосходительству, что поведение офицеров, не обращающих внимания на сигналы и не имеющих должных навыков, является единственной причиной того, что со мной не пришла оставшаяся часть эскадры. Я надеюсь, что существует возможность отправить больных в госпиталь Хаслер³⁸⁵ для того, чтобы проветрить корабли, привести их в порядок и содержать их в чистоте, так как на борту находится на 150 человек больше, чем положено по комплекту, не говоря о значительном числе сухопутных офицеров с багажом, седлами и личным снаряжением кирасиров.

Имею честь оставаться

Д. Э.

*Переведено*³⁸⁶.

На третий день после моего прибытия появился русский курьер, посланный в Плимут и ожидавший, что я прибуду туда. Он привез мне пакет со следующим письмом от его сиятельства графа Панина:

Санкт-Петербург. 20 ноября/1 декабря 1769 г.³⁸⁷

Я получил, сэр, оба письма, которые Вы удостоили меня честью написать из Эльсинора 19 и 26 прошлого месяца. Я представил их Ее императорскому величеству, как и рапорты, которые Вы мне написали относительно состояния кораблей, с которыми вы прибыли на тот рейд.

Хотя медлительность тех, что оставались позади, лишила нас удовлетворения узнать, что все Ваши объединенные силы собрались в месте randevu и что Вы должны поднять паруса со всей Вашей эскадрой, чтобы продолжать Ваше плавание, мы имеем не меньше причин для одобрения Ваших стараний и усердия, показанных Вами на благо службы. Ее императорское величество в этой связи в особенности выказала удовлетворение и приказала мне сообщить Вам от ее имени, что она одобрила шаги, согласованные Вами и господином Философовым, ожидать 8 или 10 дней остальных судов Вашей эскадры и после того отправляться с ними или без них, для того чтобы привести эскадру в какой-либо порт в Англии, где Вы будете ожидать следующих приказаний от двора.

В соответствии с полученными известиями, с тех пор как я Вам писал об этих судах, «Африка» и «Святослав» оказались на плаву в хорошем состоянии

---

³⁸⁵ Официальное название – Royal Hospital Haslar (в Портсмуте).

³⁸⁶ Российский посланник А. С. Мусин-Пушкин отправил русский перевод этого письма Н. И. Панину, этот перевод имеет некоторые отличия в предлагаемой информации и трактовке событий: «Ветр, которым прошли мы мимо Дувра, недолго продолжался к сему месту, однако ж имели мы щастье прибыть, откуда нужно будет воитить в Портсмутскую Гавань, чтоб исправляться, да и в док надобно будет, может быть, иттить, чтоб корабль окиловать, потому что по капитанскому репорту он на Эльсинорском рейде четырнадцать раз о землю ударился. Если б время годовое дозволило, чтоб осмотрен был и в Копенгагене, но поздно было. Что до меня касается, видя, [что] по сем случае более течи в карале не зделалось, как прежде я думаю, что он ничего или мало очень повредился. Не взирая на сие, все офицеры и служители объемлены страхом о великом онаго повреждении. Чаятельно, нам нужно будет поджидать других кораблей, и так между тем о килование нашего корабля ничему бы не препятствовало. Когда Святослав караль прибудет, то его совсем выгрузить надобно, дабы баласт его перекладывать, как я укажу, чтоб он не валок был и плотнее на воде лежал. Сожалею объявить Вашему превосходительству, что прочия карали со мной, действительно, не находятся по притчине, что командиры их не внимали моих сигналов и в ночное время не шли под довольными парусами. Ежели возможно, я надеюсь, что получено будет позволение больных наших в Гаслерской госпиталь здесь впустить для восстановления их здоровья и для прочищения карабля, потому что у них на карале сверх комплектных находится сто с лишним человек» (АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. Оп. 35/6. Д. 231. Депеши Мусина-Пушкина Н. И. Панину за январь–апрель 1770 г. Л. 3–3 об.).

³⁸⁷ Письмо на французском сохранилось: РГА ВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 148. Л. 314–317.

на пути к Зунду, поэтому я надеюсь, что они присоединятся к Вам до Вашего отбытия из Эльсинора, или по меньшей мере они Вас догонят в одном из английских портов. Таким образом, сэр, Вы можете ожидать их там. Что касается «Чичагова», Вам незачем думать о нем, мы слышали, что он разбился у берегов Швеции, люди с него спаслись, а также некоторая часть его грузов. [Корабль] «Тверь», который добрался почти до рейда Данцига, из-за того что лишился мачты, вернулся в Ревель, за этот поступок офицер в настоящее время предстал перед военным судом и ему будет определено образцовое наказание³⁸⁸. Уже слишком поздно для этого корабля отправляться следом за Вами до весны, но этот корабль еще к Вам вернется.

Я получил от императрицы приказание дать Вам знать настоящим письмом, что Вы, сэр, после того как произведете необходимый, по Вашему мнению, ремонт кораблей, прибывших с Вами в Англию, продолжите плавание, назначив рандеву в том месте, которое Вы, сэр, сочтете достойным для тех, кто останется позади, или для тех, кто, прибыв после Вас в Англию, будет там оставаться для некоторых починок. Мы хорошо понимаем, что Вы окажетесь в Средиземноморье только с частью Ваших сил, мы не сможем ожидать того же эффекта, как если бы Вы пришли со всеми, но Ее императорское величество только требует возможности этого, и она уверена, что Вы это исполните.

Существуют средства, которые я собираюсь объяснить Вам для того, чтобы обеспечить некоторым образом количество Ваших кораблей. Я придерживаюсь мнения, что Вы правильно поступите, наняв их, где найдете. Этот пункт в Вашей инструкции оставлен на Ваше усмотрение, и граф Орлов имеет приказы прислать необходимые патенты. Эту помощь мы можем скорее получить.

Я повторяю Вам, сэр, то, что имел честь сказать и устно, что любое судно эскадры адмирала Спиридова, которое Вы встретите на пути, Вы должны принять под свое командование и заставить его сопровождать Вас в Вашем походе к месту назначения. Ваш опыт и Ваше усердие являются для нас залогом того, что Вы не упустите ничего, чтобы добиться лучших преимуществ из Вашего положения дел, поэтому при любой ситуации Вы можете во всем действовать с уверенностью в том, что получите апробацию Ее императорского величества.

Я заканчиваю с искренней уверенностью в успехе Вашего предприятия и полагаю мои заверения в величайшем удовлетворении, с чем и остаюсь

граф Н. Панин

На основании параграфа вышеприведенного письма я решил нанять какой-нибудь английский транспорт в особенности потому, что я знал, что должен иметь суда для перевозки провизии и вооружить их после того, как войду в Средиземное море. На письмо графа я написал ответ с описанием своего плавания.

«Не Тронь Меня». Спитхед. 23 декабря/3 января 1770 г.³⁸⁹
Его сиятельству графу Панину.
Monseigneur,

---

³⁸⁸ Рапорты Адмиралтейств-коллегии о возвращении «Твери» в Ревель и о потере «Чичагова» см.: РГА ВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 145. Л. 82–84.

³⁸⁹ Это письмо во фрагментах и с разночтениями издано: МИРФ. Ч. 11. С. 531.

Я имею честь сообщить Вашему сиятельству, что после той большой удачи, которая позволила провести все корабли и суда через пролив Каттегат, я тешил себя надеждой, что более половины трудностей уже преодолены, но имел несчастье разлучиться со всем флотом и они, кажется, друг с другом. В ночь после того, как мы миновали Сконе, от нас разлучился транспорт «The Providence & Nancy», но я предполагаю, это было сделано намеренно. На следующий день мы увидели норвежские берега и стояли к западу всю ночь, но из-за силы течения при свете дня мы оказались всего-то в расстоянии двух лиг от Сконе. Течение было на удивление столь сильным, что «Не Тронь Меня» не без труда мог бы вырулить, и поскольку ветер усиливался с северо-запада, я подумал, что лучше поискать безопасный порт, опасаясь, что нас потянет назад в коварный пролив Каттегат. Поэтому я приказал дать сигнал удаляться к Гётеборгу, но, когда мы были в трех лигах от порта в надежде оказаться в безопасности до темноты, ветер успокоился, что поставило нас в рискованную ситуацию из-за течения и отсутствия якорных стоянок (*anchoring ground*). Но вскоре ветер подул от берега и унял наше беспокойство, мы прошли Сконе ночью.

На следующий день 12/23, так как ветер опять переменился, я попробовал достичь Флеккерёй в Норвегии. Я, соответственно, расправил паруса на «Не Тронь Меня» и взял лоцмана в надежде добраться туда до наступления ночи, но «Святослав» и «Африка» были так далеко за нами с подветренной стороны, что я отпустил лоцмана и приложил все усилия, чтобы собрать эскадру, все суда которой в 11 вечера еще были от меня недалеко, но с этого времени до двух ночи ветер менялся, пока не установился в северо-восточном секторе и дул со снегом. При свете дня я потерял из вида «Святослав», хотя с момента, когда ветер стал попутным, мы шли при зарифленных марселях. Это не удивило меня, так как командор Барш обычно днем держался неподалеку, но в течение ночи сильно отставал. Для лоцмана мистера Гордона было невозможно оставаться на палубе и днем, и ночью. Так что со стороны командора Барша это делалось намеренно. В то же время у нас было поднято так мало парусов, что кораблю было трудно лавировать, от того мы испытывали такую качку, что падали переборки моей каюты. Но поскольку на рассвете ветер усилился и оставался попутным, этот ветер (как бы того ни желал по своей лености командор) не дал ему возможности зайти в норвежский порт, так что он был вынужден двигаться вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.